Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

П. Лавровъ.

Формула прогресса Н. К. Михайловскаго.

Противники исторіи.

Научныя основы исторіи цивилизаціи.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.
1906.

339
38

„Формула прогресса Н. К. Михайловскаго".

Не только наша литература и литературы разныхъ націй Европы не богаты въ настоящее время произведеніями, которымъ можно приписать свѣжее философское содержаніе, т. е. попытку объединить болѣе или менѣе обширную область мысли и жизни однимъ принципомъ.

За то въ Европѣ существуетъ нѣсколько установившихся школъ, стремящихся къ округленію философскаго міросозерцанія съ опредѣленной точки зрѣнія. Есть и нѣсколько замѣтныхъ мыслителей, каждое произведеніе которыхъ неибѣжно привлекаетъ читателей, и самыя ошибки которыхъ поучительны, потому что наводятъ читателей на самостоятельную работу мысли. Давно замѣчено, что подобныхъ мыслителей весьма рѣдко можно встрѣтить между оффиціальными представителями философіи, профессорами университетовъ. Изъ живыхъ, Фейербахъ и Джонъ-Стюартъ Милль, или во второмъ ряду Гербертъ Спенсеръ, изъ недавнихъ покойниковъ—Контъ, Прудонъ, или—опять во второмъ ряду—Шопенгауеръ, внѣ ученыхъ коллегій. Къ сожалѣнію, кажется, та же участь ожидаетъ и наше отечество.

Съ тѣхъ поръ, какъ долгая опала снята въ нашихъ университетахъ съ философіи, ни на одной каѳедрѣ этого предмета не появилось еще личности, о которой

можно сказать, что она высказала самостоятельную философскую мысль. Скажемъ болѣе: произведенія нашихъ оффиціальныхъ представителей философіи, при большемъ или меньшемъ ученомъ достоинствѣ, страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: чрезвычайной неопредѣленностью взглядовъ самихъ гг. профессоровъ на основные вопросы науки и жизни. Въ ихъ сочиненіяхъ можно найти эрудицію, знакомство съ философской литературой, но они какъ бы нарочно тщательно скрываютъ свою собственную точку зрѣнія... если у котораго либо изъ нихъ она есть. Насколько слышно, вліяніе ихъ на слушателей весьма незначительно; въ литературѣ же они остаются совершенно чужими всѣмъ живымъ вопросамъ. Изъ нихъ всѣхъ относительно одного г. Троицкаго нельзя еще сказать опредѣлительно, не выйдетъ ли онъ въ будущемъ на дорогу болѣе опредѣленныхъ міросозерцаній, но уже одно то обстоятельство, что онъ выступилъ передъ публикой подъ эгидою московскихъ журнальныхъ диктаторовъ,— слѣдовательно, призналъ себя болѣе или менѣе солидарнымъ съ ихъ воззрѣніями — не позволяетъ надѣяться для него на блестящее будущее на поприщѣ, имъ избранномъ.

И въ нашемъ отечествѣ приходится искать философскіе труды внѣ университетскихъ каѳедръ, въ особенности же въ повременныхъ изданіяхъ. Конечно, тутъ всего чаще мы встрѣчаемся съ людьми, примыкающими къ опредѣленнымъ школамъ заграничныхъ мыслителей (міросозерцаніе славянофиловъ слишкомъ лишено цѣльности, научности и всякаго отношенія къ современнымъ вопросамъ человѣчества, чтобы о немъ упоминать), но нельзя сказать, чтобы изрѣдка и въ нашей литературѣ

не встрѣчались попытки самостоятельно шагнуть далѣе по пути объединяющаго міросозерцанія, удовлетворяющаго задачамъ современности. Если эти попытки рѣдки, то тѣмъ болѣе онѣ заслуживаютъ вниманія, и даже тамъ, гдѣ вполнѣ удачными онѣ названы быть не могутъ, онѣ требуютъ разбора. Наша публика такъ не привыкла отличать самостоятельную мысль отъ перепѣва, что очень часто пропускаетъ безъ вниманія и то, что стоитъ обдумать хорошенько.

Я нисколько не колеблюсь отнести къ философскимъ статьямъ, весьма замѣтнымъ по силѣ мысли, по обстоятельности взгляда и по прочности убѣжденій статьи г. Михайловскаго: „Что такое прогрессъ“, помѣщенныя въ „Отечественныхъ Запискахъ“ прошлаго года (№ 2, 9, 11). Авторъ часто отклоняется въ сторону и позволяетъ читателю терять нить вывода, но это недостатки формальные и важность разсматриваемаго авторомъ вопроса и достоинство его статей заставляютъ меня остановиться на его трудѣ. Этотъ трудъ заслуживаетъ не голословной похвалы, а тщательнаго разбора основныхъ мыслей, и потому именно, что я во многомъ сочувствую мыслямъ автора и раздѣляю ихъ, я надѣюсь, что его не оскорбятъ возраженія, вызванныя желаніемъ еще болѣе разъяснить и установить сочувственные мнѣ взгляды.

Вопросъ о значеніи прогресса потому особенно важенъ, что онъ есть окончательный вопросъ соціологіи и основной вопросъ исторіи.

Пока соціологъ не уяснилъ себѣ, въ чемъ именно надо видѣть прогрессъ, до тѣхъ поръ отдѣльныя части соціологіи отрывочны, ихъ отношенія неопредѣленны и онѣ едва ли могутъ идти далѣе собиранія и группировки фактовъ, далѣе описанія того, что было и что

есть, далѣе полученія кое-какихъ эмпирическихъ законовъ, научный смыслъ которыхъ остается не яснымъ. Пока соціологія не установила смыслъ прогресса, до тѣхъ поръ она, какъ цѣльная и единая наука, не существуетъ.

Но если понятіе о прогрессѣ служитъ завершеніемъ соціологіи, то безъ него нельзя даже приступить къ разумному построенію исторіи. Что должно войти въ историческій разсказъ и что можетъ быть оставлено въ сторонѣ? Чему слѣдуетъ стоять на первомъ планѣ и чему на второмъ? Каковъ смыслъ событій? Каково значеніе дѣятелей? Всѣ эти вопросы получаютъ отвѣты только на основаніи того взгляда на прогрессъ, который установилъ для себя историкъ, принимаясь за дѣло. Если историкъ ясно созналъ это требованіе и вѣрно понялъ значеніе прогресса, то его трудъ осмысленъ. Если авторъ ложно смотритъ на требованіе прогресса, то его разсказъ даетъ искаженное понятіе о ходѣ исторіи. Если же ученый вовсе не думалъ уяснять себѣ понятіе прогресса и довольствуется въ своей исторіи случайными взглядами, пріобрѣтенными въ жизни и не соглашенными, то его трудъ научнаго значенія вовсе имѣть не можетъ, а развѣ представитъ, по своему фактическому содержанію, годный матеріалъ для будущаго историка.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что даже самая малѣйшая неполнота, или неточность, въ установленіи понятія о прогрессѣ имѣетъ весьма важное значеніе для двухъ областей человѣческой мысли, не говоря уже о томъ, что она имѣетъ и значеніе жизненное. Поэтому, указаніе, дополненіе и разработка этого понятія составляютъ одну изъ важнѣйшихъ цѣлей философскаго мышленія. Это хорошо поняли многіе изъ современныхъ мыслителей.

Г. Михайловскій написалъ свою статью по поводу теоріи прогресса Герберта Спенсера, поэтому его трудъ распадается на двѣ части, отрицательную и положительную. Въ отрицательной части своего труда г. Михайловскій подвергаетъ строгой критикѣ параллель, проводимую между индивидуальнымъ и общественнымъ организмомъ, и попытки приложить объективный методъ къ соціологіи. Вполнѣ раздѣляя взглядъ автора относительно этихъ вопросовъ, я на нихъ останавливаться не буду. Насколько помню, сходные взгляды были высказаны въ критической статьѣ по поводу первыхъ выпусковъ г. Спенсера въ „Женскомъ Вѣстникѣ“ 1867 г., но г. Михайловскій развилъ свой взглядъ гораздо подробнѣе и, очевидно, совершенно самостоятельно. Положительная сторона теоріи г. Михайловскаго тѣсно связана съ его взглядомъ на соціальное значеніе раздѣленія труда и формулирована имъ весьма ясно въ его опредѣленіи прогресса, опредѣленіи, которымъ авторъ заключаетъ свою статью.

„Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣльности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно лишь то, что уменьшаетъ разнородность общества, увеличивая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ частей“.

Такова заключительная теорема соціологіи и основная теорема исторіи, по мнѣнію г. Михайловскаго.

Я уже сказалъ выше, что имѣю въ виду не отрицаніе взглядовъ автора, а нѣкоторое разъясненіе и до-

полненіе, въ которыхъ его формулы, по моему мнѣнію, нуждаются. И въ этомъ видѣ, который приданъ теоріи прогресса авторомъ, она, по полнотѣ, по опредѣленности и по практической важности можетъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду извѣстныхъ мнѣ теорій прогресса, выставленныхъ въ Европѣ, въ особенности съ точки зрѣнія соціологической. Но какъ ни важны въ этомъ отношеніи заслуги г. Михайловскаго, я всетаки не могу согласиться, чтобы его формула прогресса удовлетворяла всѣмъ требованіямъ, которыя должны быть ею удовлетворены по ея важности для науки вообще.

Обращу вниманіе на три условія, которыя, между прочимъ, считаю необходимыми для всякой раціональной формулы прогресса:

1) Такъ какъ „высшій контроль“ въ соціологіи „долженъ принадлежать субъективному методу“—и это положеніе прекрасно развито и доказано г. Михайловскимъ,—то формула прогресса должна выражать это отношеніе между субъективнымъ и объективнымъ пониманіемъ общественныхъ явленій.

2) Какъ формула *прогресса*, она должна допускать для общества идеальнаго, удовлетворяющаго требованіямъ, въ ней заключающимся, возможность *дальнѣйшаго* прогресса.

3) Какъ основаніе исторіи, она должна быть приложима ко всѣмъ фазисамъ исторіи и давать возможность развить исторію цивилизаціи, руководствуясь понятіемъ о прогрессѣ, заключенномъ въ данной формулѣ.

Первое условіе должно бы, какъ кажется, быть принято г. Михайловскимъ на основаніи его собственнаго взгляда на методъ въ соціологіи. Второе условіе, мнѣ

кажется, само собой разумѣется, и его нарушеніе привело бы, полагаю, къ противорѣчію въ самомъ понятіи прогресса. Отбросивъ же третье условіе, мы навсегда лишимъ исторію всякаго раціональнаго основанія и осудимъ ее на болтовню пестрыхъ разсказовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ основнымъ задачамъ соціологіи.

Между тѣмъ, именно повѣряя формулу г. Михайловскаго тремя приведенными выше условіями, можно убѣдиться въ ея неполнотѣ.

Прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что г. Михайловскій, такъ сильно, обстоятельно и убѣдительно доказывавшій первенство *субъективнаго* метода въ соціологіи, получилъ формулу *объективную*. По послѣднимъ строкамъ его, выписаннымъ мною, выходитъ, что не только для вреда и неразумности, но и для нравственности и справедливости оказывается безусловная, объективная норма, такъ что человѣкъ, собственно, не имѣетъ и не имѣлъ никогда права считать что-либо справедливымъ и нравственнымъ, кромѣ того, что заключается въ постановленной формулѣ. При многократномъ оспариваніи г. Михайловскимъ самаго принципа безусловной справедливости—съ чѣмъ я позволяю себѣ не согласиться и вернусь къ этому ниже—это можно бы считать противорѣчіемъ, такъ какъ едва ли не всякій читатель пойметъ послѣднія фразы г. Михайловскаго, какъ категорическое правило для человѣческой нравственности и справедливости, правило, не допускающее измѣненія ни во времени, ни въ пространствѣ, и безусловно подчиняющее нравственное мышленіе человѣка разъ навсегда установленному закону, столь же неизмѣнному, какъ законы тяготѣнія. Если г. Михайлов-

скій правъ, когда доказывалъ зависимость нравственныхъ идеаловъ отъ времени и мѣста, то онъ не правъ, выражаясь категорически: безнравственно *это*, нравственно *то*, при чемъ объектъ нравственности есть не развивающійся принципъ, а совершенно положительное правило, не субъективное состояніе духа, а объективный процессъ. Если же г. Михайловскій правъ въ своей установкѣ нормы для объективной нравственности, то его подробный и прекрасный анализъ субъективнаго и объективнаго методовъ въ соціологіи не вѣренъ: эта формула вполнѣ независима отъ наслажденія и страданія личности.

Но меня могутъ обвинить въ придирчивости.

Можно допустить, что субъективнымъ методомъ мышленія надъ соціологическими задачами (т. е. имѣя въ виду наслажденіе и страданіе личностей) мы дойдемъ до объективнаго закона общественнаго развитія. Можно допустить, что всѣ разнообразныя понятія о нравственности и справедливости, измѣнявшіяся по времени и по мѣсту, были ложны, потому что вырабатывались ошибочными пріемами; но теперь, когда анализъ личнаго и общественнаго блага дозволилъ употребить болѣе точные пріемы, теперь мы получили безусловно вѣрную формулу нравственности и справедливости, которой *обязательно* подчинить разнообразныя субъективныя понятія о предметѣ, какъ перепутанные пути планетъ теряютъ свою спутанность, лишь только умъ нашъ способенъ прослѣдить за выводомъ законовъ Кеплера. Въ такомъ случаѣ допустимъ, что формула г. Михайловскаго вѣрна, примемъ ее за безусловную формулу прогресса и посмотримъ, возможенъ ли прогрессъ въ идеальномъ обществѣ, гдѣ требованія формулы были бы удовлетворены.

Я перехожу къ повѣркѣ его формулы вторымъ условіемъ, приведеннымъ выше.

Невозможности, противопоставляемыя природою полному равенству особей, заключаются въ различіи пола и возраста. Невозможности, противопоставляемыя ею же всестороннему развитію отдѣльной личности, заключаются въ кратковременности человѣческой жизни. Я говорю лишь о тѣхъ невозможностяхъ, которыя безспорны, и допускаю, что техника сумѣетъ преодолѣть всѣ остальныя.

Даже различіе пола не возьму въ соображеніе, потому что въ настоящее время уже можно считать вѣроятнѣйшею доступность одинаковаго развитія для обоихъ половъ при правильномъ воспитаніи, выборныя же половыя привязанности, играющія теперь весьма важную роль въ обществѣ и влекущія за собой чрезвычайную неравномѣрность отношеній, могутъ въ новомъ общественномъ строѣ потерять свое соціальное значеніе, или войти въ новыя комбинаціи, которыя намъ трудно себѣ представить.

Итакъ, различіе возраста и краткость жизни составятъ единственныя ограниченія, которыя я приму для личностей общества г. Михайловскаго. Допуская, что медицина, гигіена и педагогія удлинятъ среднюю и безусловную жизнь личностей (Флуранъ и другіе считали это возможнымъ въ довольно значительной мѣрѣ), сократя значительно періодъ дряхлости и совершенно безполезнаго для общества дѣтства, всетаки нельзя предположить въ этомъ случаѣ безпредѣльнаго прогресса. Допуская весьма значительные успѣхи науки и техники,—при чемъ первая будетъ стремиться къ обобщенію, упрощенію и объединенію своего матеріала, вто-

рая же къ замѣнѣ значительной части личнаго труда механическимъ,—всетаки трудно себѣ представить, чтобы каждая личность, въ короткій срокъ своей жизни, усвоила себѣ полное знаніе всѣхъ наукъ и полное мастерство по всѣмъ отдѣламъ техники. Если подобное усвоеніе положительно невозможно, а безусловная нравственность и справедливость требуютъ возможнаго приближенія къ равенству дѣятельности особей, то нѣтъ сомнѣнія, что идеалъ равенства долженъ быть достигнутъ всѣми возможными средствами, даже съ ограниченіемъ успѣховъ знанія и техники. Это ограниченіе возможно, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго положенія было бы устраненіе нѣкоторыхъ отраслей знаній, какъ менѣе полезныхъ въ виду невозможности всѣмъ людямъ пріобрѣсти ихъ, и несправедливости, чтобы иные члены общества имѣли одни спеціальныя знанія, другіе члены—другія знанія.

Иначе говоря, слѣдствіемъ этого было бы уменьшеніе области науки и техники. На мой взглядъ это было бы регрессомъ, но г. Михайловскій въ правѣ не признавать этого, и нѣтъ сомнѣнія, что, если бы доказана была очевидная научная противоположность расширенія знанія и техники расширенію справедливыхъ отношеній между людьми, то слѣдовало бы пожертвовать первой областью для второй. Даже есть такія области техники, которыя неизбѣжно атрофируются съ развитіемъ человѣчества, какъ-то военное дѣло, ремесла и искусства, связанныя съ религіознымъ культомъ, вѣроятно, торговое дѣло; но я здѣсь говорю не о естественномъ ослабленіи техники тамъ, гдѣ потребности, ее вызывавшія, ослабѣваютъ, но объ обдуманномъ сокращеніи теоретическихъ и техническихъ знаній въ виду болѣе равномѣрнаго раз-

витія особей общества, хотя потребности, вызывающія знанія, еще существуютъ. Впрочемъ, я готовъ сдѣлать и еще уступку: допустимъ, что масса знаній и техническихъ пріемовъ въ нашемъ идеальномъ обществѣ не превосходитъ средства особи и что, при правильномъ развитіи, каждый членъ этого общества можетъ овладѣть всѣми отраслями знаній и техники. Тогда всѣ особи достигнутъ идеальнаго развитія, которое требуетъ г. Михайловскій: мы имѣемъ общество, состоящее изъ „цѣлостныхъ недѣлимыхъ“, при чемъ каждый дошелъ до „полнаго и всесторонняго раздѣленія труда между органами“, а раздѣленіе труда между людьми ограничено отдѣленіемъ воспитываемыхъ дѣтей и старцевъ, требующихъ заботъ, отъ взрослыхъ энциклопедистовъ науки и техники.

Конечно, г. Михайловскій не допускаетъ, чтобы это общественное равенство поддерживалось какимъ-либо принужденіемъ, и я не буду допускать этого. Глубокое убѣжденіе въ совершенствѣ подобнаго строя должно составить его прочность. Каждая личность воспитывается, развивается, дѣйствуетъ и сходитъ въ могилу въ полной увѣренности, что она не можетъ и не должна обратиться къ теоретической или практической дѣятельности, которая отличила бы ее отъ другихъ. По всей вѣроятности, ни одинъ членъ общества не можетъ себѣ и представить подобной дѣятельности; но, если бы онъ ее себѣ представилъ, то онъ обязанъ отъ нея отвернуться, потому что она увеличила бы разнородность между членами общества, а подобное увеличеніе безнравственно и несправедливо по основной теоремѣ г. Михайловскаго.

Такимъ образомъ, прогрессъ подобнаго общества

могъ бы совершаться лишь слѣдующимъ путемъ: новая теоретическая идея, или новое практическое побужденіе должны бы заразъ явиться въ мозгу всѣхъ взрослыхъ членовъ общества, такъ, чтобы разнородность ихъ не увеличилась бы отъ новой идеи. *Только* такой прогрессъ былъ бы нравственъ и справедливъ, и, такъ какъ, по предположенію, мы имѣемъ общество, руководствующееся безусловною нравственностью, то лишь такой прогрессъ былъ бы возможенъ. Но не только въ мірѣ человѣческомъ, а во всемъ мірѣ позвоночныхъ, насколько мы имѣемъ о немъ понятіе, прогрессъ подобнымъ процессомъ не совершается. Новая мысль и новое побужденіе всегда являются въ мозгу одной особи, большею частью выдерживаютъ борьбу съ другими мыслями и побужденіями сначала въ самой личности потомъ въ мнѣніи другихъ, и усваиваются постепенно, съ трудомъ. Допустить противное—значило бы не только допустить общество идеальное, не состоящее изъ личностей, аналогичныхъ нынѣшнимъ людямъ, а допустить въ немъ существованіе личностей съ иными логическими пріемами, чѣмъ нынѣшніе люди. Это значило бы идти далѣе предѣловъ раціональныхъ гипотезъ, и потому я считаю себя въ правѣ сказать, что общество, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ *формулы прогресса* г. Михайловскаго, было бы общество *не прогрессивное*. Поколѣнія въ немъ слѣдовали бы за поколѣніями, но они бы такъ же походили одно на другое, какъ нынѣшнія пчелы походятъ на пчелъ временъ Виргилія. Критическая мысль атрофировалась бы. Исторія прекратилась бы. Насколько я понимаю слово „цивилизація“, оно было бы не примѣнимо къ подобному обществу, которое бы жило чисто культурною жизнью, жизнью высшихъ без-

позвоночныхъ. Привычки, преданія замѣнили бы для него работу мысли. Сознаюсь г. Михайловскому, что какъ бы ни были разносторонне развиты цѣлостныя особи этого общества, какъ бы ни были онѣ равноправны, равносильны, я бы счелъ это общество, лишенное критики, обреченное застою, сошедшее на ступень безпозвоночныхъ — жалкимъ обществомъ, стоящимъ по достоинству ниже жалчайшихъ обществъ современной цивилизаціи.

И здѣсь г. Михайловскій можетъ мнѣ сдѣлать сильное и весьма дѣйствительное возраженіе. Не даромъ же онъ поставилъ слово „возможно“ два раза въ своей формулѣ. Общество, подобное тому, о которомъ я говорилъ, онъ назоветъ, можетъ быть, не идеальнымъ, а *невозможнымъ*, слѣдовательно, выходящимъ изъ предѣловъ его формулы и соціологическаго построенія. Физической невозможности въ остановкѣ общественнаго развитія на той, или другой ступени я вовсе не вижу, — и не разъ въ исторіи встрѣчались примѣры нѣкотораго приближенія къ обращенію прогрессивной цивилизаціи въ культурный застой.

Когда простѣйшія потребности вліятельнѣйшей части общества удовлетворены, то стремленіе къ застою, или консерватизмъ, проявляется обыкновенно съ большею силою. Чѣмъ выше въ соціальномъ отношеніи основы общественнаго строя, тѣмъ скорѣе въ нихъ можетъ проявиться и восторжествовать стремленіе къ застою, если только съ соціальной высотою строя не развито и убѣжденіе въ необходимости критической мысли въ личности. Поэтому *объективно* разсматривая общество, гдѣ неравенство между личностями доведено до минимума, а развитіе личности до максимума, я вовсе не вижу повода думать, чтобы въ этомъ строѣ существовало вну-

треннее развивающее начало, когда въ основѣ общественныхъ вѣрованій лежитъ объективный принципъ, неуравновѣшанный субъективною потребностью критики. Всякое объективное начало, поставленное въ главу этики и соціологіи, имѣетъ стремленіе подавить субъективное развитіе, слѣдовательно, атрофировать потребность критики. Но есть одна причина, которая дѣйствительно имѣетъ слѣдствіемъ невозможность общества, которое я нарисовалъ: именно на этой высотѣ развитія никогда личность не подчинится никакой теоремѣ объективной; никогда потребность личной критики не преклонится даже передъ теоремою равенства между особями, никогда основной законъ прогресса, выведенный г. Михайловскимъ, не станетъ въ вѣрованіи общества основною мѣркою нравственности и справедливости; залогъ прогрессивности общества, воплотившаго этотъ законъ, будетъ заключаться въ томъ, что оно станетъ постоянно искать нравственнаго и справедливаго, руководствуясь *иными* мѣрками. Оно признаетъ въ стремленіи къ всестороннему развитію особей и къ ихъ равенству между собою одно изъ основныхъ *проявленій* нравственности и справедливости, но не *объективную мѣрку* того и другого. Для этого лучшею повѣркою можетъ служить исторія, что заставляетъ меня перейти къ третьему изъ условій, поставленныхъ выше.

Если допустить опредѣленіе г. Михайловскаго, какъ основное опредѣленіе прогресса, то почти вся историческая жизнь человѣчества представитъ явленія регрессивныя. Факты простой кооперації такъ малочисленны и отодвигаются преимущественно въ періоды столь мало историческіе, а повсюду въ записанной исторіи „эксцентризмъ“ господствуетъ настолько, что съ этой точки

зрѣнія исторія остается печальнымъ разсказомъ о томъ, какъ *не слѣдовало* ей быть. Конечно, наука требуетъ не результатовъ пріятныхъ, а результатовъ истинныхъ, но при этомъ рождается вопросъ: если прошедшая исторія даетъ лишь слѣды регресса, то откуда мы получаемъ понятіе о прогрессѣ? Если оно не есть чудесное откровеніе новѣйшаго времени, то оно должно было выработаться постепенно накопленіемъ историческаго опыта. Слѣдовательно, въ рядѣ явленій, подготовлявшихъ человѣчество къ усвоенію формулы прогресса, установленной г. Михайловскимъ, мы имѣемъ процессъ, дозволяющій найти другую формулу, болѣе широкую. Были въ исторіи явленія, способствовавшія развитію его формулы, и другія явленія, проводѣйствовавшія ея будущему развитію, или индифферентныя для него. Процессъ, вызвавшій явленія перваго рода, даже съ точки зрѣнія г. Михайловскаго, долженъ быть отличимъ отъ общей массы событій и требуетъ для себя особаго названія, хотя бы онъ заключалъ въ себѣ и временное возрастаніе эксцентризма въ исторіи. Формула для этого процесса будетъ имѣть ту выгоду въ соціологіи, что она станетъ мѣркою нравственнаго и справедливаго не только для настоящаго и будущаго, — для чего приложима формула г. Михайловскаго, — но еще для прошедшаго, которое, по мѣркѣ г. Михайловскаго, почти вполнѣ приходится отрицать. А кромѣ того, она должна заключать въ себѣ и формулу г. Михайловскаго, какъ частный случай. Для исторіи же выгоды формулы, получен ной такимъ путемъ, будутъ еще значительнѣе: она позволитъ понять исторію, какъ процессъ развитія, а не отброситъ ее всю въ область неудачныхъ попытокъ человѣчества къ лучшему. Едва ли несправедливо подоб

ную формулу признать за формулу прогресса: она завершитъ соціологію и уяснитъ построеніе исторіи.

Для полученія этой формулы мнѣ вовсе не нужно дополнять разсужденія г. Михайловскаго новымъ матеріаломъ. Въ его собственномъ разсужденіи я стану черпать средства для развитія его формулы, и ограничусь лишь устраненіемъ двухъ предвзятыхъ мыслей, которыя, какъ мнѣ кажется, ему помѣшали сдѣлать дальнѣйшій шагъ по пути, на которомъ онъ шелъ съ такимъ успѣхомъ, именно въ томъ направленіи, которое онъ самъ себѣ поставилъ.

Прежде всего устраню ту странную оговорку, которую встрѣчаю у г. Михайловскаго на послѣднихъ страницахъ статьи. Онъ самъ говоритъ: „Если объективный методъ не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ общественной науки, дать ей верховный принципъ, то какой изъ субъективныхъ принциповъ можетъ быть выбранъ, какъ наилучшій... Возможно полное и многостороннее раздѣленіе труда между органами человѣка и возможно меньшее раздѣленіе труда между людьми, таковъ предлагаемый нами принципъ“. Но что же тутъ субъективнаго? Это положеніе совершенно *объективное*, доступное внѣшнему анализу нѣсколькихъ личностей, независимо отъ ихъ внутренняго состоянія духа. Это, очевидно, оговорка. Я едва ли ошибусь, если приму, что, по мнѣнію г. Михайловскаго, общество, наилучше воплощающее эту задачу, доставляетъ своимъ членамъ наибольшую массу наслажденій, наиболѣе правильно раздѣленныхъ между особями, и наименьшее количество страданій. Я считаю себя въ правѣ заключить, что именно такова мысль г. Михайловскаго, потому что во всей своей статьѣ онъ особенно сильно выставляетъ

на видъ, что въ соціологіи должно имѣть въ виду наслажденіе и страданіе особей, которыхъ приравнивать къ органамъ не слѣдуетъ. Изъ всего его разсужденія совершенно ясно, что личное благо особей, образующихъ общество, составляетъ руководящую нить этого разсужденія, и его формула представляется лишь объективнымъ *средствомъ* для осуществленія этого субъективнаго начала.

Если я не ошибся, то г. Михайловскій въ соціологіи долженъ быть отнесенъ къ обширной школѣ утилитаристовъ съ преобладающимъ оттѣнкомъ *личнаго блага* въ формулѣ *общей пользы*, обобщающей всю школу утилитаризма. Это точка зрѣнія весьма трезвая и научная. Утилитаристы сдѣлали весьма много для соціологіи, и, выставивъ на видъ реальный смыслъ слова „общая польза", именно наибольшая масса личнаго наслажденія при наименьшемъ количествѣ личнаго страданія—г. Михайловскій становится въ ряды передовыхъ утилитаристовъ. При этомъ уясненіи реальной задачи утилитаризма, еще большую заслугу надо приписать ему за рѣдкую постановку вопроса о методѣ и безповоротное требованіе субъективнаго начала для соціологіи. При этомъ формула, которую г. Михайловскій даетъ какъ опредѣленіе прогресса, оказывается практическимъ выводомъ субъективной задачи: найти общество, гдѣ личное благо всѣхъ членовъ было бы взято въ соображеніе наиболѣе полно.

Становясь на эту точку зрѣнія мы получаемъ уже принципъ гораздо болѣе широкій и при этомъ совершенно субъективный, а кромѣ того, присматриваясь къ поставленной задачѣ и къ данному г. Михайловскимъ рѣшенію, можно сдѣлать еще нѣсколько важныхъ шаговъ впередъ.

Г. Михайловскій видитъ рѣшеніе задачи въ наиболѣе разностороннемъ развитіи личности и въ наиболѣе полномъ уравненіи членовъ общества. Приму, что это совершенно вѣрно. Но какимъ путемъ личность можетъ развиваться? Какой элементъ способствуетъ развитію личности? Какой элементъ способствуетъ уменьшенію неравенства между личностями? Какимъ процессомъ идетъ въ обществѣ расширеніе развитія личностей и уменьшеніе ихъ неравенства? Личности развиваются познаніемъ истины. Неравенство уменьшается воплощеніемъ справедливости. Расширеніе развитія личностей и уменьшеніе ихъ неравенства идетъ путемъ критики мысли. Эта критика начинается съ *одной* личности, продолжается въ *немногихъ*, и лишь вслѣдствіе борьбы и пропаганды расширяется все далѣе и далѣе.

Здѣсь именно мы встрѣчаемся съ двумя предвзятыми мыслями, ставшими, по моему мнѣнію, поперекъ дороги г. Михайловскаго. Въ своей статьѣ онъ сильно нападаетъ на „безусловную справедливость“, и даже изображаетъ картину въ посмѣяніе этого начала. Не менѣе строго онъ порицаетъ спеціальную науку, хотя главные удары въ этомъ случаѣ онъ наноситъ въ другой своей статьѣ: „Параллели и контрасты“, помѣщенной въ „Невскомъ сборникѣ“. Мы полагаемъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ грозныя нападенія г. Михайловскаго надо приписать нѣкоторому недоразумѣнію, между тѣмъ, это недоразумѣніе едва ли не помѣшало автору надлежащимъ образомъ развить далѣе свою мысль.

Г. Михайловскій принялъ слово *справедливость* въ смыслѣ *легальности*, какъ весьма часто понимаютъ ее юристы. Онъ представилъ, какъ образецъ безусловной справедливости, казнь преступника, и цитировалъ Канта.

Великій кенигсбергскій мыслитель умеръ болѣе полувѣка тому назадъ, а въ эти полвѣка философское понятіе о justitia нѣсколько выработалось.

Оказалось, что единственная справедливость нашего времени ведетъ начало отъ древней equitas, если смыслъ слова justitia не отождествляется со смысломъ equitas, то къ ней приложимо лишь знаменитое изреченіе Summum jus summa injuria.

Кромѣ того, недавнее прошлое дало мыслителя, который разработалъ современное понятіе о справедливости настолько полно, что, повидимому, оградилъ его отъ такихъ нападеній, какъ нападенія г. Михайловскаго. Неужели справедливость въ теоріи Прудона можетъ вызывать столь ограниченное истолкованіе? Неужели въ наше время развитой мыслитель можетъ отождествлять справедливость съ исполненіемъ буквы закона? Неужели еще не анахронизмъ приклеивать ярлыкъ *справедливость* къ висѣлицѣ, къ эшафоту? Еще старикъ Софоклъ устами Антигоны говоритъ человѣчеству о „неписанныхъ законахъ“, и, кажется, пора мыслителямъ догадаться, что *безусловная* справедливость существуетъ именно въ этихъ „неписанныхъ законахъ“.

Да, безусловная нравственность и безусловная справедливость существуютъ, но ни одна объективная формула нравственности, ни одинъ юридическій кодексъ никогда не заключали ихъ. Ихъ основаніе субъективно, и между тѣмъ они безусловны. Ихъ формулы въ высшей степени измѣнчивы, а между тѣмъ ихъ сущность съ начала выдѣленія человѣчества изъ животнаго міра не измѣнилась ни на одну іоту. Идеалъ нравственности всегда заключался въ томъ, чтобы выработать себѣ практическое, возможно вѣрное убѣжденіе и неуклонно слѣдовать этому

убѣжденію въ жизни. Идеалъ справедливости всегда заключался въ томъ, чтобы обращаться съ другими по ихъ достоинству и поддерживать признанное за ними достоинство всѣми своими силами. Знанія были слабы; умъ былъ неповоротливъ; пріемы критики были невыработаны. Отсюда получалось ложное убѣжденіе, ложная оцѣнка чужого достоинства. Но и тогда нравственному осужденію подлежалъ лишь тотъ, кто не поступалъ по *своему* убѣжденію, или поступалъ противъ своего убѣжденія. Несправедливъ лишь былъ тотъ, кто оскорблялъ въ человѣкѣ достоинство, за нимъ признанное, или позволялъ другимъ оскорблять это достоинство. Въ *наше* время критика мысли позволяетъ признать во всѣхъ личностяхъ равное *человѣческое* достоинство, и этотъ успѣхъ критики позволяетъ поставить теорему: всѣ члены общества имѣютъ право на возможно равномѣрное раздѣленіе благъ между ними, на равное развитіе, на равный трудъ, на возможно полную долю въ общественной жизни. Это одно изъ *слѣдствій* основного начала соціологіи, и начало это есть та самая *безусловная* справедливость, противъ которой такъ возстаетъ г. Михайловскій. Онъ формулировалъ одинъ изъ частныхъ законовъ, вытекающихъ изъ ея начала, столь же древняго, какъ человѣчество. „Каждому по достоинству“ было правиломъ, руководившимъ передовыхъ людей всѣхъ временъ, всѣхъ обществъ, какъ бы ни было низко ихъ умственное развитіе, какъ бы ни была жалка ихъ культурная обстановка. Весьма скоро человѣкъ убѣдился въ необходимости признать, хотя временно, въ нѣкоторыхъ людяхъ достоинство, равное его достоинству. Но кто были эти люди? На это расширяющееся знаніе давало послѣдовательно разные отвѣты: твой сотрудникъ во время сотрудничества, твой семьянинъ, твой родичъ,

твой товарищъ по сословію, по занятіямъ, пока человѣкъ дошелъ до сознанія: всякій человѣкъ имѣетъ равное съ тобою достоинство. Какъ только послѣднее было сказано, требованіе равенства въ трудѣ и въ благахъ жизни получалось само собою. Г. Михайловскій, установивъ субъективный принципъ для соціологіи и подставивъ его въ задачу утилитаризма, тѣмъ самымъ отошелъ въ лагерь соціологовъ, строющихъ свою науку на принципѣ безусловной справедливости, и доказалъ, что утилитаризмъ, надлежащимъ образомъ понятый, тождественъ съ ученіемъ, строющимъ этику и соціологію на понятіи о справедливости. Формула г. Михайловскаго, выведенная имъ изъ утилитарныхъ началъ, есть формула *современнаго* пониманія справедливости, воплощенной въ общественныя формы. Г. Михайловскій противопоставляетъ положенію: справедливость для справедливости, другое: справедливость для человѣка. Но эти положенія тождественны, потому что справедливость *не* для человѣка есть абсурдъ; въ самомъ смыслѣ ея заключается требованіе имѣть въ виду человѣка. Она есть сознательное отношеніе человѣка къ человѣку, взявъ въ соображеніе всѣ извѣстныя особенности того и другого. Кто точнѣе слѣдуетъ положенію: справедливость для справедливости, тотъ всего человѣчнѣе относится къ своему ближнему.

Здѣсь я считаю необходимымъ уяснить одинъ пунктъ. Если я призналъ справедливость началомъ безусловнымъ вообще, это еще не значитъ, что человѣкъ въ жизни руководствуется *единственно* справедливостью. Нѣтъ: личность подчинена, наравнѣ со всѣмъ живымъ и не живымъ, *необходимымъ* законамъ безсознательной природы, и среда устанавливаетъ для нея въ каждую минуту условія *возможнаго*. Лишь ограниченная этими законами и усло-

віями, личность можетъ работать практически надъ истиною и справедливостью. Голодный пролетарій, горячечный больной, человѣкъ въ порывѣ неудержимой страсти, человѣкъ, подавленный привычками и преданіями культуры, его окружающей, такъ же мало подчинены безусловному началу справедливости, какъ растеніе и животное. Для ихъ дѣятельности приложима не *иная* мѣрка справедливости, но мѣрка справедливости къ нимъ *вовсе* не приложима. Для цѣлаго общества настаютъ иногда печальныя минуты, гдѣ борьба за существованіе въ самой грубой ея формѣ есть единственный законъ особей. Но эти печальныя минуты нисколько не мѣшаютъ существованію безусловной справедливости. Какъ только условія *возможнаго* измѣнились, тотъ самый законъ борьбы за существованіе, который вчера вызывалъ антропофагію, сегодня путемъ критики доказываетъ, что законъ справедливости есть наивыгоднѣйшій способъ для каждой личности не только отстаивать себя, но и увеличивать наслажденіе своего существованія. Съ перваго мгновенія дѣятельности *разума*, справедливость является со всѣми своими требованіями. Отвѣтственность предъ собою, нравственность и справедливость суть безусловныя начала для всякой личности, возвышающейся надъ міромъ остальныхъ животныхъ, и теряютъ свою обязательность лишь въ тѣ часы, когда личность снова опускается до уровня низшихъ породъ, подчиняясь лишь необходимому и возможному. Въ эпоху „Тьмы“ Байрона точно некогда навѣшивать ярлыка нравственныхъ категорій, но именно потому, что эта эпоха принадлежитъ области натуралиста, а не соціолога.

Я сказалъ, что законъ справедливости вѣченъ въ своей сущности, но въ то же время указалъ на его

прогрессъ путемъ уясненія терминовъ, въ него входящихъ. Это уясненіе есть дѣло науки. Только она можетъ придать реальный смыслъ первой половинѣ формулы г. Михайловскаго, и она же только можетъ выработать въ обществѣ понятіе, выраженное во второй половинѣ этой формулы. Возможно полное раздѣленіе труда между органами требуетъ познанія этихъ органовъ въ ихъ раздѣльности и въ ихъ отношеніяхъ, въ ихъ составѣ и въ ихъ функціяхъ, т. е. познанія человѣка, какъ результата процессовъ природы и исторіи, и человѣка, какъ источника теоретической и практической дѣятельности. Возможно меньшее раздѣленіе труда между людьми доступно лишь мысли, настолько упражнявшейся въ критикѣ, что для нея всѣ унаслѣдованные предразсудки о разницѣ достоинства личностей различныхъ расъ, народностей, сословій, половъ не имѣютъ права на существованіе, а индивидуальныя различія, бросающіяся въ глаза, исчезаютъ предъ одинаковостью главныхъ элементовъ человѣческаго существа во всѣхъ людяхъ. Для того, чтобы мысль охватила всѣ задачи, лежащія въ первомъ условіи, и для того, чтобы она выработалась до полнаго уясненія второго условія, нужны разнообразное критическое упражненіе, длинная научная традиція. Если бы критическая мысль сразу обратилась на существенные пункты общественныхъ болячекъ, она бы возбудила сейчасъ подозрѣніе многочисленныхъ общественныхъ паразитовъ и была бы подавлена. Чтобы бороться съ этими паразитами, она должна прежде окрѣпнуть, войти въ общественныя привычки, какъ дѣло самое невинное, даже болѣе, какъ дѣло, способствующее благополучію общественныхъ паразитовъ. Оно такъ и бываетъ. Критическая мысль появляется въ исторіи какъ средство увеличенія наслажденій

меньшинства государственной и клерикальной іерархіи на счетъ большинства, эксплуатируемаго этимъ меньшинствомъ. Всѣ знанія общества обращены тогда на технику постройки великолѣпныхъ храмовъ и дворцовъ, на усиленіе теократическихъ началъ, военнаго сословія. Личный интересъ правителей и жрецовъ заставляетъ ихъ накоплять знанія около себя и ихъ монополизировать въ свою пользу. Неравенство увеличивается временно; положеніе большинства становится сравнительно хуже, а успѣхи критической мысли весьма незначительны. Вѣчно сдерживаемая въ сферѣ практики и тайныхъ пріемовъ, вѣчно монополизируемая ревнивымъ меньшинствомъ эксплуататоровъ, мысль накопляетъ факты, но слабо стремится понять ихъ,—свѣдѣнія могутъ быть весьма значительны, но наука едва существуетъ.

Она можетъ проявиться надлежащимъ образомъ лишь тогда, когда знаніе становится свѣтскимъ и свободнымъ. Это совершается въ сферѣ, которая не затрагиваетъ государственныхъ и религіозныхъ интересовъ, потому что всюду господствующее меньшинство задавило бы личность, которая бы дотронулась до этихъ интересовъ. Свободная критика развивается прежде всего въ сферѣ *спеціальностей*. Дѣльцы и эксплуататоры нахваливаютъ, улыбаясь, ученаго, погруженнаго въ геометрическія построенія, въ изслѣдованіе скелета рыбъ, въ сравненіе рукописей, писанныхъ за тысячу лѣтъ о предметахъ, не имѣющихъ никакого общественнаго значенія. „Жалкіе люди“, говоритъ объ ученыхъ спеціалистахъ народный ораторъ, вызывая общество къ переворотамъ, къ реформамъ сегодняшняго зла, и онъ правъ, если эти жалкіе люди настолько ушли въ свои изслѣдованія, что

перестали сочувствовать общественнымъ бѣдствіямъ, перестали страдать отъ общественнаго страданія.

„Презрѣнные люди“, говоритъ общественный реформаторъ, идя въ ссылку или на эшафотъ, и смотря, какъ эти ученыя знаменитости лѣзутъ въ слуги Птоломеевъ, Висконти, Людовиковъ, Наполеоновъ. И точно, они дѣлаютъ изъ науки дойную корову; они образуютъ новое привилегированное меньшинство, эксплуатирующее массу и помогающее ее эксплуатировать. Профессуры и академическія почести становятся средствомъ жить на счетъ другихъ. Капиталисты науки душатъ своихъ конкуррентовъ. Всякая широкая идея встрѣчаетъ упорное сопротивленіе въ такъ называемыхъ служителяхъ науки. Справедливѣйшія реформы отрицаются во имя науки. Во имя ея проповѣдуется индифферентизмъ; во имя ея люди приносятъ въ жертву эгоистическому разсчету личное достоинство и общее благо.

Все это такъ, но въ то же время эти математики, микроскописты, археологи, эти эгоистическіе эксплуататоры знаній, эти слуги властей предержащихъ, или индифферентисты въ виду общественнаго зла созидаютъ самое прочное основаніе для того, чтобы разрушить всѣ центры общественнаго зла. Не утверждаю, что они пріобрѣтаютъ факты, полезные для человѣчества: это подлежитъ еще спору, и многіе факты, считавшіеся и считающіеся полезными, служили болѣе для украшенія жизни немногихъ, чѣмъ для пользы большинства. Нѣтъ: польза спеціалистовъ иная. Они отмежевываютъ область мысли, гдѣ права критики *неоспоримы*, и въ этой области критикѣ покровительствуютъ тѣ самыя силы, которыя ее неумолимо преслѣдуютъ въ другихъ областяхъ. Неужели были гдѣ-либо такіе остроумные Катковы, или Аскоченскіе, которые

предупредили бы власти противъ опасностей пиѳагоровой теоремы? Неужели свободная полемика о сходствѣ греческаго и санскритскаго языковъ обезпокоила какого-либо деспота? Неужели изслѣдованія напластованія горныхъ породъ могли не вызвать покровительства въ надеждѣ увеличенія финансовыхъ средствъ? Неужели статистики, въ тѣхъ же видахъ, не заслуживали поощреній, повышеній, правительственныхъ наградъ? И вотъ въ области знанія, тамъ и здѣсь, образовались центры независимой мысли. Вотъ самое испорченные эксплуататоры, если они были ученые, имѣли уголокъ мысли, въ которомъ они были искренни предъ собою, не преслѣдовали выгодъ, не разсчитывали, какъ бы правда не помѣшала имъ жить и не уменьшила наслажденій. Нѣтъ, они хорошо знали, что въ этомъ уголку, чѣмъ ихъ мысль будетъ истиннѣе, строже, искреннѣе, тѣмъ имъ будетъ лучше. Для лучшей эгоистической выгоды они искали истины, *только* истины, развивали въ себѣ критическую способность, по возможности окружали себя учениками, въ которыхъ вырабатывали тоже критическую способность, стараясь эксплуатировать въ свою пользу ея результаты. Чѣмъ болѣе было спеціалистовъ, тѣмъ болѣе росла выработка критической мысли; росла и *привычка* критической мысли. Наконецъ, число спеціалистовъ придало *ихъ* привычкамъ общественное значеніе, и въ привычки образованнаго класса вошло положеніе, что критическая мысль имѣетъ свои права, т. е. области, гдѣ она *должна* быть свободна.

Только съ той минуты, когда это положеніе вошло въ привычки мысли образованнаго общества, возможна была успѣшная борьба съ общественнымъ зломъ для тѣхъ, которые издавна несли въ себѣ стремленіе къ воплощенію справедливости въ общественныя формы, стрем-

леніе къ истинѣ, чуждой всякихъ спеціальностей. До тѣхъ поръ общественнымъ реформаторамъ недоставало и яснаго сознанія въ вѣрности собственныхъ основаній, и точки опоры въ общественномъ сознаніи. Они болѣе *вѣровали* въ истины, ими проповѣдуемыя, чѣмъ могли сами себѣ доказать ихъ. Они увлекали приверженцевъ, но это увлеченіе было непрочно. Вопросъ: въ чемъ состоитъ всестороннее развитіе личности?—могъ быть поставленъ правильно лишь тогда, когда множество спеціальныхъ вопросовъ о природѣ вообще, о человѣкѣ въ частности, о физіологіи, психологіи и исторіи были разразрѣшены вовсе не въ виду этого общаго вопроса, а въ виду различныхъ эгоистическихъ благъ, полученныхъ поколѣніями профессоровъ и академиковъ за ихъ маленькія работы. Для понятія о равноправности людей работали Цезари-Каракаллы, кровавые конквистадоры Америки, полуидіотическіе аскеты рядомъ съ спеціалистами, считавшими извилины мозга, сравнивавшими корни языковъ, вычислявшими среднія величины статистическихъ данныхъ. По нравственному значенію индивидуумовъ нельзя дать преимущества однимъ передъ другими, но спеціалисты внесли въ общество привычку думать критически, привычку вѣрить, что критическая мысль вещь хорошая, и безъ ихъ подготовки проповѣдникамъ критической мысли *вообще* не было бы возможности довести свои труды до того положенія, въ которомъ эти труды находятся въ настоящее время.

Въ наше время правильное приложеніе того закона, который поставилъ г. Михайловскій, невозможно безъ выработки въ особяхъ критической мысли и безъ убѣжденія общества, что критика мысли правомѣрна.

Убѣжденіе это вошло въ общество лишь путемъ распространенія вѣрованія, что критическая мысль въ спе-

ціальныхъ сферахъ не только можетъ быть терпима, но должна быть поощряема. Вѣрованіе это могло возникнуть лишь въ томъ случаѣ, когда эксплуататоры общества видѣли въ ученыхъ людяхъ, имъ полезныхъ, *своихъ* людей, когда они не опасались науки. Но они могли такъ смотрѣть лишь на науку спеціальную, чуждую общимъ вопросамъ, общимъ интересамъ. И такъ спеціализація въ области мысли была необходимымъ условіемъ возникновенія самыхъ началъ раціональной критики.

Г-нъ Михайловскій можетъ сказать, что въ обществѣ, гдѣ простая кооперація смѣнилась сложною и гдѣ установилась эксплуатація большинства меньшинствомъ, научная спеціализація могла имѣть это значеніе, но тамъ, гдѣ этого не было бы, и мысль человѣка не должна была бы идти указаннымъ окольнымъ путемъ, чтобы придти къ результатамъ, прямо слѣдовавшимъ изъ права критики равноправныхъ особей. Едва ли подобное возраженіе можно было бы признать основательнымъ. Всѣ аналогіи технической дѣятельности въ человѣкѣ и въ позвоночныхъ побуждаютъ заключить, что всякая новая мысль является лишь въ *особяхъ* этого отдѣла существъ, что она должна быть выработана особью нѣкоторое время для вызова особи къ правильной дѣятельности; что, затѣмъ, мысль передается другимъ особямъ постепенно, вызываетъ въ установившихся привычкахъ и преданіяхъ противодѣйствіе тѣмъ большее, чѣмъ ниже культура общества и чѣмъ менѣе обособлены представители новой мысли отъ остальныхъ личностей. Только на довольно высокой ступени развитія люди столь же охотно взвѣшиваютъ совѣтъ равнаго имъ, какъ совѣтъ лица, ими по привычкѣ уважаемаго, т. е. поставленнаго ихъ воображеніемъ выше ихъ; потому-то пришелецъ, ино-

странецъ, мало знакомая личность, если только онъ побѣдитъ первоначальное отчужденіе и недовѣріе мало развитого общества, легче пріобрѣтетъ въ немъ вліяніе, чѣмъ личность привычная. Это даетъ право заключить, что, на низшихъ ступеняхъ человѣческой культуры, для огражденія формъ этой культуры отъ окоченѣнія и для возможности цивилизованнаго развитія надо, чтобы работа мысли выходила изъ особей, имѣющихъ исключительное положеніе; т. е. нарушеніе простой кооперації образованіемъ меньшинства, преимущественно занятаго работою мысли, было необходимо, чтобы работа мысли имѣла возможность бороться съ привычками и преданіями. Для полученія возможности развиваться, обществу необходимо было образовать изъ себя меньшинство, имѣвшее досугъ, на счетъ большаго труда другихъ личностей; этотъ досугъ далъ возможность меньшинству критически выработать мысль, накопить знанія и, въ видахъ чистаго эгоизма, положить начало цивилизаціонному движенію вообще.

Такимъ образомъ, наука, какъ элементъ *критической мысли*, въ цѣломъ своемъ объемѣ, даже во всѣхъ своихъ эгоистическихъ злоупотребленіяхъ, становится элементомъ накопленія силъ въ человѣчествѣ для борьбы противъ общественнаго зла. Это общественное зло всегда гораздо болѣе заключалось въ привычкахъ и преданіяхъ, чѣмъ въ зломъ разсчетѣ эксплуататоровъ, и причина тому совершенно проста. Самое понятіе объ эксплуатаціи предполагаетъ эксплуатирующее меньшинство и эксплуатируемое большинство. Мнѣ кажется, что г. Михайловскій слишкомъ выставилъ на видъ противоположеніе спеціалистовъ нервной дѣятельности спеціалистамъ дѣятельности мускульной. Несравненно значительнѣйшую роль въ исторіи играло дру-

гое раздѣленіе труда; именно выдѣлились спеціалисты мышечной дѣятельности *военной*, временной, и сопровождаемой досугами, отдыхами, разностороннимъ упражненіемъ мышцъ, и имъ противоположились спеціалисты мышечной дѣятельности *мирной*, непрерывной, допускающей крайне мало досуга, и однообразной, односторонне упражняющей ту или другую мышечную группу.

Но даже при этомъ предположеніи эксплуатирующіе должны были составлять меньшинство и, при выработкѣ спеціалистовъ нервной дѣятельности, дѣйствительная способность меньшинства къ противодѣйствію въ сословной борьбѣ должна бы еще уменьшиться. Какъ ни хитро могло быть устроено общество, но если эксплуатируемое большинство сознало бы *несправедливость* своего положенія, оно было бы всегда въ силахъ ниспровергнуть строй, его давящій. Но дѣло въ томъ именно, что большинство чувствовало всегда лишь *тяжесть* своего положенія, а недостатокъ критики мысли всегда мѣшалъ ему догадываться, насколько тяжесть его жизни зависитъ отъ несправедливости общественнаго строя, еще болѣе мѣшалъ разглядѣть причины этой несправедливости и средства для ея устраненія. Привычки и преданія, при всей трудности жизни, почти всегда настолько тяготѣли надъ народомъ, что даже тогда, когда политическая катастрофа позволяла народамъ измѣнить общественный строй, они, большею частью, мѣняли лишь давящія личности, а самая сущность несправедливаго общественнаго строя оставалась неизмѣнною послѣ самыхъ кровавыхъ переворотовъ. Въ этомъ случаѣ недаромъ Спенсеръ такъ сильно нападаетъ на „Обычаи и приличія“. Они точно вредили человѣчеству всего болѣе, потому что придавали всѣмъ видамъ обществен-

наго зла громадную силу сопротивленія, дозволяющую этому злу возрождаться снова и снова, не смотря на всякія случайности исторіи. Силы, разрушающія *это* сопротивленіе, приходится признать безусловно прогрессивными, въ какихъ бы отвратительныхъ видахъ онѣ ни проявлялись, и такова была наука какъ въ формѣ мелкихъ спеціальностей, такъ и въ формѣ обобщающихъ законовъ могучихъ методовъ; она сохраняла всегда одно свойство: въ микроскопической или въ обширной области она воспитывала сознаніе необходимости строгой критики и искренности мысли; она накопляла силы для борьбы со всякимъ общественнымъ зломъ; она выдѣляла капля по каплѣ — разъѣдающую жидкость, противъ которой не могла и не будетъ имѣть возможности устоять ни одна организація политическаго эксплуататорства, ни одинъ миѳъ, поддерживающій клерикальную іерархію, ни одно неравенство, опирающееся на несправедливое раздѣленіе труда.

Но наука своего дѣла еще далеко не сдѣлала, и сознаніе правъ критики вообще далеко ещѐ не укрѣпилось въ общественной мысли даже тѣхъ народовъ, которые въ настоящую минуту стоятъ во главѣ цивилизаціоннаго движенія. Если бы мысль г. Михайловскаго о разрушеніи спеціализаціи, объ исчезновеніи *науки для науки* могла бы осуществиться когда-либо въ минувшемъ, или даже въ настоящемъ, то зрѣлище было бы очень печальное, и прогрессивное движеніе могло бы прекратиться. Это было бы возможно даже въ наше время, да. Пусть г. Михайловскій вообразитъ, что въ эту минуту многочисленные филистеры, работающіе съ неутомимымъ трудолюбіемъ въ своихъ „храмикахъ науки“ надъ маленькими фактиками, получили откровеніе, что

наука для науки—вздоръ. Неужели онъ допуститъ, что эти господа разомъ поставятъ себя на мѣсто своего нынѣшняго идола высшій идеалъ пользы общества, человѣчества? Неужели не совершенно очевидно, какъ низко ихъ нравственное развитіе и какъ неизбѣжно они замѣнили бы слова: наука для науки, словами: наука для нашего тщеславія, для нашего сребролюбія, для нашего грязнаго *я*? И теперь это тщеславіе, это сребролюбіе, это грязное *я* играютъ весьма обширную роль въ ихъ soi disant ученой дѣятельности, но у нихъ есть уголокъ, гдѣ они чисты, искренни и справедливы, гдѣ для нихъ критика и научная истина выше всего. Когда же они перестанутъ быть учеными спеціалистами, то сдѣлаются не полезными гражданами, не широкими мыслителями, а просто учеными шарлатанами; они будутъ выдумывать химическіе опыты, чтобы найти отравленіе тамъ, гдѣ его нѣтъ, они будутъ сочинять статистическія данныя, для угоды властей награждающихъ; они будутъ фальсифицировать документы; они будутъ доказывать, что получили свои ученые результаты путемъ видѣній, откровеній и будутъ истреблять самую мысль о необходимости критики вообще, утверждая, что она вовсе не нужна и въ спеціальныхъ сферахъ. Г. Михайловскій выказалъ въ своихъ статьяхъ весьма трезвый взглядъ на дѣятелей этой сферы, и мы не сомнѣваемся въ его согласіи, что именно такъ бы поступило большинство современныхъ ученыхъ спеціалистовъ, если бы какимъ-нибудь чудомъ они перестали разомъ вѣрить въ науку для науки.

И почему обществу не повѣрить имъ, что критика вовсе не нужна? Для большинства и теперь работа мысли не есть удовольствіе, а скорѣе непріятный трудъ.

Для большинства критика представляется зломъ, высокомѣріемъ. Привычки и преданія еще очень сильны среди насъ. *Единственная* область, гдѣ права критики признаются, это область такъ называемыхъ *точныхъ* наукъ, да и въ нихъ признаніе правъ критики опирается не столько на ясное сознаніе этихъ правъ обществомъ, сколько на установившуюся привычку. Нелѣпая борьба противу свободы слова въ большей части государствъ, считающихся цивилизованными, доказываетъ, какъ слабо убѣжденіе въ необходимости критики для жизни общества. Если бы спеціалисты не поддерживали этого убѣжденія въ своихъ узкихъ сферахъ изъ эгоистическаго разсчета, нельзя быть увѣреннымъ, что критическое движеніе не остановилось бы вовсе.

Если это можно предположить для нашего времени, то еще скорѣе слѣдуетъ допустить для предшествующихъ періодовъ. Лишь благодаря тому, что среди общества обособились спеціальности, критическая мысль возникла и распространилась. Деспоты Александріи и Сиракузъ, пріюты монашескаго аскетизма, хищники новой Европы, іезуиты, враги всякой жизни въ обществѣ— взростили и взлелѣяли математиковъ, натуралистовъ, археологовъ, библіографовъ; эти же спеціалисты индифферентно относились къ самому ужасному злу, которое совершалось близъ нихъ, придавали громадное значеніе мелкимъ своимъ завоеваніямъ въ сферѣ любопытнаго, высокомѣрно смотрѣли на другія сферы труда; но это крайнее раздробленіе спеціальностей, это крайнее раздѣленіе труда въ сферѣ научной мысли было необходимымъ условіемъ для того, чтобы когда-либо человѣкъ могъ раціонально поставить вопросъ о своихъ силахъ, о своемъ всестороннемъ развитіи, о равноправности лю-

дей, о средствахъ довести раздѣленіе труда между личностями до минимума.

Соціологъ имѣетъ право видѣть высшее общественное благо, цѣль общества въ наибольшей суммѣ личныхъ благъ для членовъ современнаго ему общества. Историку уже этого мало. Для него сумма благъ распространяется на минувшія и на грядущія поколѣнія личностей, а такъ какъ соціологія въ своихъ выводахъ не можетъ противорѣчить исторіи, то и высшее общественное благо соціологіи должно руководиться тою же нормою. Я совершенно согласенъ съ г. Михайловскимъ, что общество должно быть разсматриваемо не какъ сумма органовъ, а какъ сумма страждущихъ и наслаждающихся единицъ. Я совершенно согласенъ съ нимъ, что, поэтому, для выводовъ соціологическихъ законовъ необходимо употребить субъективный методъ, т. е. стать на мѣсто страждущихъ и наслаждающихся членовъ общества, а не на мѣсто безстрастнаго *посторонняго* наблюдателя общественнаго механизма. Но ученый въ этомъ случаѣ не имѣетъ права останавливаться на одномъ поколѣніи; онъ долженъ взять въ соображеніе данныя минувшаго и вѣроятныя событія будущаго. Съ этой точки зрѣнія развитіе критической мысли въ человѣчествѣ, ея укрѣпленіе и расширеніе есть, на мой взглядъ, главный и единственный *агентъ* прогресса въ человѣчествѣ, хотя, конечно, существенный *результатъ* прогресса заключался въ воплощеніи критической мысли въ справедливѣйшія общественныя формы. Въ предыдушіе періоды раздѣленіе работъ, образованіе спеціальностей могло быть и было явленіемъ *прогрессивнымъ*, потому что количество зла, увеличивавшееся для личностей данной эпохи отъ увеличенія сложности въ кооперації, было

далеко вознаграждено уменьшеніемъ зла для личностей всѣхъ эпохъ, вслѣдствіе укрѣпленія и распространенія критической мысли въ спеціальныхъ областяхъ. Раздѣленіе работъ и *останется* явленіемъ прогрессивнымъ до тѣхъ поръ, пока сознаніе права критики *вообще* не сдѣлается достояніемъ большинства, и лишь тогда агентъ прогресса, критическая мысль, сдѣлавшись преобладающею, перестанетъ имѣть господствующее значеніе въ исторіи человѣчества; лишь тогда воплощеніе знанія въ справедливѣйшія общественныя формы станетъ главнымъ проявленіемъ прогресса; лишь тогда законъ, поставленный г. Михайловскимъ — возможно меньшее раздѣленіе труда между личностями — будетъ довольно полною формулою общественной задачи.

Но я позволю себѣ усомниться даже въ томъ, чтобы это *возможно-меньшее* раздѣленіе могло когда-либо достигнуть довольно низкаго минимума, и въ этомъ случаѣ первая половина формулы г. Михайловскаго служитъ мнѣ опорою. „Возможно полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами“ мы можемъ себѣ представить лишь какъ разностороннее развитіе личности. Но въ каждой личности наука позволяетъ допустить два рода данныхъ: элементы, прирожденные въ физіологическомъ обособленіи, и элементы, пріобрѣтенные воспитаніемъ и жизнью. Послѣдніе суть не иное что, какъ развитіе элементовъ прирожденныхъ, и это развитіе обусловливается въ значительной степени свойствомъ прирожденныхъ элементовъ. Самое искусное воспитаніе можетъ развить иныя физіологическія данныя лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ, другіе же—выработать до артистической отдѣлки. Но тѣ самыя явленія природы,— которыя вызвали развитіе разнообразныхъ видовъ, ро-

довъ и классовъ органическихъ существъ, позволяютъ заключить, что двѣ рождающіяся особи никогда не тождественны. Если въ будущемъ гигіена позволитъ устранить значительное число болѣзненныхъ и уродливыхъ рожденій, то едва ли когда она устранитъ *различіе* индивидуумовъ при рожденіи; оно, признаться сказать, едва ли было бы и желательно. Съ другой стороны, педагогія въ настоящее время стремится не къ нивеллированію личностей, а къ развитію ихъ *сообразно ихъ особенностямъ*. Какъ кажется,—развитіе всѣхъ способностей,—а, слѣдовательно, и всѣхъ особенностей — личностей, заключается, какъ требованіе, и въ формулѣ г. Михайловскаго. Поэтому разнообразіе прирожденныхъ данныхъ, при внимательномъ развитіи всѣхъ способностей личностей, должно дать личностей тѣмъ болѣе разнообразныхъ, или тѣмъ болѣе спеціализированныхъ, чѣмъ правильнѣе будетъ ихъ развитіе. Въ такомъ случаѣ безусловное господство закона: „возможно полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами“, должно уже само собой повести къ ограниченію второй половины закона г. Михайловскаго.

Но, насколько я понимаю мысль автора, эта мысль вовсе не пострадаетъ, если онъ ограничитъ свою формулу, или измѣнитъ ее. Онъ самъ, придавая въ своихъ статьяхъ главное значеніе субъективному элементу въ соціологіи, даетъ возможность оживить эту неподвижную объективную формулу. Я уже говорилъ выше, что его аргументація приводитъ прямо къ результату: идеалъ утилитаризма, наибольшая общая польза, долженъ быть понятъ, какъ наибольшая сумма личныхъ благъ членовъ общества, то-есть какъ справедливѣйшее общество — въ смыслѣ не юридической, а нравственной справедливости.

Я старался уяснить, что наибольшая равноправность личностей при наибольшемъ ихъ личномъ развитіи есть именно формула *безусловной* справедливости (каждому по достоинству) въ ея современномъ фазисѣ, соотвѣтствующемъ настоящему развитію науки. Но эта формула, по своему *дѣйствительному* содержанію, на мой взглядъ, весьма мало разнится отъ формулы г. Михайловскаго. При правильномъ развитіи въ личности можно замѣтить элементы, общіе личности со всѣми другими, столь же правильно развитыми личностями, и другіе элементы, ее спеціализирующіе.

Мышечная ловкость и способность къ *обыденнымъ* ручнымъ работамъ, способность получить всестороннюю образованность умственную, привычку къ критической мысли, правильное реалистическое міросозерцаніе, способность развить въ себѣ эстетическій вкусъ цѣнителя въ достаточной степени для наслажденія искусствами, наконецъ, способность быть справедливымъ къ людямъ, сочувствовать имъ и видѣть свое благо въ общемъ благѣ—всѣ эти способности составляютъ элементы, которые, при правильномъ общественномъ строѣ, при правильномъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи личности, могутъ быть совершенно одинаково развиты во всѣхъ людяхъ. Это—масса *общечеловѣческаго* элемента, на сознаніе котораго опирается понятіе о равенствѣ достоинства людей, о ихъ равноправности, о ихъ солидарности въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Строй общества долженъ имѣть въ виду *это* равенство достоинства личностей. Къ *этому* равенству должна стремиться гигіена, педагогія и соціологія. Распредѣленіе *обыденныхъ* занятій, правъ, обязанностей, наслажденій и трудовъ сообразно *этому* равенству должно

быть цѣлью прогрессивнаго движенія человѣчества въ будущемъ.

Но за этою способностью лежатъ физическія, психическія, умственныя, художественныя и нравственныя спеціализаціи, на которыя личность имѣетъ право потому, что ихъ данныя ей прирождены, и педагогика обязана ихъ развить. Общество имѣетъ право ими воспользоваться, хотя *человѣческое* достоинство личности нисколько не возвышается и не падаетъ изъ-за того, что одинъ человѣкъ—геніальный математикъ, другой—превосходный скульпторъ, третій умѣетъ подвести все подъ общій философскій взглядъ, а четвертый по столярному или слесарному ремеслу превосходитъ своихъ товарищей. Достоинство человѣческое остается равнымъ для того, кто равно привязанъ ко всѣмъ ближнимъ, для того, кто, кромѣ того, находитъ особенное удовольствіе въ сношеніяхъ съ кружкомъ избранныхъ пріятелей, или для того, кто самоотверженно любитъ одно избранное существо.

Во всѣхъ этихъ *добавочныхъ* спеціализующихъ качествахъ человѣкъ находитъ удовольствіе именно потому, что онъ въ нихъ спеціалистъ. Общество доставляетъ человѣку удовольствіе, а себѣ пользу, ставя своего члена въ такое положеніе, гдѣ бы онъ могъ вполнѣ развить свои спеціальныя способности, наилучше приложить ихъ, но это нисколько не должно выдвигать вообще человѣка изъ рядовъ его братій, потому что во всѣхъ существенныхъ элементахъ своей личности онъ не можетъ превзойти ихъ.

Итакъ, возможно меньшее раздѣленіе *общечеловѣческаго* труда не мѣшаетъ выработкѣ спеціальностей и употребленію ихъ на службу общества. Быть *человѣкомъ* не значитъ еще стоять во всемъ въ уровень съ другими.

Кто не достигъ *человѣчности*, то-есть всесторонняго развитія общечеловѣческихъ способностей, тотъ *ниже* надлежащаго уровня. Но всякій долженъ и можетъ стремиться хотя въ чемъ-либо стать *выше* этого уровня, въ чемъ-либо сдѣлаться *спеціалистомъ*, и правильно развитое общество должно столь же заботиться о доведеніи всѣхъ своихъ членовъ до общечеловѣческаго уровня, какъ и о томъ, чтобы каждый могъ, въ той или другой сферѣ, перейти за этотъ уровень, спеціализироваться. Только этимъ путемъ критическая мысль личности, постоянно работая, постоянно будетъ дѣйствовать на общественную культуру, какъ возбуждающее, цивилизаціонное, прогрессивное начало. *Только* при этомъ прогрессъ возможенъ для общества, какъ бы высоко ни стояли его культурныя формы.

Поэтому я считаю, что формула г. Михайловскаго должна быть измѣнена на основаніи тѣхъ самыхъ началъ, которыя онъ приводитъ въ своихъ статьяхъ. Во-первыхъ, это не есть формула прогресса, а, съ нѣкоторыми ограниченіями, формула требованій прогрессивнаго движенія для ближайшаго будущаго. *Прогрессъ*, по моему мнѣнію, *есть процессъ развитія въ человѣчествѣ сознанія и воплощенія истины и справедливости, путемъ работы критической мысли личностей надъ современною культурою.* Ему принадлежитъ все развитіе критической мысли; ему принадлежитъ вся исторія науки, даже въ своихъ спеціальныхъ стремленіяхъ, лишь бы она стремилась въ своихъ мелкихъ работахъ къ *пониманію* фактовъ, а не только къ ихъ записыванію, что есть знаніе, но еще не наука; прогрессу же, конечно, принадлежитъ и расширеніе понятія о человѣчности, то есть о всесторонемъ развитіи личности въ ея *общечеловѣческихъ* эле-

ментахъ, точно такъ же, какъ и воплощеніе справедливости въ общественныя формы, то-есть расширеніе равноправности личностей на основаніи равенства ихъ общечеловѣческаго достоинства. Г. Михайловскій ограничивается лишь послѣднимъ, но я изложилъ выше основанія, на которыхъ считаю это недостаточнымъ.

Разсматривая формулу г. Михайловскаго какъ требованіе соціологіи нашего времени, я гораздо менѣе отступилъ отъ нея. Если я считаю, что развитіе критической мысли и развитіе науки составляютъ до сихъ поръ основную задачу общества, то это требованіе заключается уже въ формулѣ г. Михайловскаго: „возможно-полное и всестороннее раздѣленіе труда между органами“. Если я предпочелъ бы формулировать это словами: человѣчное развитіе личности—то здѣсь разница лишь въ словахъ и, можетъ быть, иному читателю формула г. Михайловскаго покажется яснѣе и опредѣленнѣе. Въ мысли я съ нимъ схожусь.

Но именно поэтому, какъ уже сказано выше, вторую половину его формулы я считаю необходимымъ нѣсколько измѣнить. Для отдаленнаго будущаго я готовъ поставить его формулу такъ: „возможно меньшее раздѣленіе *общечеловѣческаго* труда между людьми“, но формула эта приложима лишь тогда, когда человѣчное развитіе личностей достигнетъ нѣсколько болѣе высокой ступени. Въ настоящемъ я считаю еще невозможнымъ ее поставить, и ограничиваюсь болѣе широкою формулою, прилагаемою какъ къ настоящему, такъ къ прошедшему и будущему. Я скажу: „справедливѣйшее раздѣленіе труда между людьми“, такъ какъ лицъ, стоящихъ *ниже* уровня общечеловѣческихъ требованій, еще слишкомъ много, даже между такъ называемыми *цивилизованными* людьми.

Немногимъ, развившимся всесторонне и достаточно, приходится относиться *педагогически* къ другимъ людямъ, и самые передовые дѣятели должны вступать въ сложную, а не въ простую кооперацію. Въ сущности, прогрессъ относительно вопроса о правильномъ раздѣленіи труда между людьми еще такъ малъ, что для настоящаго приходится его поставить въ далекія desiderata и пока ограничиться общею формулою прогресса, которую я развилъ выше.

Я вполнѣ сознаю важность этого вопроса, какъ его поставилъ г. Михайловскій; считаю эту постановку, какъ я уже сказалъ, не малою заслугою для соціологіи; но не считаю возможнымъ, при настоящемъ состояніи соціологіи, концентрировать задачи ея на пунктѣ, который требуетъ еще значительной подготовки. Полагаю, что разностороннее развитіе личности, которое требуетъ г. Михайловскій, и которое уже давно входило, теоретически, въ задачу этики, должно само собою повести къ справедливѣйшему раздѣленію труда между людьми.

На вопросъ: что такое прогрессъ?—я предпочелъ отвѣтить: прогрессъ есть процессъ развитія въ человѣчествѣ сознанія и воплощенія истины и справедливости путемъ работы критической мысли личностей надъ современною имъ культурою. Это опредѣленіе, какъ мнѣ кажется, удовлетворяетъ условіямъ, поставленнымъ въ началѣ статьи, но одновременно служитъ, согласно требованіямъ, тамъ же высказаннымъ—заключительною теоремою соціологіи и основою исторіи.

Какъ высшія начала субъективнаго блага личности, истина и справедливость заключаютъ въ то же время основныя условія общественнаго строя. Внѣ познанія истины невозможно осуществленіе справедливости. Соціо-

логическая истина есть не что иное, какъ сознанная справедливость. Общество должно быть столь же старательно организовано для открытія, повѣрки и распространенія личности, какъ и для воплощенія справедливости. Истина охватываетъ необходимое, возможное и желательное. Соціологія, которая не приняла бы въ соображеніе при построеніи общественной теоріи, закона *необходимаго*, была бы не наукою, а болтовнею. Общественныя формы, не обезпечивающія личности необходимаго, сдѣлали бы для общества невозможнымъ всякое развитіе въ отношеніи истины и справедливости. Соціологія, не указывающая путь для оцѣнки *возможнаго* въ каждомъ частномъ случаѣ, была бы опять не наукою, а фантазерствомъ. Общественныя формы, не опирающіяся на условія возможнаго въ данную эпоху для личности и для общества, были бы крайне непрочны и скорѣе повели бы къ увеличенію зла, чѣмъ блага въ обществѣ. Въ области *желательнаго* все группируется подъ рубрики истины и справедливости.

Все, что не имѣетъ отношенія ни къ необходимому и возможному, ни къ истинѣ, ни къ справедливости, не имѣетъ значенія для общества, и всякая трата общественныхъ силъ внѣ этихъ задачъ его есть трата непроизводительная, всякое расширеніе области познанія и воплощенія истины и справедливости, есть общественное пріобрѣтеніе.

Всѣ части соціологіи распредѣляются и вступаютъ между собою въ отношеніе на основаніи этихъ двухъ началъ.

Но истина и справедливость не суть нѣчто данное и законченное. Послѣдняя заключена въ безусловную формулу, но содержаніе этой формулы—развивается соот-

вѣтственно разработкѣ истины. Истина можетъ быть разработана, а справедливость можетъ быть воплощена въ дѣло лишь путемъ работы критической мысли надъ культурою. Поэтому соціологія не есть наука отдѣльная отъ этики. Основныя ея истины суть истины личной нравственности. Лишь на нихъ она строитъ свое зданіе. Право всесторонняго развитія и всесторонней критики для личности есть аксіома, съ которой наука общества начинается, безъ которой вся связь науки распадается, и самая наука остается словами безъ содержанія. Внѣ критики нѣтъ истины; внѣ критики нѣтъ справедливости; внѣ критики нѣтъ общественной жизни и прогресса. Отсюда всякая безусловная, окончательная истина, недопускающая критики, есть абсурдъ. Если она истина, то критика ее подтвердитъ и разовьетъ въ новыя истины. Точно такъ же всякое неподвижное субъективное содержаніе справедливости было бы абсурдомъ, потому что оно допускало бы отрицаніе развитія въ соціологіи, отрицаніе личной критики, отрицаніе субъективнаго элемента въ соціологіи. Общество же, воплощающее въ жизнь *добытую* истину и *сознанную* справедливость, но въ то же время постоянно имѣющее въ виду поощрять личности къ спеціальной разработкѣ истины во всѣхъ сферахъ путемъ критики, будетъ общество прогрессивное, какъ низко ни стояли бы его культурныя формы.

Заключая и организуя соціологію, указанное опредѣленіе прогресса служитъ и раціональнымъ уясненіемъ исторіи. Накопленіе знаній и выработка простѣйшей культуры служатъ первымъ матеріаломъ критики мысли, пониманію истины и воплощенію справедливости. Работа критической мысли, то удачная, то неудачная, то сла-

бѣющая, то усиливающаяся, и результаты этой работы— вотъ основная нить исторіи человѣчества.

Всѣ событія и личности располагаются въ перспективу, сообразно ихъ отношенію къ этой работѣ, и едва ли можно сказать, что которая-либо область исторической жизни была бы при этомъ обижена. Наука входитъ сюда, какъ самый прочный элементъ нарастающаго пониманія истины, но человѣчность вырабатывается въ личностяхъ и смѣною вѣрованій, и эстетическими успѣхами.

Миѳы и метафизическія построенія служатъ подготовкою къ научной критикѣ и къ справедливѣйшему строю общества. Эти элементы именно настолько важны для исторіи, насколько въ нихъ выработывались прогрессивные элементы личности и общества. Общественныя формы и положительныя законодательства получаютъ свое значеніе, какъ слѣды постепеннаго уясненія соціологическихъ истинъ, постепеннаго расширенія, или суженія справедливѣйшихъ отношеній между людьми, какъ среда, способствовавшая, или мѣшавшая работѣ критической мысли. Личности не теряютъ своего значенія въ исторіи, гдѣ основное понятіе прогресса видитъ въ нихъ неизбѣжныхъ посредниковъ историческаго движенія, обуславливающихъ всѣми особенностями своего развитія степень пониманія возможнаго и желательнаго для данной эпохи, степень энергическаго воплощенія своихъ убѣжденій въ дѣло. Событія выступаютъ на тотъ, или другой планъ сообразно тому, насколько въ нихъ воплощается современное имъ міросозерцаніе, или насколько они, случайно содѣйствуя перераспредѣленію личностей по поверхности земли, способствовали прогрессивному и регрессивному ходу исторіи.

Какъ мы видѣли, развитіе формулы, предположенное

выше, нисколько не противорѣчитъ основамъ аргументаціи г. Михайловскаго и заключаетъ его формулу, какъ частный случай, съ весьма небольшими ограниченіями. Эти ограниченія даже правильнѣе назвать уясненіями, и я думаю, что самъ г. Михайловскій легко бы получилъ ихъ, если бы не отнесся къ понятію о справедливости и спеціальности слишкомъ враждебно, вооруженный противъ нихъ узкостью взгляда юридическихъ цѣнителей справедливости и жалкой картиной филистерства ученыхъ спеціалистовъ. Мнѣ было бы крайне больно, если бы г. Михайловскій увидѣлъ въ этой статьѣ что-либо для себя враждебное, изъ-за того, что въ русской прессѣ возраженія большею частью имѣютъ враждебный характеръ. Мнѣ кажется, что именно уваженіе къ труду автора можетъ побудить къ тщательному анализу его положенія, къ указанію пунктовъ, въ которыхъ рецензентъ съ нимъ согласенъ, и гдѣ съ нимъ расходится. Трудъ г. Михайловскаго позволяетъ надѣяться, что авторъ въ будущемъ дастъ еще болѣе серьезныя работы въ области философіи, которая такъ бѣдна въ нашей литературѣ самостоятельными взглядами. Это именно побудило меня написать эту замѣтку. Я бы очень желалъ, чтобы авторъ прочелъ въ ней то чувство живого интереса, которое вызвали его статьи въ его читателѣ.

Противники исторіи.

Недавно нѣсколько человѣкъ пили вмѣстѣ кофе на обширномъ дворѣ одного изъ отелей за границей. Разговоръ шелъ по-русски и, къ удивленію, не о сравненіи русскихъ кушаній съ иностранными, не о восточной политикѣ, не о Бисмаркѣ, Биконсфильдѣ или Гамбеттѣ, даже не о паденіи курса, а вообразите себѣ!—объ исторіи.

И не о какой-нибудь исторіи, а о настоящей, оффиціально признанной, оффиціально оплакиваемой въ ея преподавателяхъ и столь же оффиціально изучаемой учениками, объ исторіи an und für sich.

Конечно, это было явленіе ненормальное, въ своемъ родѣ даже уродливое, но оно *было*, и никакія силы природы не могутъ выкинуть его изъ ряда совершившихся фактовъ. А такъ какъ оно *было*, то я позволяю себѣ принять его за точку отправленія.

Итакъ, они говорили объ исторіи. Двое изъ нихъ имѣли на то безспорное право. Они были оффиціально облечены обязанностью нырять въ этомъ океанѣ и вытаскивать изъ него на поученіе міру то какой-нибудь кораллъ, тѣмъ болѣе удивляющій міръ своею красотою, что онъ есть мертвый остатокъ, мертвое отложеніе когда-то живого и боровшагося существа, о которомъ никто не думаетъ, восхищаясь красотою его остатковъ; то жи-

выя, трепещущія, слизкія и расползающіяся гадины, свидѣтельствующія, что первобытный міръ полуживотныхъ, полурастительныхъ существъ еще живетъ, развивается, множится и копошится въ то время, какъ процессъ „борьбы за существованіе“ давно уже выработалъ высшихъ, порхающихъ и бѣгающихъ, шестиногихъ, четвероногихъ и двуногихъ представителей органическаго міра, которые свили себѣ гнѣзда, вырыли норы, настроили города, завели рабовъ въ муравейникахъ, пролетаріатъ въ столицахъ, выработали безполыхъ работницъ въ ульяхъ, строгую семью львиной породы, болѣе свободные нравы городскихъ кошекъ, апробованную полиціею проституцію столицъ, ядъ въ зубѣ змѣи, висѣлицы, гильотины, акціи и облигаціи компаній для взаимнаго обворовыванія, нѣсколько системъ артиллерійскихъ орудій и ручного оружія, спекуляціи Горвицовъ, арміи Мольтке, министерства, ордена іезуитовъ, систему дрессировки Юханцевыхъ, Жермини, Митрофаній etc., ect.—Да, двое изъ разговаривающихъ имѣли оффиціальное право стоять на стражѣ святыни, которая ихъ облекла почетными званіями. И не даромъ. Оба уже повытаскали изъ океана, о которомъ я только что говорилъ, не мало „въ высшей степени интересныхъ“ документовъ, которые до тѣхъ поръ оставались незамѣченными. Одинъ составилъ себѣ не малую извѣстность, трудясь и открывая жизнь въ такомъ углу, въ которомъ никто уже и не думалъ отыскать что-либо живое и сколько-нибудь „интересное“. Другой пытался даже начертить картину подводныхъ высотъ и низменностей этого океана, указать его гольфстремы, приносящіе теплоту и жизнь, и его полярныя теченія, съ ихъ массами плавающихъ ледяныхъ горъ—источники холода и омертвѣнія міровой жизни.

Изъ прочихъ собесѣдниковъ одинъ былъ натуралистъ, завоевавшій въ лабораторіяхъ право плавать подъ собственнымъ флагомъ по другому океану, столь же широкому и глубокому; это былъ скептикъ предъ всякими „общепринятыми истинами“, боецъ противъ всякихъ авторитетовъ, допускавшій лишь опытъ и осторожный выводъ изъ опыта, фактъ и скромную группировку фактовъ. Другой былъ „литераторъ“, страстный любитель историческихъ работъ, достаточно знакомый и съ методами такъ называемыхъ точныхъ наукъ, но жизнь принудила его разбросать свои силы, и его флагъ не былъ признанъ ни однимъ адмиралтейскимъ совѣтомъ оффиціальной науки, ни однимъ спеціальнымъ ареопагомъ ученыхъ.

Итакъ, они говорили объ исторіи. Я долженъ бы вѣрнѣе сказать: спорили. Съ ѣдкимъ скептицизмомъ натуралистъ отрицалъ всякое научное достоинство въ исторіи. Онъ отрицалъ возможность ея законовъ и обобщеній. Отрицалъ точность ея выводовъ даже въ ограниченныхъ областяхъ. Отрицалъ самую установку основаній, изъ которыхъ она дѣлаетъ свои выводы и обобщенія. Исторія опирается на факты, говорилъ онъ, но, посмотрите, что такое историческій фактъ. Не будемъ уже касаться общихъ, государственныхъ, національныхъ фактовъ. Государства, націи, общества состоятъ изъ личностей. Историческіе факты составляютъ обобщеніе фактовъ біографическихъ. Но возможно-ли установить частные, біографическіе факты? Вотъ мы вмѣстѣ сидимъ и разговариваемъ. Пусть каждый изъ насъ черезъ нѣсколько времени, даже черезъ нѣсколько дней передастъ, какъ мы вмѣстѣ провели этотъ вечеръ. Окажутся крупныя противорѣчія. Одинъ *захочетъ* окрасить нашу бесѣду опредѣленнымъ колоритомъ. Другой безсознательно придастъ

ей другія краски. Кое-что забудется; кое-что переставится. Группа фактовъ выйдетъ *не та*, какая была въ дѣйствительности. Я утверждаю, что читатель каждаго изъ этихъ разсказовъ получитъ иеизбѣжно невѣрный взглядъ на это весьма простое событіе. Этого мелкаго, частнаго факта возстановить будетъ *невозможно*. Теперь представьте себѣ, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь болѣе обширномъ. Представьте себѣ, что разсказываютъ не прямые свидѣтели, а тѣ, которые *слышали* отъ этихъ свидѣтелей, изъ вторыхъ, изъ третьихъ рукъ. Представьте себѣ, что свѣдѣнія отрывочны, какъ большею частью бываетъ въ исторіи. Представьте себѣ, что эти разсказы составлены людьми, проникнутыми предразсудками, страстями, увлеченіями минуты. Недостовѣрность основныхъ источниковъ ростетъ въ этомъ случаѣ въ громадныхъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ этимъ подрывается и достовѣрность историческихъ фактовъ, т. е. *единственной* подкладки всякой исторіи. Но я еще взялъ только одну сторону вопроса: я взялъ нашу бесѣду, гдѣ каждый *можетъ* передать то, что совершалось; каждый *могъ* видѣть, слышать, наблюдать самолично факты, *могъ* понять ихъ. Но мы очень хорошо знаемъ, что большинство людей не умѣютъ и не могутъ ни слушать, ни разглядывать то, что около нихъ совершается, а еще меньшее число можетъ и умѣетъ понимать то, что удалось разслушать и разглядѣть. И эти-то неумѣлые, неспособные даютъ въ огромномъ числѣ „источники“ для возстановленія фактическаго содержанія историческихъ фактовъ. Какое-же значеніе имѣетъ большинство источниковъ? Ровно никакого. Имъ не достаетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ перваго условія установки факта: *прямого наблюденія. Для остальныхъ, на-*

блюдателямъ фактовъ не достаетъ, большею частью, второго условія установки факта: умѣнія наблюдать и понимать наблюдаемое. Весь небольшой остатокъ источниковъ страдаетъ недосказанностью, неполнотою, отсутствіемъ методичности въ опредѣленіи частностей, точныхъ пріемовъ для ихъ пониманія. Я предоставляю вамъ самимъ судить по достоинству подобнаго фундамента, каково будетъ зданіе, возведенное на немъ.

Скептику, конечно, возражали. Подобныя скептическія нападки не такъ рѣдки, чтобы онѣ могли считаться исключеніемъ. Противники исторіи вслѣдствіе ея фактической недостовѣрности болѣе многочисленны, чѣмъ можно было бы ожидать. И потому, кажется, не лишнее сгруппировать возраженія, которыя дѣлаются и могутъ быть сдѣланы *этимъ* противникамъ исторіи.

Научные методы не составляютъ чего-то особеннаго, внезапно появляющагося въ области мысли и въ области фактовъ, сверхъестественнаго откровенія, появляющагося въ данную минуту личной или общественной жизни. Они тѣсно связаны съ обыденными процессами этой жизни, въ нихъ зарождаются, изъ нихъ вырабатываются. И, можетъ быть, тутъ, въ этомъ элементарномъ генезисѣ, гдѣ такъ трудно различить развивающуюся научную мысль отъ самыхъ грубыхъ пріемовъ каждодневной техники, въ этихъ зародышныхъ формахъ будущаго знанія и пониманія, всего удобнѣе было бы систематикамъ отыскать психологическія основы главныхъ группъ классификаціи наукъ. Я остановлюсь только на одномъ крупномъ различіи.

Для того, чтобы животный организмъ могъ существовать, ему необходимо *знать* существованіе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ фактовъ; необходимо *понимать*

значеніе этихъ фактовъ въ связи со своими потребностями, пользами, стремленіями; необходимо *дѣйствовать* сообразно этому знанію и пониманію. Когда организмъ вполнѣ приспособился къ средѣ, вполнѣ уравновѣсился въ борьбѣ за существованіе съ другими соперничающими ему организмами, то кругъ его знанія, пониманія, дѣйствія прекращаетъ свой ростъ. Организмъ продолжаетъ повторять милліоны разъ и въ милліардахъ экземпляровъ все тотъ же циклъ охватыванія своею пассивною и активною жизнію одной и той же ограниченной группы внѣшнихъ фактовъ. Онъ входитъ въ круговоротъ природы, какъ болѣе или менѣе сложная составная часть общаго механизма. Его могутъ постигнуть катастрофы, какъ онѣ могутъ постигнуть и небесныя тѣла, движущіяся въ пространствѣ. Но это катастрофы *случайныя*, т. е. не входящія въ обычный, законный круговоротъ процесса жизни существа, о которомъ идетъ дѣло.

Знаю, что слова *случайность* и *законность* рѣжутъ уши нѣкоторыхъ читателей, особенно при ихъ сопоставленіи, и потому дѣлаю маленькое отступленіе для того, чтобы пояснить употребленныя слова примѣрами. По достаточному числу наблюденій можно предвидѣть, начертить на нѣсколько вѣковъ впередъ траекторію небеснаго тѣла въ пространствѣ; это для него — *законъ*. Но нѣсколько тѣлъ могутъ, пробѣгая свои траекторіи, сблизиться настолько, что видоизмѣнятъ законъ своего движенія, а иное тѣло можетъ и разрушиться. Они будутъ тогда двигаться по новымъ законамъ. Но въ виду *этихъ* законовъ, ихъ сближеніе, происшедшее измѣненіе или совершившееся разрушеніе представляютъ *случайность*, хотя эти самыя случайности, при разсмотрѣніи движенія уже не каждаго тѣла въ отдѣльности, но всей системы

тѣлъ, могли бы получить значеніе неизбѣжнаго проявленія болѣе обширнаго закона, существующаго для цѣлой системы. Въ данной системѣ колбъ, трубокъ, нагрѣвательныхъ приборовъ и холодильниковъ происходитъ, подъ наблюденіемъ экспериментатора или техника, въ опредѣленномъ порядкѣ и количествѣ, образованіе, разложеніе, соединеніе, выдѣленіе жидкостей, газовъ, осадковъ опредѣленнаго состава, и этотъ процессъ будетъ продолжаться въ томъ же порядкѣ, пока всѣ его условія поддерживаются, какъ они были. Для совершающагося физико-химическаго процесса, это—*законъ*. Но экспериментаторъ вздумалъ прекратить опытъ, или вниманіе техника ослабѣло, здѣсь понизилась температура, тамъ накопились въ излишкѣ газы; произошли по *инымъ* законамъ иные физико-химическіе процессы; разлетѣлась колба; взорвало лабораторію; убитъ экспериментаторъ, въ мозгу котораго сидитъ еще неизвѣстная другимъ мысль совершавшагося процесса. Въ виду этого самаго процесса и *его* закона, всякая подобная катастрофа есть *случайность*, хотя, разумѣется, можно бы всѣ частности ея подвести подъ приложеніе болѣе обширныхъ законовъ, охватывающихъ и устройство лабораторіи, и физико-химическіе процессы, совершавшіеся въ веществѣ колбъ и печей, и психическіе процессы въ мозгу экспериментатора. Точно такъ же въ приспособившемся вполнѣ организмѣ процессы эмбріональнаго и самостоятельнаго развитія, процессы размноженія, одряхленія и умиранія особей составляютъ *законъ*, тогда какъ множество отдѣльныхъ особей уродуются или гибнутъ *случайно*, и самое появленіе въ мѣстѣ жительства даннаго организма новаго врага, нарушающаго установившееся равновѣсіе въ борьбѣ за существованіе и ведущее къ новымъ приспособленіямъ,

а то и къ исчезанію даннаго организма, есть для него не иное что, какъ *случайность*, хотя опять-таки, въ развитіи органической жизни на всей землѣ, во всей совокупности этой жизни, тутъ дѣйствуетъ обширный *законъ*, проявляющійся въ тысячѣ разнообразныхъ формъ. — *Все относительно*, и слова *законъ* и *случайность* не составляютъ исключенія. Всякое явленіе можетъ быть разсматриваемо, какъ случайность съ одной точки зрѣнія, болѣе тѣсной, и какъ законъ съ другой точки зрѣнія, болѣе обширной.

Итакъ, организмъ, вполнѣ приспособившійся къ средѣ, въ процессѣ законнаго круговорота своего существованія, вращается въ опредѣленномъ кругѣ усвоенныхъ фактовъ и совершаемыхъ дѣйствій, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ его процессъ знанія, пониманія и внѣшней дѣятельности. Всѣ извѣстныя намъ группы организмовъ, которыя, по мнѣнію большинства изслѣдователей, достигли періода этого полнаго приспособленія къ средѣ, имѣютъ столь ограниченную сферу знанія фактовъ и внѣшней дѣятельности, что многіе ученые не рѣшаются даже приложить къ нимъ терминъ *пониманія*, при чемъ черезчуръ свободно и произвольно пускаютъ въ ходъ терминъ *инстинктъ*. Впрочемъ, я на этомъ останавливаться не намѣренъ.

Но есть организмы, находящіеся еще въ *процессѣ приспособленія* къ средѣ. Имъ приходится усвоивать новые факты, лучше понимать старые и вырабатывать новые пріемы дѣятельности, чтобы отстоять себя, увеличить свои наслажденія, осуществить свои потребности, какъ старыя, уже прежде развившіяся, но еще не удовлетворенныя, такъ и новыя, развивающіяся въ процессѣ приспособленія. Это усвоеніе новыхъ фактовъ, улучшеніе

пониманія, выработка новыхъ формъ дѣятельности, развитіе новыхъ потребностей,—которыя, въ свою очередь, требуютъ новаго знанія и пониманія, новой дѣятельности,—составляютъ *исторію* этихъ приспособляющихся организмовъ, исторію *законную*, если эти процессы совершаются прогрессивно; исторію, полную печальныхъ случайностей и катастрофъ, если знанія утрачиваются, пониманіе замѣняется рутиною, дѣятельность суживается, потребности атрофируются. Для этихъ организмовъ прогрессъ не всегда дѣйствителенъ, но всегда возможенъ. Это—организмы, *имѣющіе исторію*. Измѣненія, съ ними совершающіяся, не могутъ быть разсматриваемы, какъ случайности, какъ катастрофы, при которыхъ одинъ круговоротъ повторяющихся явленій смѣняется другимъ круговоротомъ явленій, опять-таки повторяющихся. Нѣтъ; въ этомъ фазисѣ ихъ существованія круговорота и повторенія быть не можетъ, такъ какъ каждый моментъ существованія, давая *новыя* условія развитія, вызывая *новыя* потребности, не даетъ уже возможности вернуться къ одному изъ прежнихъ моментовъ существованія. Точно такъ, какъ на одной и той же планетѣ не можетъ, законнымъ путемъ, состояніе газообразное или жидко-огненное вернуться послѣ того, какъ наступилъ періодъ постепеннаго образованія твердыхъ слоевъ коры; но *послѣдовательность* этихъ переходныхъ состояній и составляетъ геологическій *законъ* жизни планеты; точно такъ же, какъ отдѣльная органическая особь можетъ достигнуть зрѣлости и дряхлѣть, но не можетъ уже вернуться къ состоянію зародыша, развивающагося плода или новорожденнаго дѣтеныша, и *послѣдовательность*, а не повтореніе этихъ фазисовъ, составляетъ *весь законъ* жизни этой особи; такъ и въ жизни обширной органи-

ческой группы, находящейся въ періодѣ приспособленія къ средѣ, единственный *законъ* есть *послѣдовательность* фазисовъ прогресса и регресса въ накопленіи знанія, въ уясненіи пониманія, въ выработкѣ формъ дѣятельности, въ развитіи потребностей. Это—*законъ исторической жизни*. Въ настоящемъ фазисѣ развитія земного шара, эту историческую жизнь приписываютъ лишь человѣчеству. Точно ли всѣ прочія породы организмовъ дошли до полнаго приспособленія къ окружающей средѣ и до равновѣсія потерь и выгодъ въ борьбѣ за существованіе? Этого рѣшительно утверждать невозможно. Во многихъ породахъ органическихъ существъ, какъ во многихъ племенахъ человѣка, замѣчаются почти очевидные факты атрофированія, уменьшенія въ числѣ, коллективнаго вымиранія. Но есть ли породы животныхъ развивающіяся, прогрессирующія, или имѣющія возможность прогрессировать помимо человѣка и его вліянія? Не чувствую себя компетентнымъ для надлежащей постановки, а тѣмъ менѣе для рѣшенія этого вопроса, и потому оставляю его въ сторонѣ и ограничиваюсь въ послѣдующемъ безспорною почвою исторіи человѣчества. Можетъ быть, и оно когда нибудь дойдетъ до полнаго приспособленія къ средѣ, перестанетъ развивать въ себѣ новыя потребности, а слѣдовательно, заключитъ кругъ усваиваемыхъ имъ фактовъ, закрѣпитъ этотъ кругъ разъ навсегда уже не идущимъ впередъ пониманіемъ, и ограничится на все будущее время лишь опредѣленными формами дѣятельности. Исторія человѣчества тогда прекратится. Антропологія, которая охватитъ тогда *всѣ* проявленія общественной жизни, найдетъ, можетъ быть, опредѣленные законы круговорота повторяющихся явленій общественной жизни, и задачи наукъ общественныхъ будутъ

совсѣмъ иныя. Но это еще очень далекое, фантастическое будущее, о которомъ можно предоставить хлопотать и заботиться нашимъ отдаленнымъ потомкамъ. Пока человѣчество еще не приспособилось окончательно къ средѣ и живетъ *историческою жизнью*, учится фактамъ, старается понять ихъ все лучше, старается, сообразно этой посильной работѣ, дѣйствовать цѣлесообразнѣе, вырабатывая новыя формы общежитія и новыя орудія для борьбы за существованіе, за наслажденіе, за идею, и безпрестанно сознаетъ въ себѣ новыя потребности, которыя требуютъ еще новаго знанія, пониманія и новой дѣятельности. Мы и возьмемъ это человѣчество, какъ оно есть.

Какъ же оно устанавливаетъ новые факты знанія? Для этого у него есть только два средства, два пути, при чемъ одинъ изъ нихъ развивается въ разнообразные методы изслѣдованія *личнаго*, другой—въ методъ изслѣдованія *общественнаго*. Изъ перваго вырабатывается, въ значительной степени, знаніе фактовъ природы, ведущихъ къ законамъ *повторяющихся* явленій. Изъ второго устанавливается почва историческаго знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя черпаютъ свой матеріалъ изъ законовъ *послѣдовательности* явленій не повторяющихся.

Я сказалъ выше, что научные методы тѣсно связаны съ обыденными процессами жизни. Гербертъ Спенсеръ сильно напираетъ на эту мысль и, идя въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, далѣе надлежащаго, просто отождествляетъ ихъ, говоря въ той или другой формѣ, насколько я помню, что въ умѣ ученаго, открывающаго новую истину, не совершается никакого новаго процесса, внѣ того, помощью котораго усвоиваетъ себѣ новый

фактъ и новую мысль первобытный, очень мало развитой человѣкъ; только этотъ процессъ изъ менѣе дифференцированнаго и менѣе опредѣленнаго становится болѣе дифференцированнымъ и болѣе опредѣленнымъ. Мнѣ кажется, что тутъ есть натяжка. Конечно, если подвести паденіе камня, взрывъ пороха, развитіе гвоздики и сочиненіе драмы подъ общую формулу механическаго процесса, который совершается лишь при менѣе и болѣе сложныхъ условіяхъ, то почему не отождествить первыя попытки доисторическаго человѣка заострить камень, который онъ намѣренъ былъ употребить въ битвѣ съ врагомъ, съ придумываніемъ мемуара Пуансо о парахъ силъ? Но въ такомъ случаѣ всякая классификація фактовъ, мыслей, предметовъ упраздняется, и мы вовсе не различаемъ случаевъ, когда два процесса отличаются лишь *случайными* обстоятельствами, отъ случаевъ, гдѣ приходится отмѣчать и примѣнять новые *законы* явленій. Конечно, *зародыши* всей статики и динамики присутствовали въ неопредѣленномъ сознаніи доисторическаго человѣка, который измѣнялъ форму первобытнаго орудія, чтобы произвести болѣе желательное ему дѣйствіе; но зародыши многихъ существъ присутствуютъ въ яичникѣ самки животнаго, только эти существа отличаются отъ позднѣйшаго фазиса своего существованія тѣмъ, что *не родились* и даже не начали своего развитія, такъ какъ еще не имѣлъ мѣста моментъ ихъ *оплодотворенія*. И въ области мысли совершается то же. Много фактовъ усвоиваетъ техника, удерживаетъ память, накопляя ихъ въ кунсткамеру знанія, потому лишь, что все это или полезно, или любопытно. Но настаетъ моментъ *пониманія*, и тогда только оплодотворяются эти неподвижные зародыши науки, ожидающіе развитія; тогда только кунст-

камера начинаетъ получать смыслъ и перерабатываться въ научный музей. Научный методъ тѣмъ именно и отличается отъ первобытнаго процесса, служащаго ему зародышемъ, что въ немъ присутствуетъ *пониманіе*, и онъ настолько наученъ, насколько это пониманіе въ немъ присутствуетъ.

Но въ настоящую минуту мнѣ вовсе не нужно еще напирать на это существенное различіе, и я буду разсматривать процессъ личнаго и общественнаго изслѣдованія фактовъ какъ въ его эмбріологическомъ состояніи, такъ и въ болѣе развитомъ фазисѣ. Установить фактъ приходится одинаково первобытному технику и современному ученому; лишь позже, при пониманіи факта въ его связи съ другими фактами, начинается различіе. Если я счелъ нужнымъ остановиться теперь на мысли Спенсера, это лишь изъ боязни быть не точно понятымъ читателемъ. Разъ высказавшись на этотъ счетъ, мнѣ приходится, напротивъ, напирать особенно на то обстоятельство, что зародыши всѣхъ научныхъ пріемовъ и методовъ заключаются именно въ самыхъ обыденныхъ вопросахъ жизни.

Беру случай личнаго изслѣдованія. Первобытный піонеръ земледѣлія ударилъ лопатой въ землю. Лопата отскочила отъ твердой почвы или ушла въ мягкую слишкомъ глубоко для того, чтобы работникъ могъ удобно откинуть комъ земли. Работникъ сдѣлалъ опытъ, задалъ вопросъ природѣ, которая отвѣтила, и онъ при слѣдующемъ ударѣ лопаты размѣритъ иначе свои силы или перейдетъ на другое мѣсто, такъ какъ здѣсь лопата „не беретъ“. Можетъ быть, онъ подумаетъ, что *случайно* попалъ на мѣсто, гдѣ почва особенно тверда или особенно мягка, и повторитъ свой опытъ, свой вопросъ природѣ, такъ же, какъ прежде, рядомъ съ прежнимъ

мѣстомъ. Но, когда разъ устранено предположеніе случайности, то рабочій установитъ фактъ, что почва имѣетъ опредѣленную степень твердости и требуетъ для своей обработки опредѣленнаго размѣра силъ для дѣйствія лопатой. Это онъ могъ сдѣлать съ перваго же раза или послѣ немногихъ опытовъ, потому что онъ имѣетъ предъ собою явленіе *повторяющееся*. Если не прибавится какого-либо новаго, случайнаго обстоятельства (напримѣръ, дождя), то почва не измѣнитъ ни завтра, ни черезъ недѣлю, ни черезъ годъ своей твердости, и при такомъ же ударѣ лопаты послѣдняя будетъ такъ же отскакивать или такъ же уходить глубоко въ землю. Достаточно работнику лично установить этотъ фактъ, и никакія увѣренія сосѣдей, что почва твердa или мягка, не имѣютъ значенія въ виду того личнаго изслѣдованія, которое внесло въ его мысль безспорное убѣжденіе въ существованіи факта, что свойство почвы такое-то и, чтобы лопата взяла ее, надо дѣйствовать такъ-то. И самый развитой, выработанный ученый предъ повторяющимся фактомъ поступаетъ совершенно такъ же. Онъ взялъ новое вещество и подвергъ его ряду процессовъ въ усовершенствованныхъ приборахъ физическаго кабинета и химической лабораторіи. Онъ опредѣлилъ удѣльный вѣсъ этого вещества, его теплопроводимость, электропроводимость, химическій составъ, его терапевтическое дѣйствіе на организмъ—и фактъ установленъ, если случайно изслѣдователь не былъ невнимателенъ, и приборы его не дѣйствовали неточно. Когда онъ увѣренъ, что подобныя случайности мѣста не имѣли, то никакіе авторитеты, личные или коллективные, не способны поколебать его убѣжденія въ томъ, что рядъ физическихъ, химическихъ, органическихъ явленій, имъ открытыхъ, есть установленный

фактъ знанія и влечетъ за собой другой, столь же неоспоримый фактъ опредѣленнаго употребленія новаго вещества въ техникѣ, въ химическихъ реакціяхъ, въ фармакологіи. Если бы его результаты отрицались слишкомъ вѣскими учеными, то онъ можетъ лишь провѣрить эти результаты снова, чтобы убѣдиться въ отсутствіи *случайныхъ* ошибокъ, но лишь этотъ *личный* путь изслѣдованія для него убѣдителенъ. И противники его могутъ опровергнуть его, опять-таки лишь произведя *личные* опыты, которые доказали бы его ошибку и были бы повторены сомнѣвающимися. Этотъ процессъ изслѣдованій возможенъ только вслѣдствіе того, что то же самое вещество, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, неизбѣжно представитъ тѣ-же самыя физическія и химическія явленія, то-же дѣйствіе на организмъ, т. е. вслѣдствіе того, что передъ нами *повторяющееся* явленіе. Поэтому тотъ же пріемъ изслѣдованія распространяется и на явленія, хотя не повторяющіяся въ томъ же самомъ существѣ, въ томъ же экземплярѣ группы существъ, но представляющіяся во множествѣ подобныхъ между собою экземпляровъ этой группы. Прослѣдивъ на одной или на немногихъ особяхъ даннаго вида организмовъ процессъ морфологическихъ измѣненій зародыша и обособившагося существа, біологъ устанавливаетъ факты развитія этого вида, такъ какъ они повторяются въ одинаковой послѣдовательности во всѣхъ особяхъ тоже-же вида (если устранить *случайныя* аномаліи). Прослѣдивъ на немногихъ дѣтяхъ или подросткахъ процессъ образованія представленій, выясненія понятій, вліянія того или другого дидактическаго пріема, психологъ и педагогъ устанавливаютъ (для данной культурной среды, въ данную эпоху и въ данной націи) обобщающіе факты теоретической

психологіи развивающагося ума и практической педагогіи. Во всей этой обширной области крайне элементарныхъ фактовъ знанія и дѣятельности первобытнаго техника, и крайне сложныхъ выводовъ высоко-развитого ученаго, путь личнаго изслѣдованія не придуманъ, не принятъ искусственно, нарочно, а есть естественный продуктъ обстоятельствъ, жизненныхъ условій въ одномъ случаѣ, условій, объективно представляющихся ученому—въ другомъ. Не потому факты точны и достовѣрны, что принятъ такой-то методъ, но другого метода принять *нельзя*, а факты стали точны и достовѣрны лишь по мѣрѣ того, насколько изслѣдователь сумѣетъ устранить *случайности* и выставить на видъ элементъ *закона* повторяющихся явленій.

Но переходимъ въ другую область. Вы читаете въ почтенномъ журналѣ „Просіяніе“ слѣдующее заявленіе:

„Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ передъ всѣмъ міромъ, не зараженнымъ упорными предразсудками лжеученыхъ, что мы были свидѣтелями слѣдующаго событія, совершившагося на нашихъ послѣднихъ собраніяхъ. Мы всѣ — спиритуалисты и давно замѣчали, что многократно-повторяющіяся духовныя сообщенія прелестнаго духа Килики, обращенныя къ нашему уважаемому сочлену, профессору здѣшняго университета, Швахнеру, получали все болѣе страстный характеръ. По желанію профессора, Килики уже много разъ матеріализировалась и при этомъ всѣмъ было замѣтно, какъ ея глаза постоянно сверкали особеннымъ духовнымъ огнемъ, когда они обращались на достопочтеннаго Швахнера. У насъ явилась мысль произвести еще неслыханный въ мірѣ спиритуализма опытъ и предложить прелестной Килики сочетаться бракомъ съ высокоуважаемымъ профессоромъ.

Онъ колебался, но духовныя симпатіи его были возбуждены. Войдя по этому поводу въ интимныя совѣщанія съ нѣкоторыми духами, сообщенія которыхъ всегда отличались особенной мудростью, нашъ другъ и товарищъ, которымъ мы гордимся, смѣло приступилъ къ дѣлу, хотя не безъ нѣкотораго волненія. Процессъ фактическаго сближенія, обрученія и бракосочетанія представителей двухъ міровъ въ ихъ избранныхъ экземплярахъ, продолжался три засѣданія и вчера заключился торжественно и *фактически*. Мы напечатаемъ подробное сочиненіе обо всѣхъ частностяхъ этого неслыханнаго еще процесса, который долженъ ниспровергнуть всякое предразсудочное невѣріе въ существованіе міра духовъ и ихъ сообщеній съ людьми. Теперь-же заявляемъ, что были свидѣтелями вчера вечеромъ окончательнаго торжества; что при этомъ міръ духовъ угостилъ насъ торжественною симфоніей, которую нашъ почтенный сотоварищъ Берединъ въ скоромъ времени издастъ, положивъ ее на ноты; что нѣсколько матерьялизованныхъ головокъ и ручекъ появились, цѣлуя новобрачную и пожимая руку новобрачному; что, наконецъ, мы можемъ предъявить цѣлую гору поздравительныхъ писемъ и символическихъ рисунковъ, которыми самыя крупныя знаменитости древняго и новаго времени привѣтствовали изъ міра духовъ происшедшее нынѣ соединеніе между двумя до сихъ поръ отдѣльными мірами. Какъ возросло наше уваженіе къ нашему почтенному Швахнеру! У насъ нѣтъ словъ, чтобъ выразить нашу благодарность милой Килики!“ и т. д.

Какъ бы ни были почтенны подписи подъ этимъ документомъ, какъ бы ни былъ обставленъ онъ фактическими удостовѣреніями, но вы на немъ не остановитесь ни на минуту, какъ на сообщающемъ реальный фактъ. Почему?

Во-первыхъ, вы провѣрить его не можете, потому что это фактъ не изъ повторяющихся, а разъ навсегда совершившійся (или не совершившійся) и которому подобнаго можно было бы ожидать при комбинаціи самыхъ необычныхъ, т. е. случайныхъ условій. При этомъ же онъ противорѣчитъ законамъ повторяющихся фактовъ, насколько эти законы постоянно подтверждаются достовѣрными изслѣдованіями. Нужно *прежде* опровергнуть всеобщее господство ряда законовъ, которые вы можете провѣрить тысячу разъ, чтобы вы могли допустить лишь возможность изслѣдовать фактъ брака между прелестной матерьялизованной Килики и достопочтеннымъ профессоромъ Швахнеромъ. Этотъ фактъ, какъ фактъ, для васъ вовсе не существуетъ, не подлежитъ изслѣдованію. Фактъ, не повторяющійся по опредѣленнымъ законамъ и противорѣчащій законамъ повторяющихся фактовъ, допускающихъ провѣрку, вовсе не можетъ быть предметомъ изслѣдованія.

Само собою разумѣется, что если таково наше отношеніе къ подобнымъ фактамъ изъ нашей современности, то такіе-же не допускающіе довѣрія факты, засвидѣтельствованные въ прошедшемъ какою угодно массою свидѣтелей, вовсе не могутъ составлять основы какого бы то ни было историческаго повѣствованія. Пусть самыя почтенныя свидѣтельства скажутъ, что похороненный мертвецъ пришелъ черезъ нѣсколько дней засвидѣтельствовать свое почтеніе и сообщить весьма интересныя вещи своимъ пріятелямъ, или обречь смерти жениха поцѣлуемъ—все это останется внѣ всякой науки, а слѣдовательно, и внѣ исторіи. Законы повторяющихся явленій, которыя мы можемъ провѣрить, составляютъ первый и совершенно непоколебимый *отрицательный* критерій всякаго свидѣтельства.

Но остановимся въ области возможныхъ и вѣроятныхъ фактовъ, т. е. не противорѣчащихъ установленнымъ законамъ.

Какъ есть случай, когда съ перваго взгляда существуютъ отрицательные доводы, заставляющіе васъ выкинуть данный фактъ изъ области изслѣдованія, какъ не достовѣрный, такъ есть другіе, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода подвергнуть его изслѣдованію прежде, чѣмъ принять его, какъ не подлежащій сомнѣнію. Это, впрочемъ, случается сплошь да рядомъ и при самыхъ точныхъ научныхъ задачахъ. Вы читаете въ спеціальномъ журналѣ, что академикъ Кокоревъ открылъ новый минералъ, имѣющій такой-то химическій составъ, такія-то оптическія свойства и т. д. Если вы не принадлежите къ числу десятка спеціалистовъ, которые посвятили себя критическому изученію этой мало кого интересующей отрасли природы, вы преспокойно заносите этотъ фактъ въ вашу память, говоря себѣ, что академикъ Кокоревъ дѣлалъ и прежде рядъ подобныхъ открытій, что есть въ мірѣ десятокъ завистливыхъ паръ глазъ, принадлежащихъ спеціалистамъ по той же отрасли, которые, если бы академикъ Кокоревъ ошибся, поторопились бы указать urbi et orbi на эту ошибку; что и теперь этотъ фактъ, пока не опровергнутъ соперниками-спеціалистами, можетъ считаться достовѣрнымъ. И громадное количество знаній образованнаго міра, или даже знаній ученыхъ въ области, не прямо относящейся къ ихъ спеціальности, заключается въ подобныхъ фактахъ, принятыхъ на вѣру. Но, конечно, опорою принятія этихъ фактовъ, относящихся къ области повторяющихся явленій, служитъ всегда возможность ихъ провѣрки другими лицами и провѣренная способность лица, признавшаго фактъ, констатировать

подобные факты. Во всякомъ случаѣ, жизнь представляетъ множество случаевъ, гдѣ, вслѣдствіе существующихъ обстоятельствъ, фактъ принимается за достовѣрный на основаніи перваго-же, единственнаго свидѣтельства. Никто въ мірѣ не въ состояніи совершенно уничтожить для себя область подобныхъ фактовъ, но каждый, сообразно своей наблюдательности, опытности и критическому складу своего ума, суживаетъ ее болѣе или менѣе; и точно такъ, какъ излишняя довѣрчивость въ этомъ случаѣ повела бы насъ къ множеству ошибокъ, излишнее стремленіе провѣрять факты наполнило бы нашу жизнь мелочными розысканіями ни для насъ и ни для кого ненужными. Это особенно относится къ фактамъ, которые не вызываютъ насъ къ какому-либо *дѣйствію*.

Напримѣръ, вы получаете письмо:

Высокоуважаемый

Максимъ Терентьевичъ!

„Зная ваше всегдашнее расположеніе къ моей семьѣ, честь имѣю извѣстить васъ, что вчера моя Дарья Львовна разрѣшилась отъ бремени третьимъ сыномъ, которому въ честь вашу и дана молитва на имя Максима-исповѣдника. Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и всегдашней преданности

Семена Скрябина".

Вы знаете, что Семенъ Скрябинъ существуетъ, что у него есть жена, Дарья Львовна, что она доказала уже опытомъ свое плодородіе; почеркъ письма, насколько вы припоминаете, схожъ съ почеркомъ извѣстнаго, хотя мало васъ интересующаго титулярнаго совѣтника Скря-

бина. Рожденіе новоявленнаго Максима Семеновича не обязываетъ васъ ровно ни къ чему. Неужели вы станете терять время на провѣрку этого факта? Вы просто записываете его себѣ въ память, какъ совершившійся, пока не отправите поздравительнаго письма „любезному“ Семену Панкратьевичу и „милой“ Дарьѣ Львовнѣ; а тамъ и самый фактъ будетъ преданъ „забвенію“.

Но вотъ подаютъ телеграмму:

„Иванъ Безтолковскій—злостный банкротъ. Дядя Макаръ разоренъ до копѣйки. Сообщите кузинѣ Маланьѣ; продавайте собственныя акціи.

Карпъ“.

Факты сообщаемые—въ предѣлахъ возможнаго; но представляютъ и данныя мало вѣроятныя: Иванъ, по прозвищу Безтолковскій, дѣйствительно Безтолковскій, но психическая вѣроятность для него быть банкротомъ, да еще злостнымъ, мала. Да и дядюшка Макаръ Макаровичъ вамъ довольно извѣстенъ: не такъ-то легко разорить до копѣйки этого крѣпыша. А Карпъ, подписавшій телеграмму, человѣкъ хорошій, но увлекающійся, фантазеръ, часто видящій предметы и событія не въ надлежащей перспективѣ. И на этихъ данныхъ приходится взволновать нервную и больную кузину. Да и продавать акціи вамъ неудобно. Между тѣмъ, фактъ принадлежитъ къ числу не повторяющихся. Опытъ и наблюденіе безсильны. А дѣйствовать надо. Вы разсчитываете возможный вредъ отъ того, что вы поступите опрометчиво, если фактъ окажется не вѣренъ; разсчитываете возможный вредъ отъ того, что воздержитесь отъ рѣшительнаго дѣйствія, если фактъ въ нѣкоторой степени вѣренъ; и принимаете, сообразно вашему характеру, временныя мѣры предупрежденія, а

между тѣмъ, посылаете телеграммы, пишете письма, собираете данныя о прикасающихся къ дѣлу фактахъ, пожалуй, опрашиваете сами, кого можно, и затѣмъ, комбинируя данныя, устанавливаете степень вѣроятности или достовѣрности факта. Очень часто онъ и совсѣмъ останется сомнительнымъ, и вамъ придется, при случаѣ, отвѣтить на вопросъ по этому дѣлу: вотъ агументы *за*, вотъ аргументы *противъ*—вотъ мое мнѣніе; я считаю его вѣроятнымъ потому-то и потому-то, но навѣрно сказать ничего не могу. Но можетъ случиться, что когда-нибудь вы получите, наконецъ, свѣдѣнія отъ лицъ, относительно которыхъ вы знаете, что они могли имѣть точныя свѣдѣнія, и тогда придется сознаться: Безтолковскій былъ дѣйствительно *злостнымъ* банкротомъ; дядюшка Макаръ Макаровичъ дѣйствительно слишкомъ понадѣялся на свое знаніе людей и на свою дѣловитость, далъ провести себя и поплатился. Колебанія, сомнѣнія, разспросы привели къ увѣренности. Передъ вами фактъ *достовѣрный*; достовѣрный для *васъ*, конечно. Другой кто-либо могъ остаться при болѣе обширномъ сомнѣніи.

Въ приведенныхъ случаяхъ мы имѣли факты не повторяющіеся, и которые, по самой своей сущности, не допускали иного пріема, какъ спросъ свидѣтелей, соображеніе ихъ способности свидѣтельствовать необлыжно и сознательно, взвѣшиваніе особенностей ихъ характеровъ и, затѣмъ, рядъ умозаключеній, настолько доказательныхъ, чтобы у васъ составилось личное убѣжденіе *по совѣсти*. Совершенно подобные случаи представляетъ исторія.

На саркофагѣ фараона Сту-де-нхи прочтена надпись:

„Въ пятый день мѣсяца Тота, въ двадцать-третій годъ своего благополучнаго для всѣхъ смертныхъ царствованія,

превосходящій мудростью всѣхъ людей и равняющійся съ богами фараонъ Сту-де-нхи, сынъ солнца, податель жизни во вѣки вѣковъ, живый богъ, прибылъ въ свой дворецъ въ Мемфисѣ, окончивъ вѣчно славную и побѣдоносную войну съ проклятыми небомъ и землею эѳіоплянами. Да продлится для счастія міра слава и жизнь божественнаго".

Вамъ очень хорошо извѣстно по другимъ даннымъ, что „превосходящій мудростью всѣхъ людей", фараонъ Сту-де-нхи скорѣе имѣлъ право на прозваніе „скорбнаго главою", и что походъ противъ эѳіоплянъ, судя по послѣдующимъ событіямъ, едва ли можетъ назваться „славнымъ" и „побѣдоноснымъ". Однако, фактъ, что походъ кончился именно въ двадцать третій годъ царствованія почтеннаго фараона, и что именно въ пятый день мѣсяца Тота Мемфисъ узрѣлъ его, можетъ быть принятъ, до какихъ-либо новыхъ свѣдѣній, какъ достовѣрный.

Но вотъ знаменитый академикъ печатаетъ переписку между Леонардо да-Винчи и Маккіавелли, изъ которой слѣдуетъ, что Леонардо да-Винчи предвосхитилъ теорію Дарвина, а Маккіавелли—экономическіе взгляды Лассаля. Весь ученый міръ возстаетъ, взъерошенный скептицизмомъ. Большинство отрицаетъ фактъ безъ изслѣдованія, съ такою же увѣренностью, какъ бы дѣло шло о бракѣ профессора Швахнера съ миссъ Килики. Но болѣе спокойные начинаютъ слѣдствіе. Эксперты по матеріалу старинныхъ рукописей подвергаютъ точнѣйшему наблюденію бумагу и чернила писемъ, взволновавшихъ ученый міръ. Эксперты по почеркамъ Леонардо да-Винчи и Маккіавелли осматриваютъ въ лупу каждую букву, каждый штрихъ, каждую запятую. Эксперты по исторіи языка взвѣши-

ваютъ обороты рѣчи, сравнивая ихъ съ языкомъ XV-го вѣка. Эксперты по біографическимъ свѣдѣніямъ объ ученыхъ личностяхъ этой эпохи слѣдятъ пытливо за указаніями на города, откуда писаны письма, на личности и мелкія событія, о которыхъ упоминается въ этихъ письмахъ. Стилисты отмѣчаютъ по чутью обороты, которые имъ кажутся неподходящими къ *манерѣ* того и другого корреспондента. Критики мысли сближаютъ міросозерцаніе ихъ извѣстныхъ произведеній съ мнѣніями, встрѣчающимися въ новыхъ письмахъ. И, если въ какой-либо изъ этихъ отраслей изслѣдованія окажется хотя бы *одно* явное противорѣчіе, то весь фактъ *уличенъ* въ невозможности. Ученый міръ произноситъ съ злорадствомъ приговоръ: „знаменитаго академика поддѣлъ ловкій фальсификаторъ“. Но иногда можетъ случиться и другое. Дѣйствительность документовъ подорвана быть не можетъ. Они даже служатъ къ исправленію нѣкоторыхъ прежнихъ ошибочныхъ допущеній относительно какихъ-либо мелкихъ біографическихъ данныхъ. Но болѣе правильная критика текста показываетъ, что знаменитый академикъ слишкомъ поторопился, выводя изъ нихъ теорію Дарвина въ головѣ Леонардо да-Винчи, или взгляды Лассаля въ мысли Маккіавелли.

И въ этихъ научныхъ пріемахъ, какъ въ житейскихъ задачахъ, примѣръ которыхъ я привелъ выше, сущность дѣла одна и та же. Одинъ человѣкъ совершенно безсиленъ передъ задачею. Нужно одновременное коллективное участіе множества лицъ. Нужно *общественное изслѣдованіе*, гдѣ свидѣтельствуютъ ворохи бумаги разныхъ вѣковъ, массы рукописей, множество отрывочныхъ, мельчайшихъ указаній на едва замѣтныя событія, факты безсознательнаго измѣненія формъ рѣчи, факты сознатель-

наго измѣненія формъ мысли, своеобразіе слога извѣстныхъ личностей и т. д., и т. д. Мы—въ области *не повторяющихся* событій, и не можемъ заставить повториться ни обстановку, ни личную дѣятельность знаменитыхъ людей, которые составляютъ предметъ изслѣдованія. Мы принуждены волей-неволей, для установки факта, собирать и группировать, противопоставлять и гармонизировать свидѣтельства; отбрасывать все, гдѣ встрѣчается противорѣчіе; затѣмъ, пробовать гармоническое построеніе неоспоренныхъ, неопровергнутыхъ фактовъ въ одно генетическое цѣлое; пробовать это съ одной точки зрѣнія, пробовать—съ другой, и затѣмъ, когда разныя лица перепробовали всякія построенія, наступаетъ моментъ критическаго, научнаго изложенія, которое, спокойно выслушавъ всѣ свидѣтельства, всѣ испробованныя построенія, предлагаетъ образованному міру резюме всѣхъ работъ, подчеркивая достовѣрное, указывая слабыя, сомнительныя точки изслѣдованія, оцѣнивая степень вѣроятности каждаго аргумента, каждаго эпизода.

Конечно, передъ воображеніемъ читателя возникаетъ знакомая житейская картина. Да, читатель, вы не ошиблись. Передъ вами зала суда. На столѣ лежатъ разнообразные предметы—мертвые свидѣтели. Одинъ за другимъ передъ судомъ встаютъ живые свидѣтели, каждый изъ которыхъ знаетъ, понимаетъ и можетъ сказать очень немногое. Каждое свидѣтельство и незначительно, и, можетъ быть, ошибочно, и не полно. Но это *общественное изслѣдованіе.* Свидѣтелей много, и ихъ ограниченныя, отрывочныя, неполныя свидѣтельства дополняютъ другъ друга подъ перекрестными вопросами. Одна черта факта за другою выступаетъ изъ тумана сомнительнаго, становится опредѣленною, ярко очерченною. Случается, что

свидѣтелей и уликъ мало; случается, что слишкомъ значительную роль приходится играть комбинаторской способности, а то и фантазіи прокурора и адвоката. Случается, что приговоръ невозможенъ. Случается, что дѣло, оставленное безъ опредѣленнаго рѣшенія сегодня, возникаетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ съ новыми уликами, новыми свидѣтелями. Но, во всякомъ случаѣ, правильный судъ призываетъ и выслушиваетъ *всѣхъ* свидѣтелей, которые знаютъ что-либо о дѣлѣ. И вотъ судебное слѣдствіе кончено. Встаютъ одинъ за другимъ прокуроры и адвокаты, пытаясь изъ всѣхъ данныхъ этого слѣдствія построить одностороннюю картину факта.—Фактъ *былъ*, и вотъ его генезисъ, его обстановка,—говоритъ одинъ. „Факта *не было*, и вотъ генезисъ призрака, который придалъ ему правдоподобіе,—говоритъ другой. Наконецъ, кончены судебныя пренія. Встаетъ предсѣдатель и, обращаясь къ присяжнымъ, начинаетъ свое резюме; онъ безстрастенъ и не нуждается ни въ томъ, чтобы обвиняемый былъ осужденъ, ни въ томъ, чтобы онъ былъ оправданъ, ни въ томъ, чтобы фактъ былъ признанъ существующимъ, ни въ томъ, чтобы его отнесли въ область фантазіи. Онъ даетъ критику различныхъ построеній факта во имя справедливости, какъ прокуроръ и адвокатъ давали критику подробностей въ интересахъ личностей или фиктивнаго карательнаго начала. Резюме кончено. Присяжные удалились. И ждетъ равнодушная, любопытная или взволнованная публика, когда раздадутся слова: „судъ идетъ“...

Читатель улыбается или насмѣшливо, или горько. О, я знаю очень хорошо, какъ часто не *всѣ* свидѣтели выслушиваются, не *всѣ* надлежащіе вопросы ставятся; знаю и то, что рѣдко, очень рѣдко ремюзе предсѣда-

теля произносится во имя справедливости, а премущественно съ сильнымъ, ярко окрашеннымъ, почти не скрываемымъ желаніемъ, чтобы приговоръ имѣлъ такой-то характеръ. Но я, читатель, и не думалъ вамъ нарисовать дѣйствительный судъ по какому-нибудь изъ тѣхъ или другихъ дѣлъ, которыя волновали васъ. Я беру судъ идеальный.

Установленіе фактовъ исторіи въ самомъ обширномъ смыслѣ есть именно повтореніе судебнаго процесса. Только здѣсь жюри составлено изъ всего образованнаго міра, и слова „судъ идетъ“ не влекутъ за собой никогда *окончательнаго* приговора. Постоянно засѣдаетъ этотъ судъ въ продолженіе столѣтій. Постоянно ждетъ онъ новыхъ свидѣтелей и выслушиваетъ ихъ *всѣхъ*; ждетъ новыхъ уликъ и посылаетъ одно поколѣніе экспертовъ за другимъ, чтобы тщательно разсмотрѣть и изслѣдовать эти улики; ждетъ новыхъ адвокатовъ, которые снова и снова строятъ передъ нимъ *возможный* генезисъ факта на основаніи отрывочныхъ свидѣтельствъ; ждетъ новыхъ предсѣдателей, безстрастно взвѣшивающихъ всѣ рѣчи *во имя справедливости*. Никакой положительный кодексъ не обязателенъ для этого всемірнаго жюри. Никакой укоръ совѣсти не мучитъ его при произнесеніи приговора, потому что *реальные* подсудимые давно сотлѣли въ могилахъ, и гильотина передъ ними безсильна. Дѣло идетъ даже не о странномъ приговорѣ; „виновенъ“ или „невиновенъ“, какъ будто имѣютъ когда-либо право произнести эти грозныя слова страстныя и заблуждающіяся особи человѣческаго рода; эти люди, изъ которыхъ ни одинъ не посмѣетъ сказать о себѣ, что онъ „за собой не знаетъ вины“, эти невольные соучастники всѣхъ преступленій, совершонныхъ вслѣдствіе условій данной куль-

туры. Историческое жюри произноситъ только одинъ приговоръ, который одинъ и наученъ: „фактъ *былъ*, и такіе-то элементы въ немъ достовѣрны, такіе-то болѣе, такіе-то менѣе вѣроятны, такіе-то установлены быть не могутъ". Приговоръ: „виновенъ" или „невиновенъ" произноситъ не исторія, какъ наука. Его произноситъ общественный идеалъ каждаго живого общества надъ своими предшественниками, во имя того пониманія истины и справедливости, которое присуще этому новому идеалу. Исторія доставляетъ лишь матеріалъ для приговора и напоминаетъ судьѣ то вѣчно облегчающее обстоятельство, что люди прежнихъ періодовъ руководились иными, менѣе развитыми идеалами, что къ нимъ нельзя прилагать новаго нравственнаго критерія. Если же какія-либо личности принимаютъ на себя обязанность произнести нравственный приговоръ надъ прошедшимъ, то исторія напоминаетъ, что строгіе нравственные судьи должны обратить всю свою неумолимость на то, что совершается около нихъ, рядомъ съ ними, какъ бы въ насмѣшку надъ тѣмъ нравственнымъ идеаломъ, во имя котораго они хотятъ судить прошедшее. Выраженіе „Die Weltgeschichte ist das Weltgericht" остается вѣрнымъ въ буквальномъ смыслѣ слова, но слово Weltgericht потеряло свой грозный смыслъ „страшнаго суда", послѣдняго суда живыхъ и мертвыхъ, съ окончательнымъ, навсегда неизмѣннымъ приговоромъ и съ рѣзкимъ отдѣленіе агнцевъ отъ козлищъ. Этотъ Weltgericht есть призваніе всего міра засѣдать на судѣ надъ прошлымъ, при чемъ приговоръ никогда не становится окончательнымъ, и чѣмъ долѣе идутъ пренія, тѣмъ очевиднѣе, что агнцы и козлища такъ смѣшаны другъ съ другомъ и такъ похожи одинъ на другого, что рѣзкой черты между историческою геенною и историческимъ царствомъ блаженства

провести невозможно; нѣкоторый элементъ рая выглядываетъ свѣтлымъ проблескомъ въ самомъ мрачномъ углу ада и нѣкоторый элементъ ада гнѣздится въ самомъ чистомъ и блаженномъ обитателѣ рая. Опять-таки сущность суда исторіи сводится на вопросъ фактическій: *что* было, *какъ* было и *почему* было такъ, а не иначе? Но для отвѣта на этотъ вопросъ исторія употребляетъ тотъ самый процессъ,—утончая и совершенствуя его, конечно,—который употребляетъ обычный судъ для открытія существованія какого-либо юридическаго факта. Это—*общественное изслѣдованіе* въ самомъ обширномъ и полномъ смыслѣ слова. Общество, во всѣхъ лицахъ, соприкасающихся съ событіемъ, призвано свидѣтельствовать, что знаетъ оно о событіи и высказать „правду, всю правду и только правду". Общество, въ лицѣ самыхъ интеллигентныхъ его членовъ, призвано къ построенію свидѣтельствъ въ гипотетическій генезисъ событія. Общество, въ лицѣ своихъ самыхъ безпристрастныхъ мыслителей, призвано резюмировать свидѣтельства и пренія. Общество, въ лицѣ образованныхъ классовъ цѣлаго ряда его послѣдовательныхъ поколѣній, призвано постановить приговоръ о фактѣ. Личное знаніе, личная наблюдательность, личный опытъ, личная сообразительность, личная геніальность тутъ безсильны. Они могутъ дать лишь одинъ небольшой, едва замѣтный элементъ для результата. Кооперація самыхъ разнообразныхъ общественныхъ силъ, при правильномъ ихъ содѣйствіи и раздѣленіи между ними работы, есть здѣсь единственный возможный методъ.

Кто допускаетъ, что судебное слѣдствіе и судебныя пренія въ человѣческихъ судахъ, при ихъ крайней недостаточности, при ихъ рѣжущихъ глаза несовершенствахъ

могутъ когда-нибудь *установить фактъ* событія, тотъ обязанъ допустить, что историческое слѣдствіе и историческія пренія могутъ служить научнымъ орудіемъ для установленія *достовѣрности* факта во многихъ случаяхъ, большей или меньшей степени его *вѣроятности* въ остальныхъ.

Впрочемъ, должно сознаться, что точное опредѣленіе факта составляетъ въ обычныхъ процессахъ наименѣе интересный, чисто вспомогательный элементъ процесса. Главный интересъ для обвинителей, адвокатовъ и публики—въ личномъ фактѣ оправданія или осужденія. При перекрестномъ опросѣ свидѣтелей и въ своихъ рѣчахъ, борющіяся силы суда гнутъ преимущественно на то, чтобы вызвать въ присяжныхъ симпатіи или антипатіи къ подсудимому. Публика волнуется вовсе не отъ того, что тотъ или другой ораторъ докажетъ болѣе или менѣе ясно, что преднамѣренность убійства не удостовѣрена, а есть вѣроятность, что имѣлъ мѣсто несчастный случай или даже самоубійство; не отъ того, что нѣсколько восьмидесятилѣтнихъ раввиновъ засвидѣтельствуютъ, что полвѣка назадъ тому совершонный бракъ между половымъ Ицкой и торговкой Ришкой имѣлъ дѣйствительно мѣсто по всѣмъ правиламъ „Моисеева Закона“. Интересъ здѣсь въ томъ, что судья надѣнетъ черную шапку и скажетъ блѣдному продукту лондонскаго Whitechapel, что его повѣсятъ „пока не воспослѣдуетъ смерть“, или объявитъ улыбающейся красавицѣ, обвиняемой въ адюльтерѣ, что она выходитъ „незапятнанною“ изъ залы суда. Интересъ въ томъ, что прежній половой Ицка умеръ обладателемъ милліоновъ, и что эти милліоны получитъ жившая въ загонѣ дочь давно умершей торговки Ришки, хотя всѣмъ извѣстно, что Ицка хотѣлъ распорядиться своими мил-

ліонами нѣсколько иначе. На строгую и точную установку факта обращаютъ второстепенное вниманіе; бьютъ на *приговоръ*; его выманиваютъ и вымаливаютъ не мытьемъ, такъ катаньемъ. Иначе говоря, судебные процессы имѣютъ преимущественно въ виду вовсе не то, что имъ обще съ историческимъ изслѣдованіемъ, а какъ разъ то, что составляетъ особенность первыхъ. Генезисъ частнаго, конкретнаго факта во всѣхъ подробностяхъ возстановить крайне трудно съ полною убѣдительностью; поэтому обвинители и адвокаты стараются преимущественно построить убѣдительное *мнѣніе* о значеніи факта въ жизни подсудимаго, если процессъ уголовный, или о значеніи его въ системѣ экономическихъ и юридическихъ понятій общества, если процессъ гражданскій.

И въ историческомъ изслѣдованіи возстановленіе состава и генезиса частнаго факта, біографической частности, очень часто представляетъ неодолимыя затрудненія. Сомнѣніе, колебаніе, въ наиболѣе выгодныхъ случаяхъ вѣроятность — вотъ всего чаще результаты, къ которымъ приходитъ изслѣдованіе. Рядомъ съ безспорными мелочами, множество болѣе важныхъ и интересныхъ частностей остаются сомнительными, затемненными противорѣчащими свидѣтельствами. Поэтому, если бы то, что называется *историческою истиною*, заключалось исключительно въ установкѣ *частныхъ* фактовъ, возраженія противниковъ исторіи могли бы имѣть значеніе, и „историческихъ истинъ“ оказалось бы не особенно много.

Но какъ на судѣ установка частнаго факта въ его подробностяхъ и въ его генезисѣ составляетъ лишь вспомогательный, хотя и весьма существенный элементъ процесса, такъ и въ историческомъ изслѣдованіи эти мелочи археологіи и казуистики, при всей ихъ важности, явля-

ются тоже лишь вспомогательными элементами открытія истины. Историческая истина лежитъ внѣ частностей и мелочей личныхъ біографій. Годъ и мѣсто рожденія знаменитой исторической личности могутъ быть предметами безконечныхъ споровъ въ области эрудиціи, и наука можетъ признать этотъ вопросъ неразрѣшимымъ, по недостатку или противорѣчію свидѣтельствъ, но историческое значеніе самой личности можетъ быть весьма твердо установленнымъ фактомъ. Цѣлый рядъ книгъ, брошюръ, статей, летучихъ листковъ можетъ противостоять всѣмъ усиліямъ открыть имена ихъ авторовъ, но историческій смыслъ этой литературы можетъ быть вполнѣ ясенъ и опредѣленъ. Могутъ отсутствовать всѣ средства для сколько-нибудь удовлетворительнаго опредѣленія біографическихъ фактовъ относительно большинства лицъ, участвовавшихъ въ какомъ-либо крупномъ историческомъ событіи, и при этомъ значеніе этого событія, его генетическое развитіе, его причинная связь съ предыдущими и съ послѣдующими событіями можетъ быть вполнѣ уяснена.

Это является слѣдствіемъ самой задачи исторіи. Она есть вовсе не сумма біографій, но какъ *процессъ*, она есть процессъ *общественной* жизни; какъ *наука*, она есть пониманіе закона послѣдовательности фазисовъ *общественнаго* развитія. А въ жизни общества, въ развитіи общества, явленія и событія жизни особей важны лишь настолько, насколько въ послѣднихъ отражается солидарность съ общественными интересами, общественными страстями, общественными убѣжденіями. Но эта солидарность уясняется гораздо болѣе *среднимъ* выводомъ изъ множества отдѣльныхъ, хотя бы и довольно неразработанныхъ біографій, чѣмъ точными данными о каждой изъ нихъ въ такихъ частностяхъ, которыя имѣютъ мало связи съ

общественною жизнью. Когда вы хотите понять дѣйствіе картечнаго выстрѣла, развѣ вамъ нужно ставить вопросъ о траекторіи каждой пули, которая входитъ въ составъ этой картечи, и которая, сталкиваясь съ другими пулями, отклоняясь и видоизмѣняя законъ своего движенія, привела бы изслѣдователя къ невозможной задачѣ? Вамъ важна траекторія центра тяжести всей совокупности пуль; важны предѣлы расширенія конуса, образуемаго смертоноснымъ снарядомъ при его движеніи; а это вы *можете* знать, не обращая ни малѣйшаго вниманія на траекторію каждаго изъ составныхъ элементовъ картечи. Когда ученый медикъ устанавливаетъ терапевтическое дѣйствіе новаго способа лѣченія въ опредѣленной болѣзни, развѣ онъ останавливается на неточностяхъ и на неполнотѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ журналовъ болѣзни, которые служатъ ему матерьялами, на нѣкоторыхъ отклоненіяхъ отъ нормальнаго хода лѣченія? Онъ руководится *среднимъ* результатомъ, *среднимъ* ходомъ процесса, отмѣчая лишь крайнія отклоненія.

Когда вы садитесь, утомленный послѣ долгаго и безполезнаго спора съ вашимъ пріятелемъ Василіемъ Никитичемъ, придя къ результату, что о серьезныхъ предметахъ съ нимъ говорить совершенно лишнее, развѣ вы припоминаете каждое его слово, каждое высказанное имъ предложеніе, чтобы придти къ этому весьма опредѣленному результату? Нисколько: вы удержали въ памяти двѣ, три яркія черты его тупости или его невѣжества; многочисленныя слова и предложенія дали нѣкоторое среднее теченіе его рѣчи, оставили въ васъ слѣдъ перехода отъ одного предмета къ другому, отъ одного пріема аргументаціи къ другому, и, отъ существующихъ пробѣловъ, пріобрѣтенный, установившійся фактъ не только не ме-

нѣе достовѣренъ, но гораздо болѣе, чѣмъ если бы вы разбросали свои воспоминанія на частности. Какъ часто „примѣрные“ ученики и ученицы могутъ вамъ передать множество отрывочныхъ фразъ изъ всѣхъ частей лекціи профессора, но это не мѣшаетъ имъ остаться при полномъ непониманіи и того, въ чемъ заключался истинный центръ тяжести лекціи, и того, какъ этотъ центръ тяжести діалектически двигался въ мысли и въ изложеніи лектора. Чтобы возстановить картину бала, совсѣмъ не надо знать число туровъ вальса, которое сдѣлалъ каждый танцоръ и каждая танцорка. Чтобы *понять* взятіе Бастиліи, нѣтъ ни малѣйшей нужды отдать себѣ отчетъ въ движеніяхъ и словахъ каждаго участника въ этомъ событіи. *Существенное* въ установкѣ историческихъ фактовъ не зависитъ отъ точнаго знанія мелочей, но имѣетъ свои *особенныя* требованія.

Эти требованія можно свести на два довольно различные пункта, которые, конечно, требуютъ отъ историка двухъ довольно различныхъ способностей.

Первое требованіе обще всѣмъ областямъ, въ которыхъ прилагается *статистическій* методъ: это—умѣнье взять среднюю величину въ многочисленныхъ случаяхъ однородныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый допускаетъ отклоненіе въ ту или въ другую сторону. Иногда это дѣло очень просто, иногда оно усложняется разнообразіемъ качественныхъ отклоненій. Дѣло не трудное получить средній ростъ сотни женщинъ какого-нибудь острова Тихаго океана. Такъ же не трудно получить среднее число книгъ, ежегодно издаваемыхъ въ продолженіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ въ Швейцаріи. Требуется уже нѣкоторое знаніе теоріи центра тяжести и законовъ динамики, чтобы опредѣлить среднюю траекторію картечи, о

которой только что говорено выше. Еще сложнѣе, въ массѣ литературныхъ произведеній, которыя въ теченіе вѣка появлялись въ данной странѣ, найти главныя мысли и заботы, къ которымъ возвращалась умственная работа общества, независимо отъ множества частныхъ, личныхъ вопросовъ, вызванныхъ разнообразными личными интересами авторовъ, и прослѣдить, какъ измѣнялись эти мысли и эти заботы, слѣдовательно, начертить *среднюю литературную траекторію* даннаго народа въ данный періодъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти пріемы требуютъ лишь серьезнаго знакомства съ предметомъ изслѣдованія, серьезнаго вниманія къ частностямъ, доступнымъ изслѣдователю, и небольшого соображенія относительно повторяемости одного факта во множествѣ экземпляровъ, другого въ меньшемъ числѣ, и появленія третьяго въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. Усложняется это требованіе однимъ обстоятельствомъ, которое долго упускалось изъ виду, но которое, однажды взятое въ соображеніе, не можетъ представить изслѣдователю особеннаго затрудненія. И оно имѣетъ аналогію въ обыденной жизни. Если вы хотите передать вѣрную картину бала, вы должны брать въ соображеніе не одну танцующую молодежь, но и тѣхъ, для которыхъ важнѣйшій моментъ бала составляютъ карточные столы, и тѣхъ, которые тяготѣютъ къ буфету, и тѣхъ, наконецъ, которые подъ шумъ бальной музыки преслѣдуютъ различные честолюбивые, корыстолюбивые личные планы, а то и соображенія болѣе общаго, политическаго и соціальнаго свойства. Всѣ эти группы лицъ, съ совершенно различными интересами, толкаясь въ тѣхъ же залахъ, облеченные въ одинаковые костюмы, должны быть схвачены въ ихъ разнообразіи и взаимномъ вліяніи, чтобы *истина* собранія была понята. Точно

такъ же Парижъ въ 1789 или въ 1848 г. представлялъ не одно цѣлое, но рядъ группъ, изъ которыхъ каждая относилась къ событіямъ *иначе*, участвовала въ нихъ *иначе*, получала отъ нихъ *иныя* впечатлѣнія. *Истина* событія возстаетъ передъ нами, когда мы тщательно классифицируемъ эти группы, опредѣляемъ ихъ численное отношеніе и ихъ относительную вліятельность; когда, затѣмъ, мы прослѣдимъ участіе каждой изъ нихъ въ общемъ ходѣ событій и ихъ взаимное вліяніе. Еще недавно историки въ своихъ изслѣдованіяхъ по этому поводу слишкомъ ограничивали группы, которыя *стоитъ* брать въ соображеніе. Въ болѣе отдаленное отъ насъ время дѣло ограничивалось коронованными лицами, ихъ министрами и приближенными. Потомъ стали брать въ соображеніе разныя группы господствующихъ классовъ, оставляя все остальное населеніе въ безразличномъ фонѣ картины. Лишь въ послѣднее время историки убѣдились, что для *истины* историческаго представленія необходимо ввести въ разсчетъ серьезнымъ элементомъ интересы, страсти и убѣжденія массъ. Такимъ образомъ задача, не затрудняясь, усложнилась. Надо особо изслѣдовать среднія величины, среднія историческія траекторіи нѣсколькихъ общественныхъ группъ и возстановить истину общаго процесса, какъ движенія сложной системы дѣйствующихъ другъ на друга тѣлъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго повода считать эти изслѣдованія менѣе точными и пріемы менѣе научными, чѣмъ въ какой-нибудь иной области знанія, гдѣ прибѣгаютъ къ статистическому методу, а къ нему приходится прибѣгать въ весьма различныхъ областяхъ.

Но историческая истина ставитъ и другое требованіе. Это—требованіе исторической перспективы. Перспек-

тива всегда и вездѣ есть не только требованіе эстетическое, но и требованіе чисто научное. Во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ фактѣ есть элементы существенные, элементы второстепенные и элементы, не имѣющіе никакой важности *для даннаго* вопроса. При томъ, эти элементы измѣняются въ томъ же самомъ фактѣ для различныхъ вопросовъ. Когда профессоръ поучаетъ слушателей, какъ произвести физическій опытъ или хирургическую операцію, онъ обращаетъ особенное вниманіе начинающихъ на то обстоятельство, какъ ловче взять въ руки приборъ или хирургическій инструментъ, какъ наклонить пробирный цилиндръ, и т. п. Это для начинающихъ весьма существенно. Но въ отчетѣ о произведенномъ ученомъ опытѣ, въ отчетѣ о трудной хирургической операціи передъ товарищами-спеціалистами, внѣ исключительныхъ случаевъ, экспериментаторъ или операторъ и не подумаетъ упоминать объ этихъ мелочахъ, которыя сами собою разумѣются или, съ этой точки зрѣнія, никакой важности не имѣютъ. Отдавая себѣ отчетъ о томъ, что вы сдѣлали въ продолженіе сутокъ, вы вовсе не удерживаете въ памяти многочисленныя движенія, слова, мысли, которыя имѣли мѣсто; вы останавливаетесь на томъ, что можетъ быть интересно другимъ, что вамъ самимъ кажется существеннымъ, и въ этомъ случаѣ выборъ зависитъ отъ того, въ какомъ кругу вы вращаетесь, чей интересъ хотите возбудить, каковы ваши убѣжденія относительно жизненныхъ задачъ, относительно плана жизни, цѣли жизни. Для одного самымъ важнымъ фактомъ будетъ встрѣча съ начальникомъ на Невскомъ и его рукопожатіе, а страшное извѣстіе, прочтенное въ газетахъ, не оставитъ слѣда въ его памяти. Для другого только и останутся въ мысли нѣсколько словъ телеграммы,

полученной издалека и заключающей, съ перваго взгляда, совершенно обыденное извѣстіе. Для третьяго все исчезло предъ принятымъ сегодня рѣшеніемъ, которое изломало все прошедшее, начертило совершенно новое будущее. Но какъ измѣнится перспектива, если на васъ пало подозрѣніе въ участіи въ преступленіи, совершонномъ въ прошлый вторникъ между двумя и тремя часами пополудни! Все то, что *вообще* существенно для вашей жизни, внезапно отодвигается въ безразличный фонъ картины, и воображеніе упорно вызываетъ полузабытыя и самыя банальныя мелочи. Такъ: во вторникъ вы завтракали у тетушки Анны Марковны и послѣ завтрака она говорила съ вами о грубости ея кухарки, Пелагеи, и о болѣзни ея пуделя. Вы ушли около четверти третьяго. Да, точно; вы еще взглянули на часы около угла Гороховой, и пошли... куда бишь?.. память ваша отказывается отвѣтить... И вдругъ передъ вами возникаетъ глупая фигура несноснаго, надоѣдливаго до послѣдней крайности Ильи Семеновича Брызгалова; вы вспоминаете, какъ онъ взялъ васъ за пуговку пальто у самаго зданія Думы и началъ разсказывать вамъ... что? вы и теперь этого не знаете и тогда не помнили, думая совсѣмъ о другомъ, отвѣчая неопредѣленнымъ мычаніемъ и кривою улыбкою на его разсказы и проклиная его въ душѣ... Вы собирались зайти къ аккуратному Петру Петровичу, который уѣзжаетъ изъ дому всегда ровно въ 3 часа 10 минутъ, и чувствовали, что опоздаете... И какъ долго говорилъ съ вами проклятый Илья Семеновичъ! Впрочемъ, теперь онъ для васъ не проклятый, не скучный, а весьма интересная особа... Точно ли онъ остановилъ васъ за пуговку у Думы во вторникъ? Не въ среду ли? Нѣтъ; въ среду вы *были* у Петра Петровича, и онъ вамъ сказалъ, что писемъ

не получалъ. Не въ понедѣльникъ ли? Не въ воскресенье ли? Нѣтъ; невозможно. Изъ несносной болтовни Ильи Семеновича вамъ осталось въ памяти, что онъ въ воскресенье вечеромъ былъ въ Павловскѣ, а весь понедѣльникъ до 6 часовъ вечера вы просидѣли за работой дома. Итакъ, установился крайне *важный* фактъ, что въ началѣ третьяго часа тетушка Анна Марковна вамъ говорила о разстройствѣ желудка ея пуделя, что вы пошли съ Гороховой къ Думѣ (значитъ—въ *противоположную* сторону отъ мѣста событія, въ участіи въ которомъ васъ заподозрили) и что Илья Семеновичъ продержалъ васъ за пуговку пальто у Думы до конца третьяго часа, если не болѣе. Анна Марковна и Илья Семеновичъ выростаютъ въ личности первостепенной важности. Они—*свидѣтели* для вашего alibi. Пудель и пуговка пальто фигурируютъ основными опорными пунктами этого дня. Во всѣхъ этихъ случаяхъ перспектива—дѣло первостепенное.

Если профессоръ не расположитъ своей лекціи, а ученый своего отчета объ опытѣ въ надлежащей перспективѣ, то истина факта затемнится и можетъ быть не понята и не усвоена. Степень вашего нравственнаго развитія опредѣлится именно тѣмъ, что признаете вы существеннымъ въ событіяхъ дня и что для васъ отодвигается на второй, на третій планъ, какъ маловажное. Если же вы вызываете въ памяти событія этого дня съ опредѣленною цѣлью, то для достиженія этой цѣли перспектива еще важнѣе: если вы не выставите достаточно ясно на первый планъ мелочныхъ обстоятельствъ, опровергающихъ обвиненіе, на васъ можетъ лечь незаслуженное подозрѣніе. И вотъ, приходится всюду и всегда, для уясненія истины, распредѣлить факты въ опредѣлен-

ной перспективѣ по степени ихъ важности для даннаго житейскаго вопроса.

Точно такъ же для исторической истины событій есть факты существенные и факты менѣе важные. Одни должны составить главные и всего ярче освѣщенные элементы картины; другіе должны въ ней стоять на второмъ, на третьемъ планѣ или теряться въ безразличномъ фонѣ картины. *Понятая* исторія есть именно исторія, въ которую внесена надлежащая перспектива важнѣйшаго и менѣе важнаго...

Но именно на этомъ пунктѣ возраженія противниковъ исторіи раздаются всего громче и всего рѣшительнѣе. Это—противники уже совсѣмъ иного рода. Они не оспариваютъ фактическаго содержанія исторіи, того, что составляетъ достояніе *исторической эрудиціи*. Они очень хорошо знаютъ, что достовѣрность данныхъ при изслѣдованіи общественныхъ событій прошлаго времени нисколько не уступаетъ достовѣрночти данныхъ въ области естествознанія. Если иные иронически указываютъ на Семирамидъ и Ромуловъ, на Вильгельмовъ Теллей, которые составляли еще очень недавно невыдѣлимый элементъ безспорныхъ историческихъ фактовъ, а теперь улетучились или улетучиваются въ область миѳологіи и легендъ, то другіе помнятъ о слишкомъ недавнихъ спорахъ унитаріанцевъ и дуалистовъ въ химіи, анимистовъ и виталистовъ въ біологіи, о призракахъ, которые такъ часто захватывали почти всю область медицины, о продолжающемся еще спорѣ о значеніи оспопрививанія, когда недавно оно считалось однимъ изъ величайшихъ завоеваній человѣчества. Всѣ области знанія способны порождать гипотетическія обобщенія и построенія, которыя могутъ быть приняты за безспорныя истины и которыя

разрушаются предъ болѣе внимательною и болѣе скептическою критикою послѣдующаго поколѣнія. Легенда и миѳъ тысячью путей пробираются въ царство истины, чтобы захватить тамъ на время престолъ въ какой-нибудь не вполнѣ цивилизованной критикою области, и противъ этихъ узурпаторовъ приходится постоянно вести войны во имя нивеллирующихъ правъ критики, съ ея якобинскими привычками потрясать всѣ авторитеты. И нынѣшнія династіи не должны считать себя совсѣмъ безопасными на своихъ недавно завоеванныхъ тронахъ, окруженныхъ трупами ихъ предшественниковъ. Ни единству физическихъ силъ, ни трансформизму не дозволятъ надолго провозглашать свою неограниченную власть и свое божественное право. Судьба возведенныхъ на эшафотъ или скитающихся въ жалкомъ изгнаніи разнородныхъ электрическихъ и теплородныхъ жидкостей, геологическихъ катастрофъ и неизмѣнныхъ органическихъ видовъ могла бы научить новыхъ жильцовъ въ Тюльери физики и въ Уайтголѣ біологіи, что шатокъ престолъ всѣхъ неограниченныхъ властителей человѣческой мысли. И картезіанство было могуче; и оно надѣялось, что упрочило свою власть, а гдѣ его арміи и его поклонники? Міръ былъ изумленъ еще недавно и грозными завоеваніями гегелизма, а что онъ теперь? гдѣ его безусловный духъ, его методъ всемірнаго вальса à trois temps? Пала Троя; палъ и Карѳагенъ; та же судьба грозитъ и всѣмъ гордымъ самодержцамъ мысли. Пусть унитаристы физики и трансформисты біологіи держатъ ухо востро. Слишкомъ безцеремонно начинаютъ издавать свои декреты и торжествовать свои оргіи Геккели, Зегеры, Оскары Шмидты и другіе разные временщики. Недовольство растетъ. Агитаторы дѣйствуютъ. Теперь еще волненіе можетъ быть успокоено

менѣе вызывающимъ поведеніемъ представителей власти, стѣсненіемъ безобразій нѣсколькихъ проконсуловъ. Но если не сдержать ихъ произвола, то можетъ образоваться весьма серьезное возстаніе около какого-нибудь новаго знамени и опять раздастся во всѣхъ углахъ науки революціонный крикъ: „Критика, одна критика! никто противъ критики! разрушайте, ломайте, жгите, истребляйте всѣхъ представителей произвола въ наукѣ! свободная критика! равная для всѣхъ критика!“ И, конечно, подъ шумъ этихъ криковъ, какой-нибудь новый Цезарь науки будетъ стараться установить *свой* произволъ, какіе-нибудь новые оппортунисты знанія будутъ стараться опошлить науку до уровня своего эмпиризма. Революція сверху и снизу, эпохи энтузіазма и упадка духа имѣли и будутъ имѣть мѣсто въ наукахъ природы точно такъ же, какъ въ процессѣ исторіи.

Но, допуская, что въ точности и въ прочности историческія данныя нисколько не уступаютъ даннымъ какой-либо другой области знанія, противники исторіи нападаютъ на нее тѣмъ свирѣпѣе, на основаніи ея же собственныхъ требованій.

Вы сознаетесь,—говорятъ вамъ они,—что исторія должна отдѣлить „существенные“ факты отъ „менѣе важныхъ“, что „понятая“ исторія нуждается въ „перспективѣ“. Но позвольте узнать, откуда вы возьмете критерій для отличенія важнаго отъ неважнаго въ исторіи, существеннаго отъ несущественнаго? Что можетъ руководить васъ при построеніи исторической перспективы? Подумайте, что значитъ перспектива? Вѣдь это значитъ: вы выберете среди безразличнаго міра предметовъ нѣкоторую точку зрѣнія *для себя* и во имя этой индивидуальной точки зрѣнія будете возвѣщать намъ: *этотъ* предметъ исторіи, *эта*

личность велики, громадны; они заслоняютъ множество предметовъ, *а тамъ* есть что-то очень маленькое, едва заслуживающее вниманія, чего и разсмотрѣть почти невозможно, да, вѣроятно, и не стоитъ. Не въ правѣ-ли всякій сказать вамъ: вольно же вамъ стать здѣсь, а не тамъ, повернуться къ предметамъ и личностямъ такъ, а не иначе. Съ *иной* точки зрѣнія то, что для васъ *кажется* громаднымъ и заслоняетъ вамъ многое, *покажется* вамъ очень скромныхъ размѣровъ, а то и совсѣмъ уменьшится до едва замѣтной величины. А другое вырастетъ. Потрудитесь переходить съ одного Standpunkt'а на другой, и вы будете имѣть не одинъ подборъ „существеннаго", а десять тысячъ разныхъ подборовъ; получите не одну „перспективу" исторіи, а несчетное множество разныхъ перспективъ. И все это будутъ „понятыя" исторіи. Иначе говоря, логическое слѣдствіе вашихъ собственныхъ требованій отъ исторіи приводитъ къ тому, что исторію можно „понимать" самымъ разнообразнымъ образомъ. Точнѣе: почти *всякое* пониманіе въ ней возможно. Еще проще: въ „пониманіи" исторіи господствуетъ полнѣйшій произволъ. Спрашивается: что же тутъ научнаго?

— Все это было бы совершенно вѣрно,—возражаете вы,—*если бы* выборъ Standpunkt'а для перспективы былъ совершенно произволенъ, *если бы*, дѣйствительно, нельзя было отличить въ совершающихся событіяхъ существеннаго отъ несущественнаго, важнаго отъ не важнаго, но вѣдь это не такъ...

— Нѣтъ,—перебиваютъ энергично противники исторіи:—у васъ нѣтъ критерія для этого отличенія, да и быть не можетъ. И опять по вашему собственному сознанію. Вотъ въ наукахъ, гдѣ дѣло идетъ о *повторяю-*

щихся явленіяхъ, критерій существуетъ. Онъ именно заключается въ степени повторяемости явленій. То, что различно для каждой изслѣдуемой особи, не имѣетъ вовсе значенія, какъ явленіе *неповторяющееся*. То, что составляетъ принадлежность группы особей, можетъ служить для классификаціи группъ. То, что повторяется огромное число разъ (какъ схема костяка позвоночныхъ животныхъ), весьма существенно, хотя бы смыслъ его былъ вамъ неясенъ. И все это представляетъ критерій не произвольно избранный, не критерій только *для васъ*. Нѣтъ, это—критерій для всѣхъ. И хотѣлъ бы я считать важнымъ такое-то явленіе, да не могу: оно индивидуально, случайно. Хотѣлъ бы закрыть глаза предъ другимъ, да опять не могу: оно рѣжетъ мнѣ глаза своими повтореніями. Въ исторіи, какъ сами вы говорите, явленія „не повторяются". Значитъ, каждое изъ нихъ индивидуально; каждое, по сравненію съ цѣлымъ процессомъ, случайно; если вы ставите изъ нихъ одно на первый планъ и вырисовываете его тщательно, а другое отодвигаете въ безразличный фонъ картины, вы не можете имѣть для этого никакого руководства, кромѣ собственнаго произвола. Никакого критерія „существеннаго" у васъ быть не можетъ. Никакой обязательной для васъ перспективы фактовъ не существуетъ.

Но вѣдь дѣло въ исторіи идетъ о человѣкѣ, объ обществѣ. Въ человѣкѣ, въ обществѣ не все одинаково важно. Человѣкъ можетъ быть *человѣчнѣе*, или его *человѣчныя* способности могутъ въ немъ атрофироваться, и то, что касается *этихъ* процессовъ, будетъ *существеннѣе*, чѣмъ все то, что въ немъ имѣетъ слабое отношеніе или не имѣетъ никакого. Общество можетъ дѣлаться крѣпче, сплачиваться, или можетъ слабѣть, разлѣзаться; оно можетъ впадать въ

рутину полуживотной жизни или развивать въ себѣ болѣе сознанія, болѣе человѣчности. Эти процессы *существенны*, потому что въ нихъ усиливается или ослабляется именно то свойство, которое дѣлаетъ общество обществомъ, а не скопленіемъ особей, придаетъ ему значеніе *человѣческаго* общества, а не роя саранчи. И всѣ частныя явленія получаютъ болѣе или менѣе важности, смотря по тому, насколько они имѣютъ значенія *въ этомъ* процессѣ. Произвольнаго тутъ ничего нѣтъ. Напротивъ, для историка становится обязательнымъ останавливаться преимущественно на тѣхъ фактахъ, которые существенны для степени отдаленія человѣка отъ животности (чуть-ли не указалъ на это отецъ позитивизма, Огюстъ Контъ), для процесса укрѣпленія и ослабленія общественной связи, для увеличенія въ обществѣ количества знанія и пониманія.

— Обязательно! – восклицаютъ скептики.—Да, мы хорошо видимъ, какъ это „обязательно“ для историковъ! Очень недавно „обязательны“ для историка были лишь дѣйствія государей, министровъ, полководцевъ. Политика и религія составляли все „существенное“. Да и теперь есть представители этой „перспективы“ между извѣстными историками. Затѣмъ, стали на иную перспективу, увидѣли въ исторіи Англіи и Франціи борьбу расъ. Стали заниматься политикой „націй“, исторіею „народовъ“, подразумѣвая, впрочемъ, подъ этими неопредѣленными терминами культурное и руководящее меньшинство. Стали рыться въ старыхъ журналахъ. „Существенною“ стала литература. Теперь въ модѣ „перспектива“ экономическая. Все, видите-ли, зависитъ отъ экономическихъ отношеній. А потому давайте намъ на первый планъ исторію народныхъ массъ, настоящихъ производителей.

Это существенно. А завтра будетъ новая *модная* „перспектива“. Ну, не чистый-ли это произволъ? Почему же вчера писали объ однихъ короляхъ и полководцахъ, да какихъ-нибудь помпадуршахъ, и всѣ похваливали, а сегодня намъ это, видите-ли, совсѣмъ не важно: давайте выписки изъ мазаринадъ да народныхъ сказочекъ; давайте цѣны на хлѣбъ и сѣно; давайте бюджетъ школьнаго учителя. Ну, возьмите хоть французскую революцію—первую, конечно.

Были въ свое время книги, называвшіяся „Conspiration d'Orléans“, „Conspiration des jacobins“, и такъ гладко было изложено о страданіяхъ и мученичествѣ почтеннаго Людовика XVI и его добродѣтельной супруги, такъ хорошо выруганы были ихъ злокозненные враги. Вдругъ явились Тьеръ и Минье. Совсѣмъ уже иная перспектива. И короля жаль, и Мирабо хорошъ, и жирондисты добродѣтельны, и Дантонъ молодецъ, и Робеспьеръ заслуживаетъ похвалы, и все фатально идетъ какъ быть должно. Ну, конечно, восхищенье! настоящая „историческая истина“. Проходитъ лѣтъ 20. Захотѣли новой перспективы. Въ грязь прекрасную Марію Антуанету! Въ помои жирондистовъ! Дантонъ — единственный великій человѣкъ! Нѣтъ, Робеспьеръ великъ, а прочее все гниль! Нѣтъ, Геберъ for ever. И пошли, и пошли. И все—„перспектива“. Все—„истинное пониманіе“. А тутъ является Тэнъ и, вооружившись самымъ громаднымъ ворохомъ эрудиціи, потихоньку да полегоньку забрасываетъ грязью всѣхъ этихъ „великихъ“. А тамъ еще другіе толкуютъ: „ну, положимъ, Тэнъ показываетъ облыжно и эрудицію свою употребляетъ злонамѣренно; они были великіе люди для *своего времени*, однако же, сути экономическаго вопроса не понимали надлежащимъ обра-

зомъ, крестьянскій вопросъ, видите-ли, совсѣмъ не взяли въ соображеніе. Новая „перспектива"! Нѣтъ, это какая-то сказка „про бѣлаго бычка", и только.

Да, то самое, что служитъ для васъ нападеніемъ, доказываетъ именно ростъ исторіи, какъ науки. Пониманіе „существеннаго" въ исторіи растетъ, потому что растетъ пониманіе свойства человѣка и пониманіе особенностей общественной жизни. Историки усваиваютъ зависимость между фактами, которые казались прежде принадлежащими совсѣмъ инымъ областямъ, и расширяютъ картину, которую они изображаютъ, потому что во имя лучшаго пониманія отношеній *не могутъ* сдѣлать иначе. Самъ историкъ нравственно развивается, ставитъ человѣку и обществу задачу болѣе широкую и глубокую, а вмѣстѣ съ тѣмъ *неизбѣжно* измѣняетъ перспективу фактовъ исторіи. Когда химики отреклись отъ алхиміи, то имъ пришлось существенно измѣнить самыя задачи химіи, иначе говоря, *перспективу* ея фактовъ. Когда на жизнь посмотрѣли, какъ на процессъ, допускающій приложеніе точныхъ и неизмѣнныхъ законовъ и исключающій нематерьяльныхъ агентовъ, самая перспектива біологіи измѣнилась. Когда Дарвинъ поставилъ сравнительной анатоміи задачу открыть генетическое развитіе органическихъ формъ, явилась для этихъ формъ совершенно новая перспектива и создалась новая, весьма важная отрасль біологіи—морфологія. Когда одинъ изъ историковъ поднимается въ нравственномъ развитіи на одну ступень выше своихъ современниковъ, онъ *принужденъ* поставить задачу исторіи нѣсколько иначе...

— А! субъективизмъ въ наукѣ, ересь, ересь! восклицаютъ взволнованные противники исторіи и затыкаютъ себѣ уши.

Научныя основы исторіи цивилизаціи.

„Настоящее столѣтіе будетъ преимущественно отличаться неизбѣжнымъ преобладаніемъ исторіи въ философіи, въ политикѣ и въ поэзіи“,—писалъ Огюстъ Контъ въ своемъ большомъ трудѣ, приступая къ соціальной динамикѣ. Нельзя сказать, чтобы это замѣчаніе оказалось безусловно вѣрнымъ относительно искусства и политической исторіи.

Послѣ временнаго преобладанія историческаго романа, исторической драмы, балладъ и легендъ романтизма, искусство обратилось къ настоящему, къ реализму жизни, къ жанровой живописи, къ соціальнымъ задачамъ будущаго; политика разорвала старыя традиціи союзовъ и соперничествъ, трактатовъ и дипломатическихъ пріемовъ; она выдвинула на первый планъ элементъ естествознанія—въ принципѣ національностей и элементъ нравственныхъ требованій—въ вопросѣ соціальномъ. За то въ философіи, принимая это слово и въ смыслѣ позитивистовъ, и смыслѣ другихъ школъ, историческій элементъ преобладалъ безспорно. Послѣ недолгаго колебанія, идеализмъ призналъ высшимъ своимъ выраженіемъ историческій принципъ развитія и высшею своею задачею—философію исторіи. Послѣ паденія идеализма его замѣчательнѣйшіе представители обратились къ историческимъ трудамъ. Все достоинство французскаго эклек-

тизма заключалось въ рядѣ болѣе или менѣе замѣчательныхъ историческихъ работъ. По словамъ самыхъ строгихъ послѣдователей позитивной философіи Конта, его заслуга заключается особенно въ томъ, что онъ „создалъ несуществовавшую до него науку исторіи и постепенно извлекъ изъ нея философію". Подъ вліяніемъ, если не самого Конта, то общаго направленія мысли, вызвавшаго и развитіе позитивизма, писали новѣйшіе мыслители Англіи и Америки, которые пытались разсматривать исторію, какъ нѣчто цѣлое. Но и внѣ теоретическихъ задачъ исторія господствовала надъ мыслію XIX вѣка. Борющіяся партіи всѣхъ цвѣтовъ прибѣгали къ ея неисчерпаемому матерьялу, для доказательства вѣрности своихъ практическихъ требованій. Многочисленные труды, обставленные всѣми признаками строгой научной критики, служили полемическимъ орудіемъ реакціонерамъ или прогрессистамъ, являлись какъ предвѣстники революцій, или какъ философское оправданіе переворота, произведеннаго преторіанцами. Естествознаніе искало въ минувшемъ слѣды своего дѣтства и своей первой молодости. Психологи и теоретики нравственности почти неизбѣжно предпосылали своимъ трудамъ исторію своихъ предшественниковъ. Догматическая полемика обратилась въ историческую критику. Въ то время, какъ естествознаніе, при всѣхъ его обширныхъ завоеваніяхъ, слѣдовало въ XIX вѣкѣ тѣмъ методическимъ пріемамъ и ограничивалось тѣми предѣлами, которые ему были поставлены въ XVII столѣтіи, исторія пересоздалась во всѣхъ своихъ частяхъ заново, получила новыя основы, измѣнила свои задачи. На нашихъ глазахъ явилась, наконецъ, отрасль науки, гдѣ историки и естествоиспытатели соединили и должны были соединить свои усилія. Гдѣ архео-

логъ и лингвистъ нуждались въ пособіи анатома, зоолога, ботаника и геолога, гдѣ химикъ и палеонтологъ дополняютъ свои изслѣдованія данными археологіи, наука эта—антропологія, значительная часть которой можетъ быть признана до сихъ поръ столько же принадлежностью естествознанія, сколько и исторіи.

Каковъ же научный результатъ этого развитія историческаго направленія европейской мысли? Насколько исторія, какъ область мысли, опредѣлила свою задачу, уяснила пути для ея достиженія и, на основаніи этого основного процесса, распредѣлила въ надлежащей перспективѣ тотъ громадный матерьялъ, который накопленъ предыдущими изслѣдованіями, или, вѣрнѣе, предыдущими регистраторами любопытныхъ событій и метафизиками, вносившими въ исторію теоретическія воззрѣнія вовсе не научнаго характера? Короче: насколько исторія приблизилась къ типу науки, въ томъ смыслѣ, который выработался въ настоящее время для этого слова, и какимъ путемъ она можетъ надѣяться ближе подойти къ этому типу?

Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ могутъ служить матерьяломъ три автора, которые исходятъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія, имѣютъ весьма различное ученое значеніе; но всѣ три, повидимому, весьма искренно старались понять исторію въ ея цѣломъ и въ ея частностяхъ и предпослали этому труду мысли тщательное знакомство съ источниками и съ предшествующими трудами.

Въ 1870 г. вышелъ послѣдній, 18-ый томъ огромнаго труда профессора Гентскаго университета, Лорана. Этотъ трудъ появлялся подъ двойнымъ общимъ названіемъ: „Histoire du droit des gens et des relations internationales“, а

также „Etudes sur l' histoire de l' humanité“, при чемъ послѣднее названіе гораздо вѣрнѣе характеризуетъ его содержаніе, чѣмъ первое, такъ какъ религіозный и философскій элементы жизни обществъ преобладаютъ далеко въ мысли автора надъ элементомъ юридическимъ. Кромѣ того, каждый томъ имѣлъ особое названіе, и въ немъ разсматривалась особая группа историческихъ явленій. Первые томы Лорана, появившіеся еще при жизни Грановскаго, встрѣчены были замѣчательною и весьма симпатическою критикою въ нашей литературѣ.

Но, начиная съ четвертаго тома, въ которомъ авторъ сталъ въ ряды самыхъ рѣзкихъ противниковъ бельгійскаго католицизма, анализъ труда Лорана въ журналахъ сталъ ужъ очень затруднителенъ и наша публика едвали слѣдила за появленіемъ томовъ о среднихъ вѣкахъ, о реформѣ, о новомъ времени, о революціи и первой имперіи, наконецъ, о группировкѣ религіозныхъ партій новаго времени. Послѣдній томъ носитъ названіе „Philosophie de l' histoire“, и въ немъ резюмированы выводы всѣхъ предшествовавшихъ томовъ, окончательно выставленъ на видъ философскій результатъ, къ которому пришелъ авторъ, на основаніи своей обширной эрудиціи, и заключается критика другихъ воззрѣній на исторію, какъ на одно цѣлое.

Многочисленность цитатъ, приводимыхъ авторомъ весьма добросовѣстно изъ сочиненій самыхъ противоположныхъ и даже мало симпатичныхъ ему партій, безспорная начитанность автора и богатство фактическихъ данныхъ (хотя не совсѣмъ удачно сгруппированныхъ) въ его многотомномъ произведеніи, оставятъ за этимъ трудомъ на долго достоинство цѣннаго матеріала для многихъ изслѣдователей. Но едва ли найдется

много читателей, которые согласятся съ философскими выводами автора, съ его личными религіозными вѣрованіями, съ той перспективой, которая служитъ ему для группировки фактовъ исторіи. Лоранъ — провиденціалистъ въ философіи исторіи. Перебирая сочиненія своихъ предшественниковъ, онъ отвергаетъ чудесное руководство исторіею *извнѣ*, теорія котораго восходитъ къ Августину и нашла самое краснорѣчивое выраженіе въ Боссюэтѣ; отвергаетъ фаталистическое возвращеніе исторіи къ прежнему въ вѣчныхъ Ricorsi Вико; отвергаетъ ученіе о вліяніи случайностей, ученіе, главнаго представителя котораго видитъ въ Вольтерѣ; отвергаетъ рядъ ученій, которыя считаетъ фаталистическими, при чемъ подъ общимъ названіемъ собираетъ разнообразныя направленіе Монтескье, Гердера, Гегеля и особенно ненавистныхъ ему Огюста Конта и Бокля, не считая болѣе мелкихъ дѣятелей. „Для насъ,—пишетъ Лоранъ (236),— провиденціальное управленіе есть истина столь же ясная, какъ свѣтъ солнца". „Исторія не имѣетъ причины быть, если Богъ изгнанъ изъ нея. Жизнь народовъ, какъ и жизнь личностей, не объяснима безъ Бога, но все объясняется, если мы допустимъ божественное провидѣніе (248)". „Имманентность Бога и идея прогресса, ею предполагаемая, одни даютъ смыслъ исторіи (31)". „Что одни называютъ случаемъ, другіе—природою или общими законами, то мы называемъ Богомъ или провиденціальнымъ управленіемъ (230)". „Въ этомъ смыслѣ исторія есть Ѳеодицея (238)". Эта философія исторіи связана съ религіознымъ вѣрованіемъ, которое дѣлаетъ Лорана сектаторомъ въ группѣ, едва ли насчитывающей десять приверженцевъ, и которое слишкомъ часто высказывается въ послѣд-

нихъ томахъ его исторіи, особенно въ предпослѣднемъ. Богъ сознательный, но имманентный въ мірѣ, личное прогрессивное безсмертіе, т. е. непрерывный рядъ существованій души, при чемъ она своею дѣятельностью подготовляетъ себѣ каждый разъ болѣе счастливое или болѣе несчастное послѣдующее существованіе; окончательное блаженство во всеобщемъ прогрессѣ—таковы странные догматы этого вѣрованія, которое Лоранъ раздѣляетъ съ покойными Рэно и Леру, но старается доказать, что оно встрѣчается и у многихъ другихъ мыслителей. Слѣдствіемъ этой догматической склонности является преобладаніе религіознаго и метафизическаго элемента въ фактахъ исторіи, накопленныхъ имъ въ его 18 томахъ, пренебреженіе къ успѣхамъ строго научной мысли и неумѣніе оцѣнить надлежащимъ образомъ тѣ экономическіе соціальные вопросы, которые въ настоящую минуту волнуютъ человѣчество. Не смотря на свою эрудицію, на свое искреннее стремленіе къ пониманію исторіи, Лоранъ со своимъ построеніемъ принадлежитъ прошедшему и появленіе его послѣдняго тома въ 1870 г. есть какъ бы анахронизмъ въ исторіи мысли.

Гораздо выше во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ второй изъ разсматриваемыхъ мною авторовъ—Литтрэ, одинъ изъ ученѣйшихъ и многостороннѣйшихъ умовъ нашего времени. Въ послѣднемъ выпускѣ „Philosophie positive“ за 1871 г. помѣщена вступительная (и единственная) лекція всеобщей исторіи, читанная имъ въ Бордо 1 февраля 1871 года воспитанникамъ политехнической школы. Ученикъ Огюста Конта, Литтрэ сдѣлался главою той школы позитивистовъ, которая признала своимъ основнымъ догматомъ ученіе, изложенное въ „курсѣ позитивной философіи“ Конта, но отказалась слѣдовать за учи-

телемъ въ его построеніи позитивной политики и позитивной религіи, признала объективный методъ единственно возможнымъ въ соціологіи, какъ и въ предшествующихъ наукахъ и пытается разработать весь рядъ наукъ съ этой точки зрѣнія. Для Литтрэ исторія, какъ процессъ, есть „естественное явленіе (390)“, „динамическое состояніе“ (386) общества. Какъ наука „исторія есть отыскиваніе условій, вслѣдствіе которыхъ общественныя состоянія слѣдуютъ одно за другимъ въ опредѣленномъ порядкѣ (386)“. „Существуютъ два рода цивилизацій, весьма отличные одинъ отъ другого: однѣ цивилизаціи—дочери промышленнаго эмпиризма, другія—дочери отвлеченной теоріи... Первая ограничена въ своемъ развитіи; дойдя до извѣстной точки, она не можетъ переступить ея, если позитивная наука не утвердится въ ея средѣ... Напротивъ, вторая имѣетъ, повидимому, предъ собою неограниченное поле; пока позитивной наукѣ останется сдѣлать шагъ впередъ, до тѣхъ поръ будетъ существовать и возможность прогресса для соотвѣтственной цивилизаціи (389)“. „Прогрессъ есть явленіе естественное, которое я отмѣчаю“. Какъ естественное явленіе, исторія не допускаетъ ни случайности, ни нашего произвола. „Здѣсь предѣлъ дѣйствію политическихъ формъ, которымъ охотно приписываютъ всемогущество, но которыя не всемогущи. Однако, въ то же время, исторія можетъ быть измѣнена нашимъ вмѣшательствомъ, когда это вмѣшательство опирается на науку, становится разумно и предусмотрительно; и поэтому именно, что исторія допускаетъ измѣненія, мы принимаемъ участіе въ направленіи судебъ человѣчества (390)“. Кромѣ наблюденія, опыта и сравненія методовъ, употребляемыхъ въ менѣе сложныхъ

наукахъ позитивнаго ряда, исторія имѣетъ „спеціальнымъ орудіемъ филіацію, т. е. выработку общественныхъ состояній одного изъ другого (397)". Истинный историкъ тотъ, „кто схватываетъ соціальную особенность событій и эпохъ... т. е. совокупность условій, слѣдствіемъ которыхъ, для данной цивилизаціи, бываетъ совпаденіе произведенныхъ дѣйствій въ облегченіи перехода къ положенію, обнаруживающему дальнѣйшее развитіе или въ случаѣ организаціи новаго порядка, или въ случаѣ распаденія порядка, разлагающагося вслѣдствіе негодности (397)". Литтрэ далъ лишь очеркъ, но онъ можетъ быть дополненъ, если взять въ соображеніе многочисленные труды, гдѣ Литтрэ высказалъ свое мнѣніе по частнымъ вопросамъ исторіи, особенно же, придавая надлежащее значеніе его словамъ, что „великая книга" Огюста Конта служитъ ему „руководствомъ и свѣтильникомъ".

Далеко меньшее ученое значеніе имѣетъ третій авторъ, труды котораго служатъ намъ основаніемъ. Это—Отто Гэнне-ам-Ринъ (Henne-Am-Rhyn), который прежде написалъ „Книгу таинствъ" (Buch der Mysterien) и „Исторію швейцарскаго народа", въ 1869 г. издалъ небольшой томъ, содержащій введеніе въ исторію цивилизаціи *) новѣйшаго времени, подъ названіемъ „Исторія культуры въ виду прогресса" (Die Kulturgeschichte im Lichte des Fortschritts), а въ слѣдующіе два года появились первые

*) Авторъ вездѣ употребляетъ слово kultur въ смыслѣ *цивилизація*. Такъ какъ въ этой статьѣ слова *культура* и *цивилизація* употребляются въ разныхъ значеніяхъ, то слѣдуетъ отличать случаи, гдѣ *культура* встрѣчается въ текстѣ, отъ тѣхъ, гдѣ о ней говорится въ цитатѣ.

два тома его „Исторіи культуры новѣйшаго времени“ (Kulturgeschichte der neuern Zeit), за которыми долженъ выйти еще одинъ томъ. Авторъ признаетъ своими предшественниками Бокля, Дрепера и Лекки, имѣетъ въ виду скорѣе популяризацію результатовъ, выработанныхъ другими, и полемику противъ догматическихъ ученій, чѣмъ строго научный трудъ. Для него „исторія есть увѣковѣченіе *необычныхъ* дѣлъ людей и ея цѣль—показать, какъ происходитъ прогрессъ, какъ совершенствуется человѣчество, содѣйствуя, помощью этого доказательства, дальнѣйшему прогрессу, увѣнчанію совершенствованія, цѣлью, достойною стремленій“ (D. Kulturg. im Lichte d. F., 16). По его мнѣнію, „человѣкъ никогда не откроетъ законы исторіи“, но „изъ того, что исторія свободна отъ извѣстныхъ законовъ, стѣсняющихъ ея движеніе, не слѣдуетъ, чтобы она не могла быть наукою... Она есть свободный процессъ, который отдѣльныя личности не могутъ направлять по своему произволу, точно такъ же, какъ имъ не руководитъ капризъ неизвѣстной силы. Ея результаты получаются совокупнымъ дѣйствіемъ разнообразныхъ отношеній, существующихъ на земномъ шарѣ и той мѣры свободы, которая предоставлена человѣку. Она становится наукою чрезъ установленіе тѣсной, неибѣжной связи между ея событіями и чрезъ открытіе основной нити въ этой связи. Эта основная нить не можетъ быть что либо иное, какъ прогрессъ человѣчества въ стремленіи къ высшимъ цѣлямъ, его совершенствованіе, и эти высшія цѣли совершенствованія могутъ заключаться лишь въ общемъ благосостояніи, счастіи и мірѣ (17)“. „Поэтому исторія есть біографія человѣчества, какъ одного цѣлаго, и въ этомъ заключается ея единство, ея научный характеръ (18)“. „Исторія подчинена законамъ, но эти законы,

къ счастію людей, имъ неизвѣстны и останутся неизвѣстными (18)". Развитіе цивилизаціи зависитъ отъ географическихъ формъ, климата, почвы, способа питанія и отъ расы, но ни одно изъ этихъ условій отдѣльно не можетъ выработать цивилизацію; лишь совпаденіе ихъ въ извѣстной мѣрѣ даетъ выгодный историческій результатъ (29 и слѣд.). Всякая цивилизація состоитъ изъ разработки трехъ идей: истиннаго, прекраснаго и благого. „*Нравственное* начало есть консервативное начало въ исторіи культуры, *умственно* - прогрессивное, *эстетическое* же устанавливаетъ равновѣсіе между ними, просвѣтляя нравственность и придавая ему стройность (31)". Авторъ обвиняетъ Бокля и Дрепера въ пренебреженіи къ эстетическому началу; отрицаетъ религіозный элементъ въ исторіи, какъ нѣчто самостоятельное отъ трехъ, имъ указанныхъ, и признаетъ за политическою исторіею второстепенное, но всетаки важнѣйшее значеніе, чѣмъ придавали ей его англійскіе предшественники. „Но если исторія культуры признаетъ прогрессъ, то чтобы оставаться послѣдовательною, она должна сама содѣйствовать его осуществленію, т. е. ея обработка должна постоянно указывать, что должно произойти, чтобы совершился дѣйствительный прогрессъ; она должна уяснить для народнаго сознанія требованія прогресса и содѣйствовать его пониманію, развитію чувства прогресса. Это стремленіе должно присутствовать въ исторіи всѣхъ отраслей культуры, и для каждой изъ нихъ слѣдуетъ показать, какъ и чѣмъ обработка данной отрасли можетъ быть благодѣтельна для человѣчества и при какихъ условіяхъ можетъ и должна сдѣлаться вредною для него (34 и слѣд.)". „Если мы внимательно разсмотримъ ходъ человѣческой исторіи, то мы замѣтимъ вездѣ борьбу за свободу противъ силъ, ей

противодѣйствующихъ, и эти силы, враждебныя свободѣ, встрѣчаемъ мы всюду подъ давящимъ названіемъ авторитета. *Свобода* и *авторитетъ* мѣряются своими силами въ нескончаемой борьбѣ и выходятъ изъ нея съ перемѣннымъ счастьемъ. Это — два главные героя въ драмѣ исторіи культуры. И эта борьба... необходима для развитія умственной свободы (37 и слѣд.)". На основаніи этихъ началъ Гэнне-ам-Ринъ въ своемъ введеніи предпосылаетъ *новой* цивилизаціи три цивилизаціи, ей предшествовавшія: восточную, классическую и христіанскую, а новую цивилизацію дѣлитъ на три періода: пробужденія, борьбы и побѣды. Первые два періода авторъ подробнѣе разсмотрѣлъ въ двухъ изданныхъ имъ томахъ его исторіи; послѣднему онъ имѣетъ въ виду посвятить еще не вышедшій томъ этого труда. Періодъ пробужденія цивилизаціи обнимаетъ, по мнѣнію автора, время возрожденія и реформаціи и захватываетъ часть XVII вѣка, такъ что Бэконъ и Галилей относятся къ нему, а Декартъ — къ слѣдующему періоду. Періодъ борьбы захватываетъ и первую французскую революцію. Гэнне-ам-Ринъ далъ весьма интересный популярный очеркъ хода новой исторіи, въ которомъ читатель можетъ найти много полезныхъ фактовъ и вѣрныхъ взглядовъ, хотя полемическій характеръ труда, не совсѣмъ удачная группировка по предметамъ независимо отъ хронологіи, и увлеченіе нѣкоторыми идеями, далеко не стоящими въ уровень съ настоящимъ развитіемъ человѣчества, — иногда вредятъ достоинству этого произведенія. Къ послѣднему упомянутому недостатку надо причислить національное ослѣпленіе, отыскивающее въ германскомъ духѣ все прогрессивное (даже идеи французской революціи) и презрительно относящееся къ романскимъ и „варварскимъ"

славянскимъ племенамъ. Начитанность автора не подлежитъ сомнѣнію, но особенно научнаго значенія его книга не имѣетъ.

Крайнее разнообразіе результатовъ, къ которымъ приходятъ три изслѣдователя, уже служитъ доказательствомъ того, какъ непрочно установлены самыя элементарныя начала историческихъ изслѣдованій. Въ другихъ областяхъ знанія лишь люди, стоящіе совершенно внѣ круга спеціалистовъ, поднимаютъ еще вопросы о томъ, слѣдуетъ ли за фактами, подлежащими опыту, и за общими реальными причинами, объясняющими связь фактовъ, искать участія чудеснаго вмѣшательства сверхъестественной имманентности? Въ другихъ областяхъ знанія едва-ли мыслима та неясность, съ какою столь замѣчательный ученый и мыслитель, какъ Литтрэ (не говоря уже о Гэннеам-Ринѣ), исключаетъ возможность *произвольнаго* вліянія личности на ходъ исторіи, но допускаетъ всетаки, что эта личность можетъ „направлять“ этотъ ходъ, измѣнять его (modifier), если ея вліяніе „опирается на науку разумно и предусмотрительно“. Какъ будто эти двѣ группы явленій принадлежатъ къ двумъ разнымъ родамъ, и самый неосновательный произволъ не связанъ непрерывнымъ рядомъ ступеней съ научною техникою, разсчитывающею условія настоящаго и будущаго! Въ другихъ областяхъ едва ли возможно сомнѣваться, какую роль въ общей связи явленій играетъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ отдѣловъ этихъ явленій (въ настоящемъ случаѣ эстетическій); едва ли допустимо голословное утвержденіе объ общемъ теченіи явленій, подобное тому, какое приведено выше: „эти высшія цѣли... могутъ заключаться лишь въ“ и т. д. Едва-ли слѣдуетъ удивляться этому недостатку научности въ исторіи, потому что, по закону,

вѣрно подмѣченному позитивистами, болѣе сложное знаніе можетъ сдѣлаться наукою, т. е. „установить свои основныя теоріи“ лишь тогда, когда простѣйшія знанія уже сдѣлались науками; исторія же составляетъ сложнѣйшее изъ знаній, требуетъ предварительнаго пониманія законовъ біологіи и соціологіи (принимая послѣднее слово въ смыслѣ общественной статики позитивистовъ); но до сихъ поръ нельзя сказать, что законы соціологіи достаточно поняты изслѣдователями и задача ея надлежащимъ образомъ установлена. Вслѣдствіе этого приходится, имѣя въ виду новѣйшіе труды по общему построенію исторіи, разбирать элементарные вопросы, на которые не стоитъ терять труда въ другихъ сферахъ знанія. Здѣсь критикъ не имѣетъ права предполагать въ читателѣ болѣе ясное пониманіе предмета, чѣмъ у спеціалистовъ, посвятившихъ изученію предмета долгую жизнь и значительный трудъ.

Вопросъ о внесеніи теоріи провиденціализма въ исторію, или объ отверженіи этой теоріи, не есть вовсе вопросъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ автора или читателя. Онъ не зависитъ отъ существованія въ европейскомъ обществѣ христіанъ разныхъ наименованій, унитаріанъ, теистовъ разныхъ ученій, пантеистовъ и атеистовъ. Это вопросъ научнаго метода. Каждый годъ выходятъ сочиненія, доказывающія, какое множество естествоиспытателей въ Европѣ сохранило еще склонность къ религіознымъ или метафизическимъ вѣрованіямъ. Эти авторы, *за* закономъ природы, *за* неизмѣнною связью явленій видятъ премудрую волю высшаго существа, или сознательное развитіе безусловнаго духа, или какой-либо другой объектъ вѣрованія; но они ясно отличаютъ область, гдѣ для нихъ виденъ этотъ объектъ, отъ области науки, установляющей болѣе или менѣе общіе законы и

на этомъ останавливающейся. Объектъ ихъ вѣрованія дѣйствуетъ на природу или проявляется въ природѣ при *небходимомъ* посредствѣ реальныхъ законовъ и реальной связи явленій. Наука ограничивается этою *реальностью,* но вѣра заглядываетъ далѣе. Методическое условіе этого ограниченія принято всѣми научными мыслителями и не мѣшаетъ ни свободѣ, ни разнообразію ихъ вѣрованій. Кажется, очень легко перенести то же самое условіе въ исторію. Какъ наука, она должна ограничиваться тѣмъ, что очевидно всякому изслѣдователю, *независимо* отъ его вѣрованія, но такъ какъ въ наше время нельзя отрицать фактъ существованія мыслителей, отвергающихъ сверхъестественный міръ, и такъ какъ при *всякомъ* объясненіи исторіи, подъ разнообразными религіозными и метафизическими построеніями остается все *та же* ткань реальныхъ событій и человѣческихъ побужденій, ихъ вызвавшихъ, то провиденціалисты имѣютъ одновременно обширную *научную* почву, общую для нихъ съ историками всякаго иного воззрѣнія и поступаютъ *ненаучно,* внося въ свои разсужденія элементъ, видимый лишь ими. Если ихъ гипотеза и была бы вѣрна, то она требовала бы всетаки, чтобы внѣ міровое, или имманентное міру, существо дѣйствовало въ исторіи, какъ въ природѣ, при посредствѣ *реальныхъ* законовъ явленій. По аналогіи со всѣми прочими науками, въ отысканіи *этихъ* законовъ и заключается цѣль научной исторіи. Переходъ къ тому, что лежитъ за историческою реальностью, есть, повторяю, ошибка въ методѣ, совершенно независимо отъ личнаго вѣрованія.

Аналогія съ прочими областями знанія достаточно убѣждаетъ *a priori* въ ошибочности этого пріема, но эту ошибочность легко замѣтить и *a posteriori*, взвѣ-

шивая крайнюю слабость аргументовъ, приводимыхъ защитниками провиденціализма. Такъ, главный аргументъ Лорана, развиваемый имъ въ большей части послѣдняго тома его сочиненія, есть противопоставленіе плановъ и цѣлей, къ которымъ сознательно стремились народы, государства, правительства, тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ они *безсознательно* приходили и которые были часто совершенно противоположны первымъ. „Люди,—пишетъ Лоранъ (239),—дѣлаютъ часто противное тому, чего они хотѣли, въ томъ смыслѣ, что ихъ дѣйствія имѣютъ послѣдствія, о которыхъ они не думали, даютъ результаты, которыхъ они не предвидѣли и даже не подозрѣвали. Оказывается, что люди противъ своей воли содѣйствуютъ прогрессивному воспитанію человѣчества, а слѣдовательно—и личностей. Люди такъ часто дѣлаютъ то, чего они не хотѣли сдѣлать, что часто они дѣйствовали бы такъ, какъ дѣйствуютъ, если бы могли предвидѣть результаты своихъ усилій. Итакъ, въ жизни рода человѣческаго, какъ его описываетъ исторія, существуетъ послѣдовательность, планъ, развитіе, которое нельзя отнести къ человѣческой свободѣ, такъ какъ свобода тутъ не при чемъ, такъ какъ она даже противодѣйствуетъ, насколько это зависитъ отъ нея, таинственному теченію событій и обстоятельствъ. Мы называемъ его таинственнымъ въ томъ смыслѣ, что не можемъ видѣть руки, насъ руководящей, ни силы, насъ вдохновляющей". „Мы противопоставимъ то, что хотѣли люди съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ ихъ исторію, съ тѣмъ, что они сдѣлали, не желая этого. Во всей исторіи надо оставить долю участія двумъ принципамъ: человѣческой свободѣ съ ея крайностями и заблужденіями и дѣйствію невидимой силы, ведущей насъ къ цѣли на-

шего назначенія (с. 241)". „Мы собрали небольшое число фактовъ, въ которыхъ проявляется сила, отличная отъ силы человѣка, это—сила Бога, которому поклоняется человѣчество (976). „Если людей не руководитъ Божья рука, то надо сказать, что они—игрушки слѣпой судьбы, какое бы названіе ни давали ей: случай, природа или общій законъ. Но эта слѣпая судьба предвидитъ будущее и направляетъ разумно судьбы человѣческаго рода (с. 298)". Но Лоранъ самъ чувствуетъ, что его доказательство убѣдительно лишь для тѣхъ, которые заранѣе раздѣляютъ его убѣжденія. „Мы отвѣчаемъ,—говоритъ онъ (с. 269),—что эта рука Божія ведетъ родъ человѣческій къ цѣли, ему назначенной. На это атеисты отвѣчаютъ, что и нашъ отвѣтъ представляетъ тайну, потому что Богъ, нами призываемый, для нихъ невидимъ, неслышимъ, неощутимъ. Да, для тѣхъ, кто отвергаетъ Бога, нѣтъ смысла въ указаніи невидимаго направленія въ жизни человѣчества. Во всякомъ случаѣ они должны признать, что существуетъ направленіе... И атеисты должны признать это. Они называютъ эту силу природою, отрицая въ ней свободу и разумъ... Если выбирать между тайнами, то мы предпочитаемъ ту, которая возвышаетъ человѣка, той, которая низводитъ его на степень животнаго". Ученый, которому остается лишь послѣдній аргументъ, самъ приводитъ наилучшее доказательство, что онъ находится внѣ области науки. Вопросъ о провиденціализмѣ, какъ въ смыслѣ утвержденія, такъ и въ смыслѣ отрицанія, выходитъ изъ предѣловъ научной критики и представляетъ неизбѣжно положенія, которыя не имѣютъ реальныхъ аналогій, и гипотезы, не допускающія провѣрки. Смотря по привычкамъ своего ума и по степени своего развитія, отдѣльная личность можетъ

быть неудержимо приведена къ отрицанію или допущенію провиденціализма, но въ томъ и другомъ случаѣ ея научныя изслѣдованія должны оставаться внѣ этого вопроса по требованію логическаго метода.

Гораздо глубже въ пониманіе исторіи входитъ вопросъ объ отношеніи естественной необходимости и цѣлесообразной дѣятельности человѣка въ теченіе историческихъ событій и вообще эта антиномія представляетъ едва ли не важнѣйшій философскій вопросъ нашего времени. Большинство системъ нашего времени или отдѣлываются отъ этого затрудненія словами, или становятся на одну сторону вопроса, игнорируя другую. Но затрудненіе отъ этого не дѣлается меньше прежняго. Послѣдовательная и стройная философская система должна рѣшить вопросъ въ его самой трудной формѣ, не скрывая отъ себя всѣхъ возможныхъ возраженій, иначе она признаетъ свою несостоятельность и не имѣетъ причины существовать. Вопросъ о свободной волѣ и о предопредѣленіи возникъ сначала, какъ вопросъ религіозный, и это обстоятельство побуждаетъ многихъ современныхъ мыслителей оставить его въ сторонѣ, какъ нѣчто, не входящее въ предѣлы раціональнаго изслѣдованія. Но архаическая форма не должна скрывать отъ изслѣдователя живого содержанія, если оно существуетъ, а вѣроятность подобнаго содержанія довольно значительна уже изъ того, что самыя нетеологическія школы (какъ матеріалисты и позитивисты) неизбѣжно приходятъ къ вопросамъ: насколько для человѣка возможно вліять, путемъ цѣлей, имъ поставленныхъ и критически обсужденныхъ, на мелкія и важныя событія, около него совершающіяся? Можно ли произносить нравственный судъ надъ дѣйствіями человѣка? Мо-

жетъ ли личность ставить себѣ цѣли, обсуждать ихъ и воплощать ихъ въ жизни? Мы видѣли, что Литтрэ допускаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, возможность „измѣнять“ (modifier) исторію. Гэннэ-ам-Ринъ говоритъ уже совершенно прямо о долѣ человѣческой свободы въ исторіи. Едва ли какой либо мыслитель, говоря о дѣятельности человѣка, частной или политической, можетъ устранить эти вопросы. И они имѣютъ не одно метафизическое значеніе. Долгіе споры метафизиковъ по этому поводу могутъ столь же мало затемнить для насъ сущность дѣла, какъ и полемика Августина съ Пелагіемъ или Лютера съ Эразмомъ. Въ наше время основное положеніе детерминистовъ: „все имѣетъ свою необходимую причину и свое неизбѣжное слѣдствіе“ — есть аксіома естествознанія, не допускающая исключенія. Въ то же время вся наша практическая жизнь, частная и общественная, всѣ наши сужденія о людяхъ опираются на столь же основное положеніе противниковъ детерминизма: каждый человѣкъ ставитъ и долженъ ставить себѣ цѣли; подвергаетъ, можетъ и долженъ подвергать эти цѣли критикѣ; подлежитъ и долженъ подлежать оцѣнкѣ, смотря по свойству цѣлей, имъ поставленныхъ и средствъ имъ употребляемыхъ для достиженія этихъ цѣлей. При послѣдовательномъ принятіи перваго положенія и перенесеніи его *одного* въ область практическаго мышленія, выборъ цѣлей и средствъ, критическое ихъ обсужденіе, нравственный судъ надъ ними суть не болѣе, какъ субъективныя иллюзіи; этика не существуетъ; соціологія ограничивается описаніемъ наблюдаемыхъ фактовъ; человѣкъ не можетъ измѣнять не только теченіе исторіи, но и теченіе обыденныхъ событій, подобно тому, какъ желудокъ

не можетъ самъ по себѣ измѣнить процессъ перевариванія пищи, въ немъ совершающійся по неизмѣннымъ законамъ, или какъ падающая капля дождя не можетъ измѣнить свою траекторію и отодвинуть, хотя бы на одну милліонную долю миллиметра вправо, то мѣсто, гдѣ она упадаетъ на землю. Вся наша практическая жизнь становится сознательно-безсмысленною совокупностью дѣйствій. Мы не можемъ выбирать дѣйствія, потому что оно неизбѣжно вытекаетъ изъ всѣхъ предшествующихъ условій и, между тѣмъ, не можемъ уклониться отъ выбора, потому что и онъ неизбѣженъ. Нравственный судъ надъ чѣмъ-либо нелѣпъ, потому что ничто не могло совершиться иначе, какъ оно совершилось, но онъ въ то же время необходимъ, потому что бываетъ вызванъ опредѣленными предшествующими условіями. Если же мы принимаемъ *только* положеніе противниковъ детерминизма, то гдѣ можетъ остановиться вліяніе человѣческаго произвола въ выборѣ цѣлей и средствъ? Неразрывная цѣпь причинъ и слѣдствій, связывающая все существующее, превращается въ ничто, если мы разорвемъ въ ней одно, самое маленькое, звено. Когда мы можемъ „измѣнить“, хотя на сколько-нибудь, теченіе исторіи, то нѣтъ причины, почему, при достаточномъ знаніи и достаточной предусмотрительности, мы не могли бы измѣнить и всего хода исторіи, а затѣмъ,—почему же не измѣнить силою воли законовъ физики? Дайте самую малую долю вліянія произволу личности и — настоящее естествознаніе не существуетъ; не существуетъ и ни одного неизмѣннаго закона, а, слѣдовательно, и никакой науки.

Эта антиномія, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть разрѣшена ни однимъ ученіемъ, которое пытается узнать

вещи, *какъ онъ есть*. Позитивисты и матеріалисты столь же безсильны въ этомъ случаѣ, какъ и защитники свободной воли и юристы, возлагающіе на личность полную отвѣтственность за ея дѣйствія. Первые, неизбѣжно, прилагаютъ ко всему *только* объективную мѣрку, но столь же неизбѣжно приходятъ къ теоретическимъ и практическимъ цѣлямъ, которыя они себѣ ставятъ, обсуждаютъ, взвѣшиваютъ, выбираютъ; къ похвалѣ и порицанію человѣческихъ дѣйствій, около нихъ совершающихся; между тѣмъ, вся эта послѣдняя группа мыслей и дѣятельности не имѣетъ ни малѣйшаго смысла по ихъ ученію и не можетъ быть выведена изъ него. Вторые, и въ самой тѣсной сферѣ человѣческихъ дѣйствій, наталкиваются на патологическія состоянія духа, страсти, привычки и безсознательныя дѣйствія, гдѣ ихъ теорія недостаточна, гдѣ приходится предъ самымъ возмутительнымъ преступленіемъ сказать, что преступникъ не виновенъ нравственно и юридически; природа же для нихъ уже совсѣмъ непонятна.

Устранить эту антиномію можно, лишь сходя на *антропологическую* точку зрѣнія, т. е. отказываясь во всѣхъ сферахъ отъ познанія вещей *въ нихъ самихъ*, независимо отъ *нашего* способа воззрѣнія, обусловливаемаго *нашею* природою. *Человѣческая* природа, во взаимодѣйствіи того, что *мы* называемъ ощущеніями, представленіями, понятіями, ставитъ предъ *нами* міръ, который мы *познаемъ* по необходимымъ *для насъ* законамъ *нашего* познанія и на который мы *дѣйствуемъ* по столь же необходимымъ *для насъ* законамъ поставленія цѣлей и обсужденія ихъ, какъ логически соотвѣтственныхъ другъ другу, какъ пріятныхъ для нашего воображенія, какъ полезныхъ по болѣе обширнымъ со-

ображеніямъ, какъ нравственныхъ по нашему убѣжденію. То и другое *для насъ* равно неизбѣжно и равно истинно въ *своей* сферѣ. *Объективная* истина составляетъ содержаніе нашего *познанія* объективнаго міра вообще и наукѣ *о природѣ* въ ея цѣломъ; для этой науки внѣ *объективной* реальности нѣтъ ничего, и внѣ *объективнаго* метода познанія нѣтъ средствъ знать истину. *Субъективная* истина составляетъ содержаніе нашего *эстетическаго* вкуса, нашего *нравственнаго убѣжденія* и тѣхъ наукъ, въ которыхъ эстетическая и нравственная оцѣнка входитъ, какъ реальный фактъ, подлежащій изслѣдованію, критикѣ, сравненію, повѣркѣ, обобщенію, словомъ, всѣмъ научнымъ процессамъ. Поэтому, въ эстетикѣ и этикѣ *субъективный* методъ познаванія даетъ столь же реальные факты и столь же научные выводы, какъ объективный въ біологіи. Поэтому же въ соціологіи приходится соединить объективный методъ, для опредѣленія фактическихъ данныхъ въ ихъ зависимости и послѣдовательности, съ субъективнымъ методомъ, для опредѣленія цѣлей, которымъ долженъ удовлетворять общественный строй, а также той цѣли, къ которой личности должны направлять общественныя реформы. Цѣли, которыя ставитъ себѣ личность въ частной и общественной дѣятельности, возможность критическаго отношенія къ нимъ, нравственный судъ надъ дѣятельностью во имя развивающагося убѣжденія, возможность участія личности въ реформѣ общества, согласной съ нравственнымъ идеаломъ личности, или противорѣчащей этому нравственному идеалу, все это— практическія реальности въ этикѣ и соціологіи. Необходимые законы природы и объективныя данныя общественныхъ формъ суть въ этой сферѣ мышленія лишь

матеріалы и средства, которые личность должна брать въ соображеніе для реализированія своихъ субъективныхъ идеаловъ, условія возможности или невозможности осуществленія этихъ идеаловъ.

Но это иллюзія, возразятъ мнѣ: всякая мысль личности и всякое ея дѣйствіе суть неизбѣжные результаты предыдущаго процесса въ ней и внѣ ея совершившагося; ей *кажется*, что она ставитъ себѣ цѣли, что подвергаетъ ихъ критикѣ и свободному выбору, что ищетъ средства достигнуть цѣли и колеблется въ рѣшимости дѣйствовать. Въ дѣйствительности всѣ эти процессы совершаются въ ней въ необходимой послѣдовательности и составляютъ придаточный механизмъ для окончательнаго дѣйствія, какъ треніе зубчатыхъ колесъ и вращеніе ихъ въ пильной машинѣ.

Объективно—оно такъ, и мы не можемъ иначе *понимать* частную и общественную дѣятельность человѣка, мы не можемъ иначе *понимать* всю природу въ ея цѣломъ, какъ въ смыслѣ необходимой механической системы. Но въ это самое механическое пониманіе міра входятъ слѣдующія объективныя положенія: личность ставитъ себѣ цѣли и стремится къ нимъ; личность сознаетъ себя свободною въ постановкѣ себѣ цѣлей и выборѣ средствъ для дѣйствія, личность развиваетъ въ себѣ нравственныя убѣжденія, подвергаетъ ихъ критикѣ, воплощаетъ ихъ въ жизнь и сама развивается въ этомъ процессѣ, развитая личность сознаетъ свое достоинство въ своемъ убѣжденіи; развитая личность сознаетъ себя *обязанною* развивать, провѣрять и воплощать свое убѣжденіе; развитыя личности сознаютъ себя *обязанными* относиться другъ къ другу сообразно ихъ обоюдному нравственному достоинству. Эти положенія составляютъ основу объектив-

ной, наблюдательной этики, независимо отъ того, суть ли они иллюзіи, или истины. Но по самымъ фактамъ, въ нихъ высказаннымъ, они суть для личности *субъективныя истины*; слѣдовательно, съ *антропологической* точки зрѣнія, для практической дѣятельности каждой личности, вопросъ объ ихъ нереальности не можетъ быть даже поставленъ. Внѣ сознательнаго міра *для человѣка* нѣтъ ничего, а *въ его сознаніи* субъективная возможность ставить себѣ цѣли, развивать въ себѣ убѣжденіе и воплощать это убѣжденіе въ жизнь столь же реальна, какъ объективный міръ, имъ сознаваемый. Субъективная истина этики ничѣмъ не уступаетъ объективной истинѣ физики; слѣдуетъ сомнѣваться въ обѣихъ, или признать обѣ, какъ истины *для человѣка*. Если мы не можемъ объективно *понимать* все сущее иначе, какъ механическую систему, то мы не можемъ и дѣйствовать въ какой-бы то ни было сферѣ, начиная научнымъ изслѣдованіемъ и кончая полититической агитацію, иначе, какъ допуская, что мы *выбрали* вопросъ, нами рѣшаемый, и партію, которой служимъ. Это—условіе нашей мысли, нашего существованія, слѣдовательно, условія научныя. Ограничиваясь объективнымъ методомъ, мы не взяли бы въ соображеніе въ области этики и соціологіи значительнаго числа неоспоримыхъ фактовъ наблюденія. Во имя полноты и цѣльности научнаго изслѣдованія мы *обязаны* употреблять субъективный методъ тамъ, гдѣ для насъ существуетъ истина субъективная, но не устранимая по самой нашей природѣ.

Съ этой-то *субъективной* точки зрѣнія, требующей убѣжденія, опирающагося на критику, и жизни, опирающейся на убѣжденіе, возможно и обязательно вліяніе личности на общество, которому личность принадлежитъ,

возможно и обязательно вліяніе человѣка на процессъ въ исторіи.

Объективное наблюденіе говоритъ: общество можетъ быть сознаваемо личностью, какъ воплощающее или какъ невоплощающее ея нравственныя убѣжденія; исторія общества можетъ быть сознаваема личностью, какъ прогрессивная, т. е. какъ приближающаяся къ осуществленію нравственныхъ требованій личности, или какъ регрессивная, т. е. удаляющаяся отъ этихъ требованій. Субъективное сознаніе требуетъ отъ личности такой дѣятельности, которая бы содѣйствовала реформамъ общества въ направленіи убѣжденій личности и движенію исторіи въ смыслѣ прогресса по этимъ убѣжденіямъ. Съ этой точки зрѣнія, и *только* съ этой, личности суть дѣятели всѣхъ общественныхъ измѣненій, источники прогресса и регресса исторіи, насколько онѣ *сознательно* участвовали въ этихъ процессахъ. Онѣ *одни* суть реальные предметы соціологіи и исторіи, потому что сознаніе присутствуетъ лишь въ нихъ; всѣ же остальныя силы (климатъ, географическія условія, естественное наслѣдство расы, культурныя традиціи національности и т. п.) дѣйствуютъ лишь чрезъ посредство личностей; ни одна мысль не можетъ осуществиться въ формахъ общества или въ событіяхъ исторіи, не пройдя чрезъ сознаніе личностей. Слѣдовательно, *сознаніе* лицъ, составляющихъ общество и производящихъ исторію, есть единственный важный предметъ для научнаго соціолога и для научнаго историка. Формы общества, событія исторіи сами по себѣ не представляютъ интереса; важно ли то: суть ли эти формы и событія результаты безсознательныхъ процессовъ, или въ нихъ воплощается убѣжденіе и какое именно? Представляютъ ли формы общества пособіе, или противодѣйствіе тому

нравственному идеалу, который выработался въ убѣжденіи изслѣдователя? Долженъ ли онъ призывать общество къ охраненію этихъ формъ, по ихъ развитію въ данномъ направленіи, или къ борьбѣ противъ нихъ? Представляютъ ли историческія событія сознательное стремленіе къ тому прогрессу, который сознанъ историкомъ, какъ цѣль человѣческаго развитія? Которая изъ борющихся партій стремилась къ нему и понимала его яснѣе? Которая противодѣйствовала ему наиболѣе сознательно? Какія обстоятельства способствовали торжеству или пораженію представителей прогресса въ данную эпоху, подготовляли и вызвали окончательно это торжество или пораженіе? Какъ постепенно уяснялось и затемнялось въ исторіи сознаніе нравственнаго идеала, который развился въ убѣжденіи историка? Эти вопросы научны, потому что основаны на пониманіи реальныхъ фактовъ человѣческаго сознанія, который есть необходимый, существенный и важнѣйшій элементъ общественной и исторической жизни. Пониманіе соціологіи есть не только пониманіе *необходимой* связи и филіаціи общественныхъ формъ; оно есть еще пониманіе *возможныхъ* измѣненій для данныхъ общественныхъ формъ, оно есть, наконецъ, пониманіе нравственныхъ цѣлей, къ которымъ *должно* стремиться общество въ измѣненіи своихъ формъ. Пониманіе исторіи есть не только пониманіе „условій, вслѣдствіе которыхъ общественныя состоянія слѣдуютъ одно за другимъ въ опредѣленномъ порядкѣ“, оно есть еще пониманіе возможнаго прогресса въ каждую эпоху; оно есть, наконецъ, пониманіе сознательнаго участія личностей и обществъ въ прогрессѣ человѣчества.

Предыдущее разсужденіе объ участіи необходимаго закона и объ участіи мысли и воли личностей въ про-

цессѣ исторіи, можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ. Какъ естественный процессъ, разсматриваемый въ его цѣлости, исторія есть процессъ вполнѣ необходимый во всѣхъ малѣйшихъ частностяхъ, и личности не могутъ быть разсматриваемы, какъ элементъ, *видоизмѣняющій* процессъ; какъ бы мало ни допускали мы это измѣненіе и какъ бы много научности, разумности и предусмотрительности ни допускали въ личностяхъ, онъ совершается, увлекая ихъ и дѣлая ихъ только своими орудіями. Въ сознаніи личностей, участвующихъ въ процессѣ исторіи, она есть результатъ мысли и воли личностей, при условіяхъ возможности, опредѣляемыхъ природою и общественною средою; соображаясь съ этими условіями, личности обязаны направлять исторію въ смыслѣ своихъ нравственныхъ убѣжденій, подверженныхъ тщательной критикѣ. Въ пониманіи историка исторія есть процессъ, весь интересъ котораго заключается въ сознательномъ приближеніи человѣчества къ нравственному идеалу историка, или въ сознательномъ отдаленіи отъ этого идеала.

Установивъ эти начала, уже несравненно легче рѣшать научно вопросы о томъ, каковы цѣли прогресса и какую роль въ исторіи, понимаемой, какъ процессъ развитія человѣчества, могутъ играть различные элементы человѣческой культуры. Для этого точка опоры должна заключаться не во внѣшнихъ признакахъ, случайно упоминаемыхъ авторомъ, какъ результаты болѣе или менѣе точнаго наблюденія надъ историческими обществами, но въ сознаніи развитой личности, которое одно служитъ основаніемъ понятію о прогрессѣ и одно можетъ признать реализованный прогрессъ. „Общее благосостояніе и счастіе“, упоминаемыя Гэнне-ам-Риномъ, суть признаки

слишкомъ неопредѣленные и даже не вполнѣ соотвѣтствующіе требованію развитія, присущему въ понятіи прогресса. Сознаніе благосостоянія и удовлетворенія настоящимъ можетъ также возникнуть при пониженіи уровня общихъ нравственныхъ и умственныхъ требованій, при стремленіи къ застою, какъ и при сознаніи успѣха, сдѣланнаго обществомъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; догматическіе призраки могутъ увлекать общество точно такъ же, какъ и критически обсужденныя пріобрѣтенія. Что касается до „мира", то иногда задача прогрессивнаго развитія не можетъ быть разрѣшена иначе, какъ путемъ болѣе или менѣе кровавой борьбы, стремленіе же къ миру въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ общественнымъ индифферентизмомъ, съ наклонностью къ застою или прогрессу.

Цѣлью правильнаго историческаго развитія можетъ быть лишь возможно полное удовлетвореніе *потребностей* человѣка въ той іерархіи, въ которой они сознаются имъ, какъ низшія и высшія, по мѣрѣ его личнаго развитія.

Всюду, гдѣ есть проявленіе воли, существуетъ въ основѣ дѣйствія *потребность*; поэтому всѣ элементы историческихъ явленій сводятся на различныя потребности личностей. Эти потребности различны. Однѣ изъ нихъ, общія всѣмъ живымъ существамъ, вызываютъ безсознательную дѣятельность въ формѣ рефлексовъ; другія—пробуждаютъ сознаніе въ весьма слабой степени и приводятъ къ элементарной техникѣ приспособленія къ средѣ; онѣ распространяются на значительную долю зоологическаго міра, развиваютъ инстинкты и привычки, уваженіе къ обычаю и преданію. Удовлетвореніе инстинктовъ, привычекъ, требованій, обычая и преданія обра-

щается само въ новую *культурную* потребность, которая для большинства существъ столь же принудительна, какъ и самая элементарная физіологическая потребность. Въ породахъ, нѣсколько болѣе близкихъ къ человѣку, мы видимъ пробужденіе аффектовъ по выбору, которое переходитъ всю гамму симпатій и антипатій до неудержимой страсти, до сознательной, самоотверженной любви или ненависти. Потребность жить аффективною жизнью и подчиняться аффекту въ большей или меньшей долѣ своей дѣятельности обусловливаетъ не малую часть жизни высшихъ позвоночныхъ и человѣка. Наконецъ, въ человѣкѣ, на основаніи предыдущихъ, болѣе элементарныхъ потребностей развиваются еще новыя: потребности познанія и пониманіе истины, нравственной оцѣнки мыслей и дѣйствій, жизни по убѣжденію, осуществленія своихъ познаній и своихъ идеаловъ въ словѣ, въ художественномъ произведеніи, въ философскомъ міросозерцаніи, въ общественномъ строѣ; эту группу потребностей можно формулировать, какъ *потребность критической мысли и нравственной дѣятельности*, или еще короче, какъ *потребности развитія*; она присутствуетъ въ весьма различной степени между людьми, и трудно до сихъ поръ убѣдиться въ существованіи этой потребности внѣ человѣческаго общества. Въ высокоразвитыхъ личностяхъ эта потребность высказывается иногда цѣлою жизнью, исполненною самоотверженія.

Въ этомъ ряду потребностей мы можемъ замѣтить двѣ группы весьма различнаго значенія въ отношеніи историческихъ явленій; именно одна группа вызываетъ дѣйствія, не заключающія въ себѣ никакого элемента, который не допускалъ бы повторенія неопредѣленное число разъ того же самаго явленія, въ той же самой

формѣ; она выражаетъ стремленіе къ застою, присущее всякому обществу—стремленіе окоченѣть въ опредѣленныхъ формахъ и уподобиться обществу, какое встрѣчается у высшихъ безпозвоночныхъ. Потребности этой группы можно назвать *антропологическими*, и формы общественной жизни, къ которымъ онѣ приводятъ, составляютъ *культуру* даннаго общества. Другая группа потребностей вызываетъ измѣненія въ обстановкѣ личности и въ строѣ общества; по самой своей сущности она противодѣйствуетъ повторенію въ прежнихъ формахъ того, что было; противодѣйствуетъ застою общества, развиваетъ его культуру въ прогрессивную цивилизацію и обособляетъ исторію человѣческихъ обществъ отъ повторяющихся явленій жизни другихъ зоологическихъ породъ. Въ человѣческомъ обществѣ, какъ двигателѣ исторіи, эта потребность была уже формулирована выше, какъ *потребность развитія*; явленія, ею вызываемыя, представляютъ *работу мысли*, но эта потребность не представляетъ чего-либо прирожденнаго человѣку, совершенно особой органической способности; она имѣетъ длинный генезисъ, низводящій ея элементарныя проявленія къ низшимъ зоологическимъ формамъ. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе эти два элемента человѣческаго общества.

Всякое живое общество встрѣчаетъ около себя жизненную среду; среда эта охватываетъ условія физическія, біологическія, психологическія и соціологическія, которыя существуютъ для данной особи независимо отъ ея воли; они даны, какъ нѣчто неизбѣжное. Чтобы существовать, каждая особь должна или приспособиться къ нимъ, или измѣнить ихъ въ предѣлахъ возможнаго, сообразно своимъ силамъ и своимъ потребностямъ. Вся дѣятельность

приспособленія къ существующей средѣ ведетъ къ установленію неподвижной *культуры*. Дѣятельность измѣненія окружающей среды, въ виду потребностей, заключающихся въ самой особи, вырабатываетъ окончательно потребность критической *мысли*, потребность развитія, прогрессивную историческую дѣятельность.

Потребности, вызывающія какъ культуру, такъ и работу мысли, частью даны самой природой, частью вырабатываются общественною жизнью. Физическія условія страны дѣйствуютъ одинаково на длинный рядъ поколѣній. Физіологическія потребности существуютъ для дѣтей, точно такъ же, какъ и для обществъ. Процессъ образованія ясныхъ и смутныхъ понятій изъ представленій и ощущеній, подъ разнообразнымъ вліяніемъ аффектовъ, подлежитъ неизмѣннымъ законамъ. Это—все естественныя данныя, которыя въ значительной степени обусловливаютъ формы личной и общественной жизни, преобладаютъ въ своей неизмѣнности на низшихъ ступеняхъ человѣческаго общества и сообщаютъ жизни неисторическихъ народовъ и бѣднѣйшихъ классовъ населенія въ цѣломъ мірѣ сильную склонность сохранять долгое время одну и ту же культурную обстановку. Это—первыя и самыя значительныя побужденія къ застою въ данной культурѣ.

Но никакая культура не могла бы образоваться и даже никакое живое существо не могло бы существовать, если бы это существо не заключало въ себѣ первоначальнаго побужденія, которое въ своемъ длинномъ генезисѣ должно было окончательно привести къ высшимъ результатамъ исторіи. Это первоначальное побужденіе есть общая потребность всякаго ощущающаго организма увеличить наслажденіе и удалить страданіе. Дѣя-

тельность, сюда относящаяся, начинается еще въ безсознательный періодъ развитія организмовъ, и можно полагать, что на ней вырабатывается самый процессъ сознанія. Здѣсь рефлекторныя движенія, инстинктивныя дѣйствія и сознательныя дѣйствія связаны столь постепенными переходами, что весьма трудно указать, гдѣ кончается одна область и начинается другая. Побужденіе удалить страданіе и увеличить наслажденіе вызываетъ воздѣйствіе особи на среду, элементарную технику, но не заключаетъ еще потребности въ непрерывномъ прогрессѣ, такъ какъ приспособленіе къ средѣ есть окончательная цѣль этого побужденія, и когда особь приспособилась къ средѣ настолько, что страданія сносны, а дальнѣйшее увеличеніе наслажденій потребовало бы болѣе сложнаго разсужденія, чѣмъ допускаетъ психическая организація существа, то особь, или собраніе особей живетъ повтореніемъ той дѣятельности, которая уже обратилась въ инстинктъ, въ привычку или преданіе, какъ наиудобнѣйшее приспособленіе къ условіямъ данной среды.

Но и весьма обширная техника, сложныя общественныя формы могутъ имѣть цѣлью лишь приспособленіе къ средѣ для наудобнѣйшей жизни, и на извѣстной степени приспособленія, для меньшинства особей, руководящихъ организаціей общества, неудобства всякаго измѣненія могутъ казаться значительнѣе несовершенствъ его строя. Тогда преданіе освящаетъ существующее, и привычка обращаетъ дѣятельность личностей въ полуинстинктивное отправленіе; вырабатывается для большинства искусственная культурная потребность—жить сообразно обычаю и сохранять унаслѣдованный общественный строй. Эта потребность, возникающая во всякой культурѣ,

сколько-нибудь выработанной технически, представляетъ второе изъ главныхъ препятствій къ общественному прогрессу и изъ причинъ, сближающихъ человѣческое общество съ обществами безпозвоночныхъ.

Противодѣйствіемъ этому влеченію къ застою являются въ человѣкѣ дальнѣйшія ступени той элементарной потребности увеличивать наслажденіе, о которой уже было упомянуто.

Выборъ пріятнѣйшаго, какъ средство увеличить наслажденіе, обращается въ потребность дѣйствовать сообразно влеченію аффекта, и личность, противопоставляя свое интимное чувство выбора, свою любовь и ненависть обычаю и преданію, пріучается бороться съ коченѣющими формами культуры въ сферѣ личнаго чувства. Но потребность аффективнаго выбора не можетъ еще выработать правильнаго прогресса, потому что аффекты временны, цѣли ихъ частны и узки, а измѣнчивость ихъ неограничена ничѣмъ. Борьба, направленная противъ культурнаго застоя во имя аффектовъ, лишена всякой послѣдовательности и можетъ мѣшать развитію сложной культуры, но не можетъ сообщить существующей культурѣ развитія въ опредѣленномъ направленіи.

Въ самомъ проявленіи аффектовъ или выбора пріятнѣйшихъ наслажденій можно замѣтить разныя степени. Сначала аффектъ чрезвычайно близокъ къ простому удовлетворенію инстинкта, усложненнаго выборомъ, какъ въ половыхъ сближеніяхъ многихъ птицъ и млекопитающихся, въ постройкѣ и украшеніи увеселительныхъ гнѣздъ нѣкоторыми птицами и т. п. Далѣе, онъ уже достаточно силенъ, чтобы подавить инстинктъ самосохраненія, какъ у нѣкоторыхъ птицъ. Еще далѣе, въ классѣ приматовъ онъ развивается въ жажду раздражительныхъ нервныхъ

наслажденій, не смотря на очевидный вредъ этихъ наслажденій для особи. Здѣсь самоотверженіе и желаніе наслаждаться становятся самостоятельными элементами психической жизни, способными противостоять инстинктамъ поддержанія личности и породы; слѣдовательно, этотъ фактъ развитія мы можемъ разсматривать, какъ подготовленіе періода критической мысли, способной поставить для личности цѣль, сдѣлать ее предметомъ аффекта, вѣрованія, увлеченія, идеальной преданности и регулировать этою цѣлью дѣятельность личности въ ея цѣлости. Но какъ ни легко сблизить эти явленія съ человѣческою цѣлесообразною дѣятельностью, тѣмъ не менѣе отсутствіе послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, совершонныхъ подъ вліяніемъ аффекта, отнимаетъ всякую возможность приложить къ существамъ, стоящимъ внѣ человѣка, понятіе о прогрессѣ.

Элементарное стремленіе увеличить наслажденіе и развитіе аффективнаго выбора, аффективнаго увлеченія могутъ быть разсматриваемы, повидимому, какъ простѣйшія или подготовительныя формы *нравственнаго развитія,* послѣдней ступени этого рода, которую намъ остается разсмотрѣть. Нравственное развитіе мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ, и оно само представляетъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней. Потребность лучшаго и лучшаго по выбору присутствуетъ и здѣсь. Это лучше по выбору представляется человѣку, какъ психическое наслажденіе, передъ которымъ отступаетъ инстинктъ самосохраненія, передъ которымъ блѣднѣютъ прочія наслажденія, которое ведетъ личность впередъ по пути ея дѣятельности, даже при очевидной опасности для существованія личности на пути, по которому человѣкъ идетъ. Все это, повидимому, встрѣчается болѣе или менѣе на

низшихъ ступеняхъ животнаго міра. Разница здѣсь въ томъ, что нравственное влеченіе, которому подчиняется человѣкъ, перестаетъ быть *чисто* аффективнымъ, не возникаетъ внѣ разсудительности, независимо отъ нея, какъ нѣчто господствующее надъ нею. Наслажденіе есть лишь тогда наслажденіе *нравственное*, когда личность отдаетъ себѣ отчетъ въ его побужденіяхъ и въ его правомѣрности. Нравственное наслажденіе опирается на *критику*, требуетъ критики, не существуетъ внѣ критики. Разсужденіе есть его элементъ настолько же, насколько составляетъ его элементъ и самоотверженная дѣятельность для достиженія этого наслажденія. Аффективный элементъ въ нравственной дѣятельности не отдѣленъ отъ элемента разсудительнаго. Нравственное побужденіе есть не только побужденіе *сильнѣйшее* для того, кто ему слѣдуетъ; оно есть побужденіе *высшее*, т. е. побужденіе, которое разсудокъ признаетъ, какъ сильнѣйшее *по праву*, побужденіе, которому подчиниться *обязательно*. Въ нравственной жизни человѣка представляется комбинація новаго рода, между влеченіемъ и разсчетомъ. Разсчитана не только на дѣятельность въ виду опредѣленной ближайшей цѣли: это встрѣчается на низшихъ ступеняхъ животной жизни; разсчитана не только дѣятельность въ виду подавляющаго аффекта, что находимъ у многихъ животныхъ; но разсчитана также самая цѣль, которую ставитъ себѣ личность; критика предшествуетъ аффекту; выборъ лучшаго дѣлается сознательно, потому что оно лучшее. Однако, на основаніи сказаннаго выше, критическій элементъ разсчитаннаго выбора не исчерпываетъ элементовъ нравственной жизни. Выборъ лучшаго можетъ быть чуждъ всякаго аффекта: лучшее можетъ быть лишь *полезнѣйшимъ*; оно можетъ быть вовсе не привлекательно и дѣя-

тельность для достиженія цѣли будетъ тогда дѣятельностью разсчетливою, *благоразумною*, но не нравственною. Нравственная дѣятельность, какъ уже было сказано, нераздѣльна отъ стремленія наслаждаться отъ аффекта. Нравственная цѣль есть не только нѣчто *лучше*; это—нѣчто высшее, т. е. лучшее такого рода, что оно возбуждаетъ аффектъ; лучшее, которое можно любить; это—не только выгодное слѣдствіе, но и увлекательный *идеалъ*. Критика, *предшествующая* постановкѣ нравственнаго идеала, оправдываетъ его, какъ *истину*; аффектъ, имъ возбуждаемый, дѣлаетъ его нравственнымъ *благомъ*; сознаніе, что идеалъ опирается на предшествовавшую критику, что она есть истина, дѣлаетъ его *обязанностью* для личности и вызываетъ въ личности сознаніе *права* осуществить его; критика, слѣдующая за постановкою идеала, оправдываетъ дѣятельность, ведущую къ его осуществленію, *какъ нравственную жизнь*.

Такимъ образомъ, въ личности развивается потребность узнать истину, составить себѣ убѣжденіе объ истинномъ благѣ, убѣжденіе о своихъ обязанностяхъ и правахъ; развивается потребность жить согласно своему убѣжденію. Это составляетъ и исчерпываетъ нравственную жизнь личности. Каждый шагъ на этомъ пути есть шагъ, расширяющій для личности ея собственное достоинство, ставящій ее выше въ собственномъ сознаніи. Все, принадлежащее этой области, составляетъ для личности процессъ *развитія*, а потребность, вызывающая нравственную жизнь, есть основная потребность, создающая исторію, потребность *нравственнаго развитія*.

Такъ какъ первый шагъ нравственнаго развитія есть стремленіе къ истинѣ, то первая область нравственнаго міра есть область *знанія*, которое становится *наукою*,

когда оно выработало достаточно строгіе методы и настолько сгруппировало факты, что эти знанія формулируются въ понятія. Такъ какъ осуществленіе убѣжденій личности въ жизни не можетъ совершаться иначе, какъ въ рядѣ отношеній человѣка къ другимъ личностямъ, то нравственная жизнь приводитъ къ соціальной дѣятельности или къ воплощенію *справедливости* въ общественныя отношенія. Слѣдовательно, цѣли прогресса представляются въ формулахъ истины и справедливости, какъ удовлетвореніе научной и нравственной потребности развитія. Изъ тщательной критики сознанія первостепенныхъ элементовъ исторіи оказывается развитіе ясной научной мысли и яснаго нравственнаго убѣжденія, воплощеннаго въ жизнь.

Но какъ развитіе науки, такъ и воплощеніе справедливости представляетъ весьма медленный процессъ, встрѣчающій безпрестанныя затрудненія какъ въ общественныхъ формахъ, такъ и въ психическихъ влеченіяхъ и привычкахъ личности. Ясныя понятія—необходимое условіе науки—пріобрѣсти не легко, и долго личности замѣняютъ ихъ представленіями религіозными, не критически выработанными, но составляющими основу убѣжденій и жизненной дѣятельности, или представленіями художественными, не методически добытыми, но увлекательными по характеристической вѣрности своихъ частностей. Поэтому, съ областями науки и нравственной дѣятельности сплетаются область некритическихъ убѣжденій—область *религіи*—и область патетически вѣрныхъ представленій внѣшняго міра и отраженій міра внутренняго—область *искусства*. Объ послѣднія области лишь частью принадлежатъ нравственному міру. Въ первой господствуютъ въ значительной мѣрѣ привычки и преданія, враждебныя критикѣ, слѣдовательно, враждебныя

истинѣ и развитію; къ тому же, по своему содержанію, эта область, по справедливому замѣчанію Гэнне-ам-Рина—впрочемъ, однако, не новому,—не заключаетъ ничего собственно ей принадлежащаго. Догматы по содержанію принадлежатъ области точнаго знанія или философскаго построенія; практическія правила принадлежатъ области нравственности; формы миѳологіи и культа принадлежатъ области искусства.

Относительно области искусства, которой Гэнне-ам-Ринъ хочетъ придать болѣе высокое цивилизаціонное значеніе, чѣмъ Бокль и Дреперъ, обособляя идею красоты, какъ равноправную съ идеями истины и блага,—относительно области искусства, нельзя голословно отвергать или допускать эту равноправность, а приходится ее обсудить при пособіи пріобрѣтенныхъ уже началъ. Развитіе умственное и нравственное суть факты, которые допускаютъ точное опредѣленіе и даже, въ нѣкоторой степени, измѣреніе. Расширеніе области ясныхъ понятій, точныхъ методовъ, раціональной группировки фактовъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаетъ сомнѣніе и споры относительно своей дѣйствительности, и, въ случаѣ своей дѣйствительности, принадлежитъ неизбѣжно процессу прогрессивнаго развитія. Точно то же можно сказать о выработкѣ убѣжденій и о рѣшимости воплощать ихъ въ жизнь, о критическомъ отношеніи къ убѣжденіямъ и о переработкѣ общественной культуры, подъ вліяніемъ убѣжденій наиболѣе развитой общественной группы. Дѣйствительность факта и прогрессивное его значеніе и здѣсь, большею частью, безспорны. Кромѣ того, двѣ эти области взаимно поддерживаютъ другъ друга въ своемъ развитіи. Желаніе научной мысли ведетъ къ усиленію критики нравственныхъ убѣжденій, къ уясненію понятій о справедливыхъ отно-

шеніяхъ между личностями, къ лучшему пониманію необходимаго и возможнаго въ данныхъ обстоятельствахъ, а слѣдовательно,—къ болѣе удачной и цѣлесообразной дѣятельности для реформы общества въ прогрессивномъ смыслѣ. Выработка болѣе крѣпкихъ и болѣе критическихъ убѣжденій и распространеніе справедливости въ отношеніяхъ между людьми заключаютъ уже условіе развитія любви къ истинѣ, слѣдовательно, измѣненіе обстоятельствъ въ пользу успѣховъ научной мысли. Но далеко не то же можно сказать объ эстетическомъ развитіи людей. Не смотря на обширную литературу, сюда относящуюся, самый фактъ эстетическаго развитія личности или общества есть одинъ изъ весьма темныхъ фактовъ психологіи. Существуютъ почти неоспоримые примѣры крайней умственной ограниченности художниковъ формы, звуковъ или слова, произведенія которыхъ блещутъ не только красотой исполненія, но силою мысли; еще чаще можно встрѣтить, въ ряду первостепенныхъ талантовъ этого рода, нравственный и политическій индифферентизмъ или даже циническое отношеніе къ понятію о нравственной и гражданской обязанности, одновременно съ потрясающимъ патетизмомъ ихъ въ созданіяхъ. Здѣсь не мѣсто разбирать дѣйствительныя или вѣроятныя причины этого факта, но самый фактъ независимости эстетическаго развитія личности отъ ея умственной силы и нравственной высоты едва ли допускаетъ сомнѣніе. Въ исторіи, за исключеніемъ греческаго періода, почти всѣ остальныя блестящія эпохи искусства совпадаютъ съ обстоятельствами, крайне невыгодными въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Латинская поэзія эпохи Августа, прославивъ цезаризмъ, соотвѣтствовала нравственному и политическому утомленію, религіоз-

ной реакціи. Эпоха средневѣковой эпики и лирики была временемъ почти полнаго отсутствія научной критики и нравственности, опирающейся на личное убѣжденіе и на правила, данныя извнѣ. Эпоха процвѣтанія живописи въ Италіи совпала съ ея политическимъ униженіемъ, съ выработкою нравственныхъ типовъ, которые начерчены Макіавелли въ его „Государѣ“ и его комедіяхъ, съ ослабленіемъ въ Италіи научныхъ работъ. Драма эпохи Елизаветы и Филиппа II, эпохи религіозныхъ гоненій, ослабѣла съ возвышеніемъ научной мысли въ XVII вѣкѣ и никогда уже не достигала прежней своей высоты. Прославленный вѣкъ Людовика XIV былъ вѣкомъ ослабленія умственной критики, вѣкомъ идеализаціи придворнаго низкопоклонничества и драгонадъ. Эпоха Шиллера, Гете, Моцарта и Бетховена была для Германіи эпохою реакціи. Время Ламартина, Гюго, Мюссе, Занда, Бальзака было для Франціи періодомъ политическаго индифферентизма, парламентарнаго лицемѣрія и развитія биржевыхъ спекуляцій, слѣдовательно, періодомъ нравственнаго пониженія, которое логически дошло постепенно до второй имперіи. Безспорно, научная и нравственная истина пріобрѣтаетъ громадную силу, когда находитъ себѣ художественное выраженіе, но это художественное выраженіе настолько же усиливаетъ призрачный догматъ и реакціонную проповѣдь. Искусство, помощью наглядности своихъ формъ и патетической красоты ихъ, есть сила весьма значительная, но вовсе независящая отъ истины и нравственности своего содержанія. Прогрессъ умственный и нравственный можетъ выражаться въ художественныхъ формахъ Эврипида, Лукреція, Грибоѣдова, но гораздо чаще ему служатъ воплощеніемъ произведенія второстепенныя въ эстетическомъ отношеніи, тогда какъ

произведенія наиболѣе выработавшихся художниковъ, только частью, или только помощью критической натяжки, могутъ быть приведены въ связь съ этимъ прогрессомъ.

Если эстетическое развитіе не можетъ быть признано ни источникомъ, ни признакомъ умственнаго и нравственнаго прогресса въ личности и въ народахъ, то остается рѣшить вопросъ: не слѣдуетъ ли его признать самостоятельнымъ прогрессивнымъ процессомъ настолько же, какъ и развитіе умственное и нравственное? Но здѣсь намъ представляется первое препятствіе уже въ томъ, что художественная производительность есть явленіе личное и не передаваемое ни современникамъ, ни потомству. Великій художникъ всегда одинъ. Ученики схватываютъ его манеру, его технику, перенимаютъ у него и подражаютъ ему, но всякая школа въ искусствѣ представляетъ его паденіе. При пособіи художественныхъ произведеній возрастаетъ эстетическая критика, эстетическое пониманіе, т. е. возрастаетъ *наука* (подобно тому, какъ она выигрываетъ отъ наблюденія новаго землетрясенія, новаго урагана, новой эпидеміи, новаго затменія), но каждый художникъ уноситъ свое художественное творчество съ собою въ могилу: отъ Шекспира, Микель-Анджело, Бетховена остались лишь ихъ произведенія. Большинство эстетиковъ не согласно даже признать, чтобы можно было замѣтить прогрессъ въ искусствѣ, или разсматривать его какъ творчество, а не какъ технику. Многіе мыслители допускаютъ неизбѣжность его ослабленія съ усиленіемъ умственнаго труда и съ возвышеніемъ ремесленной техники. Все это заставляетъ считать крайне сомнительнымъ допущеніе для искусства равноправности съ наукою и съ нравствен-

ностью при пониманіи исторіи какъ прогрессивнаго процесса. Это сомнѣніе еще подтверждается соображеніемъ, что художественное творчество есть почти невольная, а не разсчитанная, разумная, критическая дѣятельность; что въ искусствѣ всего менѣе можно уяснить себѣ цѣль, и средства, но то и другое является талантливому художнику, какъ бы инстинктивно, полусознательно и бываетъ тѣмъ ближе къ явленіямъ механическаго рефлекса, чѣмъ геніальнѣе художникъ. Усиленіе художественнаго процесса влечетъ за собой ослабленіе сознательности. Это послѣднее обстоятельство почти неизбѣжно ведетъ къ отрицанію равноправности искусства съ наукою и нравственностью въ исторіи, въ смыслѣ пониманія сознательнаго развитія человѣчества. Художественныя произведенія суть самыя яркія и вліятельныя воплощенія умственныхъ и нравственныхъ процессовъ общества, но они получаютъ историческое значеніе не по степени своего художественнаго достоинства, а по мѣрѣ выраженія въ нихъ общественнаго прогресса или регресса. Сами по себѣ они принадлежатъ къ группѣ *культурныхъ формъ*, обособляющихъ цивилизаціи и ихъ эпохи, но вовсе не свидѣтельствующихъ о мѣстѣ, занимаемомъ данною эпохою данной цивилизаціи въ прогрессивномъ движеніи человѣчества.

Слѣдовательно, религіозныя вѣрованія и художественное творчество являются второстепенными элементами исторіи, сравнительно съ научною мыслью и ясно сознанными нравственными стремленіями; но при слабой выработкѣ этихъ важнѣйшихъ элементовъ, первые получаютъ значеніе подготовленныхъ, младенческихъ формъ работы мысли. Дѣйствительно, ясное пониманіе предметовъ и ясное сознаніе цѣлей сдѣлали еще мало успѣховъ въ человѣ-

чествѣ, а потому фактически до сихъ поръ умственное и нравственное развитіе человѣчества гораздо чаще проявлялось въ формѣ религіозныхъ вѣрованій и болѣе или менѣе художественныхъ произведеній искусства, чѣмъ въ формѣ научно-установленныхъ истинъ и сознательнаго пониманія справедливости. Научныя теоріи и научная общественная техника завоевываютъ себѣ больше и больше мѣста, но завоеванія ихъ—особенно послѣдней—еще не очень значительны. Поэтому, изучая потребность развитія, въ ея историческомъ удовлетвореніи, историку приходится разсматривать второстепенныя области вѣрованій и художественнаго творчества на ряду съ областями науки и нравственной дѣятельности, какъ фазисы прогресса въ человѣчествѣ.

Сущность процесса исторіи можетъ быть выражена еще иначе. Будетъ ли убѣжденіе человѣка вѣрно, или ошибочно; будетъ ли оно продумано критически, или усвоено путемъ вѣрованія, или угадано въ художественномъ идеалѣ,—во всякомъ случаѣ это убѣжденіе ставитъ свой нравственный идеалъ, какъ нѣчто высшее, какъ нѣчто обязательное, рядомъ съ привычками и преданіями общественной культуры. Оно *требуетъ* отъ личности *критики* общественныхъ формъ и общественныхъ явленій, на основаніи идеала, образовавшагося въ убѣжденіи. Оно *требуетъ* дѣятельности сообразно этой критикѣ, т. е. требуетъ *борьбы* личности съ преданіями и привычками, не согласными съ ея убѣжденіемъ. Какъ личность критически мыслящая, человѣкъ становится врагомъ застоя въ обществѣ, органомъ общественныхъ реформъ и переворотовъ, дѣятелемъ прогресса, элементомъ исторіи. Потребность развитія противодѣйствуетъ всѣмъ остальнымъ потребностямъ, которыя влекутъ общество къ застою.

Критическая мысль, дѣйствуя неудержимо на культуру для распространенія истины и справедливости, обращаетъ культуру въ прогрессивную *цивилизацію* и создаетъ *исторію*.

Такимъ образомъ, существенное историческое явленіе прогресса обусловливается въ своихъ видоизмѣненіяхъ взаимодѣйствіемъ двухъ элементовъ. *Культура* общества представляетъ въ каждомъ мѣстѣ и въ каждый моментъ среду, изъ которой развивается критическая мысль личностей, но которая сама по себѣ заключаетъ естественное влеченіе къ застою, къ упроченію привычекъ и преданій даннаго общества въ данную эпоху его существованія. *Мысль* личностей противопоставляетъ этому влеченію къ застою свои идеалы въ формѣ вѣрованій и художественныхъ созданій, которыя постепенно вырабатываются въ научную критику и въ ясное сознаніе нравственныхъ требованій справедливости. Исторія человѣчества представляетъ раціональный интересъ лишь какъ изслѣдованіе процесса переработки культуры помощью мысли. Успѣхи послѣдней обозначили великія эпохи жизни человѣчества. Подавленіе ея культурными привычками и преданіями влекло за собой замедленіе развитія общества, застой цивилизаціи или даже пониженіе ея. *Исторія цивилизаціи*, въ ея раціональномъ смыслѣ, должна показать образованіе различныхъ культуръ подъ вліяніемъ общественныхъ законовъ, историческихъ условій и работы мысли личностей, возникновеніе новой критики мысли при условіяхъ каждой новой культуры и переработку этой культуры подъ вліяніемъ мысли, ею вызванной.

Литтрэ признаетъ успѣхи научной мысли мѣриломъ прогресса, но, относительно предшествующаго періода, гдѣ научная мысль, очевидно, не имѣла мѣста, онъ огра-

ничивается общепринятымъ способомъ оцѣнки по развитію эмпирической техники. „Необходимо,— говоритъ онъ (388 и сл.),— имѣть мѣру, къ которой можно было бы приложить развитіе, для того, чтобы можно было опредѣлить, сколько ступеней пройдено. Въ нашей цивилизаціи этотъ термометръ, нѣкотораго рода, данъ намъ успѣхами позитивныхъ наукъ; онъ чувствителенъ, точенъ и тотчасъ доставляетъ требуемое свѣдѣніе. Этотъ добавочный термометръ приложимъ не во всѣхъ случаяхъ. Есть цвѣтущія цивилизаціи, гдѣ позитивныя науки или вовсе не существуютъ, или не пошли далѣе самыхъ простыхъ началъ; таковы были въ древности: Египетъ, Финикія, Ассирія; таковы въ наше время Индія, Китай, Японія. Тамъ искомый термометръ заключается въ развитіи ремеслъ (arts), служащихъ къ поддержанію и украшенію жизни“. Приложеніе къ соціологіи исключительно объективнаго метода, составляющее, какъ уже было сказано, основу и отличительный догматъ школы Литтрэ, не позволило ему ввести въ эту оцѣнку мѣрило нравственнаго ученія, и потому донаучный періодъ исторіи вышелъ у него описаніемъ культурныхъ формъ, тогда какъ слѣдующій представляетъ результаты работы мысли. Вмѣстѣ съ тѣмъ техническіе успѣхи Китая или Египта станутъ въ этомъ случаѣ выше той работы мысли, которая видна въ индусской литературѣ, въ религіи маздеизма *). Но и въ позднѣйшей исторіи эта односторонность нѣсколько искажаетъ перспективу событій. Когда научные методы были однажды установлены въ новой Европѣ, то наука въ ней представляла лишь процессъ пріобрѣ-

*) Дѣйствительно, по всей программѣ, Литтрэ долженъ былъ разсмотрѣть китайцевъ послѣ индусовъ и иранійцевъ.

теній и успѣховъ, слѣдовательно, ходъ исторіи долженъ быть признанъ единообразно прогрессивнымъ. Но это было не такъ; начало XIX вѣка было періодомъ реакціи и развитія политическаго индифферентизма, который повелъ къ отрицанію или пренебреженію нравственныхъ убѣжденій вообще. Конечно, этотъ скептицизмъ былъ неизбѣжнымъ фазисомъ въ переходѣ отъ политическихъ идеаловъ прежняго времени къ соціальнымъ идеаламъ настоящаго, опирающимся на критику политическихъ идеаловъ въ самой ихъ сущности. Тѣмъ не менѣе скептицизмъ, предшествовавшій критикѣ, обозначалъ нравственное пониженіе въ обществѣ, служилъ весьма замѣтнымъ характеристическимъ признакомъ эпохи и наложилъ свою печать на множество явленій, между прочимъ, и на самую исторію позитивизма. Вся эта особенность съ начала XIX вѣка исчезаетъ при измѣреніи хода исторіи *только* научными пріобрѣтеніями. Поэтому не слѣдуетъ признавать ни для какого періода мѣриломъ прогресса культурныя формы: онѣ обособляютъ расы, племена, націи и мѣстности *антропологически*, но не *исторически* и ни въ какомъ случаѣ не суть сами по себѣ прогрессивныя явленія. Всегда и вездѣ прогрессъ опредѣляется работою мысли. До появленія науки вообще мысль работаетъ въ неясныхъ формахъ религіи и искусствъ, эмпирически внося въ миѳы, догматы, законы, культурные типы, литературу угадыванія отрывочной истины и неполной справедливости. Въ періодѣ выработки науки, *исключительно* объективной, научная мысль есть мѣрило теоретическаго прогресса, но практическій прогрессъ продолжаетъ вырабатываться прежнимъ методомъ, и общественные идеалы лишены раціональнаго основанія, представляютъ частныя угадыванія, смѣшанныя съ культурною традиціею, съ культурными

привычками, безъ надлежащей оцѣнки неизбѣжнаго и возможнаго. Общество подвергается потрясеніямъ и переворотамъ, но не можетъ быть перестроено научно, потому что ни объективныя данныя его не опредѣлены, ни субъективные идеалы не продуманы съ достаточною критикою и послѣдовательностью; всемірное гражданство древнихъ философскихъ школъ осталось не практическою формулою; утопическія общества Платона, Моруса, Кампанеллы были лишь порывами угадать будущее; „права человѣка“ и девизъ *свободы, равенства и братства* оказались безсильными словами передъ реальнымъ культурнымъ преданіемъ; это было мѣстное лѣченіе конституціонной болѣзни. Тогда начинается новый отдѣлъ исторіи построеніемъ научной соціологіи, опирающейся въ своихъ субъективныхъ данныхъ на всю предшествующую объективную науку; въ своихъ субъективныхъ идеалахъ на безусловную и неумолимую критику всѣхъ традицій, на устраненіе *всѣхъ* посторонникъ элементовъ изъ идеала истины и справедливости, на твердую рѣшимость бороться со всѣми явленіями обычной культуры для осуществленія своего идеала въ предѣлахъ возможнаго. Этотъ періодъ начался недавно, лежитъ еще, большей частью, въ будущемъ и начало его представляется лишь рядомъ неудачныхъ попытокъ, за которыми слѣдовали кровавыя реакціи стараго міра. Но задачи этого періода уже поставлены; онѣ суть: научное пониманіе общества въ его историческомъ развитіи, въ его фактическомъ содержаніи и въ его идеальныхъ требованіяхъ и перестройка существующихъ культурныхъ формъ, на основаніи этого научнаго пониманія. Эмпирически работала мысль въ обѣихъ сферахъ въ первомъ періодѣ; эмпирически продолжала она работать въ сферѣ субъективныхъ идеаловъ во второмъ,

но работала уже научно въ объективной сферѣ знанія; научно она должна трудиться въ обѣихъ сферахъ въ третьемъ великомъ періодѣ исторіи.

Я имѣлъ случай говорить на страницахъ этого журнала *), что пониманіе прогресса неизбѣжно субъективно и, слѣдовательно, группировка фактовъ въ исторіи и ея періодовъ не устанавливается разъ навсегда. Очень можетъ быть, что въ будущемъ нравственный идеалъ разовьется гораздо далѣе, чѣмъ сколько онъ развитъ теперь, а потому и три большіе отдѣла исторіи, здѣсь установленные, войдутъ въ видѣ частныхъ дѣленій въ лучшую группировку, которую намъ невозможно теперь ни предвидѣть, ни понять. Исторія въ ея пониманіи, должна непремѣнно удержать отпечатокъ умственнаго и нравственнаго развитія той личности, которая стремится понять ее. Но съ нѣкоторою вѣроятностью можно допустить, что, съ установленіемъ научныхъ основъ для этики и соціологіи, самое пониманіе исторіи получило болѣе устойчивости; что ему предстоитъ расширяться, развиваться, но не измѣняться въ своей сущности.

Мнѣ приходилось уже говорить и о смыслѣ научнаго пониманія исторіи, закона, въ ней отыскиваемаго **). Это есть законъ *распредѣленія* событій и соціологическихъ явленій,—*распредѣленія*, объясняемаго ихъ *генезисомъ*. Такой законъ есть единственный, котораго можно искать въ наукахъ о *предметахъ и формахъ*, наукахъ, которыя у позитивистовъ называются *конкретными*, которыя можно назвать *космологическими*, *морфологическими* или

*) Октябрь, 1871, критика, 6 и слѣд.

**) Тамъ же, 2 и слѣд.

иначе, и которыя играютъ низшую роль въ позитивизмѣ, потому что онъ отвергаетъ научность вопроса о генезисѣ (хотя не можетъ не допустить его въ эмбріологіи), слѣдовательно, тѣмъ самымъ отказывается понять всякое распредѣленіе. Законы повторенія явленій и законы распредѣленія формъ и предметовъ въ ихъ генезисѣ представляютъ не два различныхъ ряда, изъ которыхъ наученъ лишь первый, но это *одинъ* рядъ законовъ, взаимно поясняющихъ другъ друга. Исторія принадлежитъ къ наукамъ, допускающимъ лишь законы распредѣленія. Если у Генне-ам-Рина мы встрѣчаемъ слова, что законы исторіи, „къ счастью людей“, имъ неизвѣстны, то такое выраженіе выказываетъ лишь недостатокъ обдуманности въ писателѣ, стремящемся, впрочемъ, стать вполнѣ въ уровень съ настоящимъ развитіемъ. Въ мысли развитого человѣка незнаніе не можетъ и не должно составлять счастья ни для него, ни для человѣчества. Оно можетъ быть неизбѣжно, какъ во всѣхъ вопросахъ о сущности вещей, но когда дѣло идетъ о законахъ исторіи, то нельзя предполагать неизбѣжнаго незнанія. Гэнне-ам-Ринъ полагаетъ, что законы исторіи останутся навсегда неизвѣстными. Онъ, конечно, имѣлъ въ виду законы повторяющихся явленій, и этихъ нечего искать въ исторіи, потому что ихъ нѣтъ тамъ, подобно тому, какъ въ распредѣленіи формъ органическаго міра нѣтъ иныхъ законовъ, кромѣ закона группировки сходныхъ формъ на основаніи эмбріологическаго и трансформаціоннаго генезиса этихъ формъ. При сложности историческихъ явленій, нельзя не признать чрезвычайной трудности распространить генетическое объясненіе прошедшихъ и настоящихъ распредѣленій на будущее, но научное пониманіе объективнаго и субъек-

тивнаго элементовъ въ соціологіи и ихъ взаимодѣйствіе находятся еще въ самомъ своемъ началѣ; слѣдовательно, *теперь* не можетъ быть опредѣлена степень трудности рѣшенія историческихъ вопросовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
„Формула прогресса Н. К. Михайловскаго“ . .	3— 47
Противники исторіи	48— 94
Научныя основы исторіи цивилизаціи	95—143

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Лица, обращающіяся непосредственно въ контору журнала „Русское Богатство“ (С.-Петербургъ, Баскова, 9) или ея отдѣленіе (Москва, Никитскія Ворота, д. Гагарина), пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки, если выписываютъ книгъ на сумму не меньше одного рубля.

Н. Авксентьевъ. Выборы народныхъ представителей. Ц. 5 к.
С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
П. Булыгинъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Григорій Бѣлорѣцкій. Безъ идеи. Ц. 75 к.
П. Голубевъ. Податное дѣло. Ц. 8 коп.
Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
„ Англійскіе силуэты. Ц. 1 р. 50 к.
„ Неприкосновенность личности и жилища. Ц. 4 к.
„ Свобода печати. Ц. 5 к.
В. І. Дмитріева. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р.
Владиміръ Короленко. Очерки и разсказы. I т.—1 р. 50 к. II т.—1 р. 50 к., III т.—1 р 25 к.
„ „ Въ голодный годъ. Ц. 1 р.
„ „ Слѣпой музыкантъ. Ц. 75 к.
„ „ Безъ языка. Ц. 75 к.
„ „ Письма къ жителю городской окраины. Ц 5 к
Н. Кудринъ. Очерки современной Франціи. Ц. 1 р. 50 к.
„ Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей, съ портретами. Ц. 1 р. 50 к.
П. Л. Лавровъ (Миртовъ). Историческія письма. Ц. 1 р.
„ Формула прогресса Н. К. Михайловскаго. Противники исторіи. Научныя основы исторіи цивилизаціи. Ц. 40 к.
„ Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Ц. 40 к.
А. Леонтьевъ. Равноправность. Ц. 5 к.
„ Судъ и его независимость. Ц. 5 к.
Ек. Лѣткова. Повѣсти и разсказы. I—III тт. по 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ I—II тт. по 1 р. 50 к.
„ Пасынки жизни. Ц. 1 р.
„ Очерки русской поэзіи. Ц. 1 р. 50 к.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія I—VI тт. по 2 р.
„ Литературныя воспоминанія и современная смута I—II тт. по 2 р.
„ Отклики I—II тт. по 1 р. 50 к.
„ Послѣднія сочиненія I—II тт. по 1 р. 50 к.
„ Изъ романа „Карьера Оладушкина“. Ц. 75 к.
В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Ц. 1 р. 25 к.
„ Надо ли идти въ Думу. Ц. 10 к.

А. О. Немировскій. Напасть. Ц. 1 р.
А. А. Николаевъ. Кооперація. Ц. 10 к.
А. Б. Петрищевъ. Церковь и школа. Ц. 15 коп.
С. Подъячевъ. Мытарства. Ц. 75 к.
„ Среди рабочихъ. Ц. 75 к.
А. В. Пѣшехоновъ. Земельныя нужды деревни. Ц. 60 к.
„ Крестьяне и рабочіе. Ц. 25 к.
„ Экономическая политика самодержавія. Ц. 30 к.
„ Хлѣбъ, свѣтъ и свобода. Ц. 10 к.
„ Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Ц. 40 к.
„ Сущность аграрной проблемы. Ц. 6 к.
„ Наканунѣ. Ц. 60 к.
„ Къ вопросу объ интеллигенціи. Ц. 25 к.
С. А. Савинкова. Годы скорби. Ц. 15 к.
Сборникъ „Русскаго Богатства". I ч.—Ц. 2 р., II ч.—Ц. 1 р.
П. Тимофеевъ. Чѣмъ живетъ заводскій рабочій. Цѣна 40 коп.
Викторъ Черновъ. Марксизмъ и аграрный вопросъ. Ц. 75 к.
Б. Эфруси. Очерки по политической экономіи. Ц. 1 р.
С. Н. Южаковъ. Доброволецъ Петербургъ. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. I—II т. т. по 1 р.
„ Русская Муза. Собраніе лучшихъ стихотвореній. Ц. 1 р. 75 к.

ВЪ ЗАЩИТУ СЛОВА. Сборникъ. **4**-е изданіе. Цѣна **75** коп.

ЭДМЪ ШАМПЬОНЪ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 г. Цѣна **50** коп.

Ежемѣсячный литературный и научный журналъ

„Русское Богатство",

издаваемый подъ редакціей **Вл. Г. Короленко**

и при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Моніевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Мельшина).**

На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки въ Спб. и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

Контора журнала: **С.-Петербургъ**, Баскова ул., 9; отдѣленіе въ **Москвѣ**: Никитскія Ворота, д. Гагарина.